

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО БИОЭТИКЕ

Выпуск 25

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
СЕКТОР ГУМАНИТАРНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И БИОЭТИКИ
МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ И ПРИКЛАДНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР БИОЭТИКИ

**Философский анализ проектов
конструирования человека:
идеалы и технологии**

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО БИОЭТИКЕ
Выпуск 25

Под редакцией доктора философских наук П. Д. Тищенко

Москва 2016

INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES
DEPARTMENT OF HUMANITARIAN EXPERTISE AND
BIOETHICS
MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES
INSTITUTE OF FUNDAMENTAL AND APPLIED RESEARCH
CENTER OF BIOETHICS

ББК 87.75

**Philosophical analysis
of human construction projects:
ideals and technology**

WORKBOOKS ON BIOETHICS
Issue 25
Edited by P. D. Tishchenko

Рецензенты:
д. филос. н. Я. И. Свирский,
к. филос. н. И. А. Авдеева

Редакционный совет серии:
Б. Г. Юдин — председатель,
П. Д. Тищенко — ответственный редактор,
Р. Р. Беляетдинов — ученый секретарь,
С. В. Лаврентьева — секретарь,
Д. Л. Агранат,
А. А. Воронин,
Н. В. Захаров,
Вал. А. Луков,
Ф. Г. Майленова,
О. В. Попова
М. А. Пронин

Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 25: Философский анализ проектов
конструирования человека: идеалы и технологии : сб. науч. ст. / под ред.
П. Д. Тищенко. — М. : Издательство Московского гуманитарного универси-
тета. — 2016. — 196 с.

При финансовой поддержке гранта РГНФ 15-23-01008

ISBN 978-5-906912-28-2

ББК 87.75

ISBN 978-5-906912-28-2

© Авторы статей. 2016

Moscow 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Е. Г. Гребенищикова</i> Конвергенция био- и ИК- технологий: новые возможности для пациентов и новые вызовы для этики	6
<i>А. Я. Иванюшкин</i> Антипсихиатрия: социальное конструирование психической болезни (М. Фуко — философский предтеча антипсихиатрии)	16
<i>О. В. Попова</i> Социокультурное и биотехнологическое конструирование: моральные и онтологические парадоксы	29
<i>Вал. А. Луков, А. В. Павлов</i> Конструирование человека в свете тезаурусной концепции молодежи	56
<i>О. А. Максакова</i> Восстановление сознания после тяжелой черепно-мозговой травмы: смысл и практика командной работы	68
<i>И. В. Мелик-Гайказян</i> «Конструирование человека»: круг проблем	81
<i>Ч. К. Ламажаа</i> Персональная модернизация и архаизация человека	98
<i>Р. Р. Белялетдинов</i> От биоэтики к пост-биоэтике: проблема морального улучшения человека	108
<i>М. А. Меньшикова</i> Идея бессмертия личности у В. М. Бехтерева	115
<i>А. А. Воронин</i> Постконсерватизм	126
<i>П. Д. Тищенко</i> Назад в будущее: советские биотехнологические проекты конструирования человека	137
<i>О. В. Попова</i> Когнитивное усовершенствование человека	157
<i>М. А. Пронин</i> Философия как экспертиза: где Родина виртуального человека?	174
<i>Т. А. Сидорова</i> Идентичность и автономия в контексте генетического братства	178
Авторы выпуска	193

CONTENT

<i>E. G. Grebenschchikova</i> Convergence of bio and IT technologies: new opportunities for patients and new challenges for ethics	6
<i>A. Y. Ivanyushkin</i> Antipsychiatry: the social construction of mental illness (Foucault as a philosophical forerunner of the antipsychiatry)	16
<i>O. V. Popova</i> Socio-cultural and biotechnological design: the moral and ontological paradoxes	29
<i>Val. A. Lukov, A. V. Pavlov</i> Constructing Man in the Light of the Thesaurus Conception of the Youth	56
<i>O. A. Maksakova</i> Consciousness restoration after severe brain injury: the meaning and the practice of teamwork	68
<i>I. V. Melik-Gaykazyan</i> «Human engineering»: a range of issues	81
<i>Ch. K. Lamazhaa</i> Personal modernization and archaization of human	98
<i>R. R. Belyaletdinov</i> From bioethics to post-bioethics: problem of moral enhancement	108
<i>M. A. Menshikova</i> V. M. Bekhterev's Idea of Immortality of the Individual	115
<i>A. A. Voronin</i> Post-Conservatism	126
<i>P. D. Tishchenko</i> Back to the Future: The Soviet Biotechnological Projects of Human Construction	137
<i>O. V. Popova</i> Cognitive human enhancement	157
<i>M. A. Pronin</i> Philosophy as expertize: where Homeland of the virtual person?	174
<i>T. A. Sidorova</i> The identity and autonomy in the context of genetic brotherhood	178
Authors	193

Конвергенция био- и ИК- технологий: новые возможности для пациентов и новые вызовы для этики¹

Е. Г. Гребенищикова

Convergence of bio and IT technologies: new opportunities for patients and new challenges for ethics

E. G. Grebenschikova

Аннотация. Развитие биотехнологии не только открывает новые возможности, но и актуализирует комплекс этических проблем: автономии, информирования, социальной ответственности и справедливости. В таком контексте возникает ряд вопросов об исходных принципах новых этико-правовых регулятивов, универсальности тех или иных этических установок, возможной сфере их влияния и др. К настоящему времени разработано несколько этических кодексов, частично связанных с биоэтическим принципализмом, которые отвечают на новые реалии активного взаимодействия био- и ИТ- технологий.

Ключевые слова: частная жизнь, информирование пациента, справедливость, автономия.

Abstract. Development biotechnoscience opens up new opportunities and updates the complex ethical issues relating to the problems of autonomy, awareness, social responsibility and justice. In this context, a number of questions about the new ethical and legal regulators, the universality of certain ethical guidelines, possible their sphere of influence, and others raise. To date, several codes of ethics, that respond to the new realities of active interaction of bio- and IT- technologies developed.

Keywords: privacy, patient information, justice, autonomy.

Развитие биотехнологии не только открывает новые возможности, но и актуализирует комплекс этических вопросов, связанных с проблемами автономии, информирования, социальной ответственности и справедливости. Базовые документы в области биоэтики, как например, Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, принятая на Генеральной конференции ЮНЕСКО 19 октября 2005 г., содержат только общие ориентиры, которые требуют конкретизации с учетом открывающихся возмож-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 15-18-10013.

ностей новых технологий. Например, в обеспечении медицинской деятельности принимают участие специалисты по ИТ-технологиям, происходит расширение полномочий пациентов и их активное вовлечение в формирующиеся практики «заботы о себе» и т. п. В таком контексте возникает ряд вопросов об исходных принципах новых этико-правовых регулятивов, универсальности тех или иных этических установок, возможной сфере их влияния и др. Так, с развитием «электронного здравоохранения» (eHealth) было разработано несколько этических кодексов, частично связанных с биоэтическим принципализмом. Интернет коалиция медицинской помощи (Интернет Healthcare Coalition — ИНС) акцентирует внимание на таких принципах, как откровенность (candor) и достоверность, качество медицинских услуг и информации, информированное согласие, уважение частной жизни и конфиденциальность, высокое качество коммерческой и профессиональной практики¹. Европейская группа по этике науки и новых технологий предлагает следующие этические принципы: уважение частной жизни, защита личных данных о состоянии здоровья, конфиденциальность, достоверность, законность, информированное согласие пациента для использования данных, прозрачность стандартов и доступ пациентов к электронным медицинским картам (EHRs)². В то же время HON (Health on the net foundation) Кодекс для веб-сайтов для врачей и пациентов опирается на такие принципы, как авторство информации, цель веб-сайта, конфиденциальность информации, информация должна быть документирована: источник и дата, обоснованность утверждений, контактная информация веб-сайта, источники финансирования, рекламная политика³. Еще один вариант Кодекса предлагает Коалиция интернет этики (Health Internet Ethics — Hi-Ethics, Inc.). Принципы охватывают следующие пять областей: личная жизнь, коммерция, информационное обеспечение качества, профессионализм и раскрытие информации⁴.

«Конец частной жизни» — именно так определили одну из ключевых проблем развития ИТ-технологий редакторы журнала «Science» М. Энзеринк и Дж. Чин⁵. Безусловно она [проблема] не ограничивается областью конвергенции био- и инфо- технологий, но в значительной

¹ Rippen, H., Risk, A. e-Health code of ethics (May 24) //J Med Internet Res. 2000. Т. 2. №. 2. С. E9.

² European Commission. Opinion of the European Group on Ethics in Science and New Technologies. Ethical issues of healthcare in the information

³ Kemper, D. W. Hi-Ethics: Though principles for earning consumer trust //The new frontier: Exploring e-health ethics. 2001. С. 145–150.

⁴ <http://www.imaginologia.com.br/dow/manual/Hi-Ethics.pdf>

⁵ Enserink, M., Chin, G. The end of privacy // Science. 2015, 30 January. Vol. 347. № 6221. P. 490–491.

степени затрагивает витальные ценности. С момента рождения происходит процесс фиксации данных (первоначально это антропометрические и медицинские характеристики) о человеке, которые затем дополняются сведениям о банковских счетах, картах, номерах социального страхования и т. п., а в перспективе весь геном человека может быть занесен на информационные носители. Однако понимание частной жизни и возможных степеней открытости меняется очень незначительно. По мнению указанных авторов, прежние понимание частной жизни уже не соответствует реалиям настоящего. В таком контексте, внимание этических кодексов и других этических регламентов к частной жизни связано как с необходимостью переосмысления прежнего формата взаимоотношений в сфере биомедицины и биотехнологий, так и со стремлением ответить на новые вызовы.

Существует множество социальных сетей, где люди делятся личной информацией, подробно описывают распорядок дня или же свое психоэмоциональное состояние. При этом не всегда они говорят от своего имени, скрываясь за так называемым ником. Однако их личность может быть сразу представлена общественности, если речь идет о новом и опасном заболевании. Так, например, через 20 минут, после того как 26 октября 2014 г. работники скорой помощи в белой защитной одежде забрали человека из его дома в голландском городе Маастрихте, информация появилась в Твиттере¹.

Быстрое распространение информации не означает ее быстрой проверки или достоверности. А погоня журналистов и блоггеров за сенсациями создают новые угрозы для частной жизни. Информация об анонимных пациентах, распространяется теперь по всему миру, например через рассылку «ProMED» и хотя имена пациентов при этом всегда редактируются, как отмечает издатель «ProMED» Ларри Мадофф (Larry Madoff), благодаря простому поиску в Гугле можно найти исходную историю с реальными именами². Таким образом, остро встает вопрос об этических стандартах для проводимых правительствами наблюдений за распространением болезней. Примером, по мнению Э. Фэйрчайлд может быть Хельсинкская декларация. Разработанная Всемирной медицинской ассоциацией, декларация представляет собой набор этических принципов проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта. В частности, в ней утверждается, что долг врача вовлеченного в медицинское исследование — «защита жизни, здоровья, достоинства, неприкосновенности, права на самоопределение,

частную жизнь и конфиденциальность персональных данных субъектов исследования. Ответственность за защиту субъектов исследования всегда несет врач или иной медицинский работник, и ни в коем случае такая ответственность не может быть возложена на субъекта исследования, даже если он дал свое согласие»¹. Этические принципы декларации периодически пересматриваются и дополняются.

Развитие новых технологий также привело к переосмыслению проблемы справедливости в медицине, как на уровне регионов мира, так и на уровне разных поколений пациентов. Так в ст. 15 «Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека» утверждается, что «Блага, связанные с проведением любых научных исследований и *при*-мнением их результатов, следует использовать совместно со всем обществом и международным сообществом, в частности с развивающимися странами. Для целей реализации настоящего принципа блага могут принимать любую из следующих форм: (а) оказание специальной и долговременной помощи и выражение признательности лицам и группам, участвовавшим в исследованиях; (б) доступ к качественным медицинским услугам; (с) применение новых диагностических и терапевтических методик или продуктов, разработанных в результате исследований; (д) поддержка служб здравоохранения; (е) доступ к научно-техническим знаниям; (ф) укрепление потенциала в области проведения исследований; (г) блага в других формах, соответствующие принципам, изложенным в настоящей Декларации». Дистанционные видеоконсультации открыли большие возможности для пациентов и для врачей, советуемых с коллегами. Но невозможность использовать имеющиеся каналы связи или их полное отсутствие поднимают вопросы справедливого доступа к ресурсам общественного здравоохранения на глобальном уровне. Еще один аспект проблемы связан со сложностями, которые испытывают люди старшего возраста при использовании новых устройств². Рынок «мобильного здравоохранения» развивается быстрыми темпами, однако мало внимания уделяется обучению пациентов пожилого возраста, развитию навыков работы с mHealth девайсами.

Кроме того, особого внимания требует защита от несанкционированного вмешательства в работу медицинских приборов, подсоединенных к Интернету³. Казалось бы фантастическая история из американ-

¹ Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации «Этические принципы медицинских исследований с участием человека в качестве испытуемого» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bioethics.ru/rus/library/id/387/> (Дата доступа 21.10.2016)

² Grindrod, K. A., Li, M., Gates, A. Evaluating user perceptions of mobile medication management applications with older adults: a usability study // JMIR mHealth and uHealth. 2014. Vol. 2. № 1. С. e11.

³ Clery, D. Could your pacemaker be hackable? // Science. 2015, 30 January. Vol. 347. № 6221. P. 499.

¹ Enserink, M. Risk of exposure // Science. 2015, 30 January. Vol. 347. № 6221. P. 498–500.

² Ibid.

ского сериала, где вмешательство в работу стимулятора сердца оказывается способом убийства политического деятеля. Эксперты по интернет-безопасности настаивают на незащищенности подобных устройств со стороны злоумышленников. По этой причине в 2007 г. вице-президента США Дик Чейни не получил одобрение от своего кардиолога по использованию беспроводного стимулятора сердца. Доступность в применении, легкость передачи данных врачу, возможность их фиксации и наблюдения динамики — все эти характеристики важны для пользователей, но часто не принимаются во внимание риски несанкционированного доступа к медицинской информации.

С. Эдвардс в проблеме защиты частной информации акцентирует внимание на двух сложностях: первая, развитие телемедицины и удаленного мониторинга фактически исключают отказ — каждый должен будет принять все возможные способы использования его персональных данных (ограничиваемые только назначенным посредником). С другой стороны, по мнению исследовательницы, постоянное получение согласия на использование персональных данных на каждое специфическое исследование — это почти нереальное предприятие, переход прагматического предела в том, о чем исследователи могут просить пациентов¹. Вторая сложность, постоянный мониторинг здоровья предполагает, по сути, новую форму согласия, т. е. некую форму постоянного разрешения, которое может быть отозвано индивидом в любой момент. Концептуальные и практические аспекты процедуры требуют детальной проработки, но в этом же контексте надо учитывать, что многие мобильные сервисы вообще не оставляют пользователю выбора. Фактически, использование его данных уже выходит за сферу его контроля и стремление избежать рисков может означать полный отказ от сервиса. Как не допустить дискриминации и защитить персональные сведения о человеке в эпоху больших данных — вопрос, требующий привлечения специалистов и пользователей, которые испытают в дальнейшем все эффекты на себе. Такое взаимодействие обеспечит наиболее полный учет мнений заинтересованных лиц, и в тоже время будет способствовать развитию доверия. Например, система, разработанная в Массачусетском технологическом институте, дает возможность отслеживать индивидам кто и с какой целью использует их данные, а также накладывать ограничения на доступ к ним. При этом зарегистрированные пациенты имеют ряд вариантов контроля над теми, кто имеет доступ к их данным и образцам тканей. Подобная система

¹ Edwards, S. J. L. Continuous consent to, or discreet control over digital data? // Research ethics. 2014, December. Vol. 10. № 4. P. 184–186.

может работать только тогда, когда поддерживается доверие пациентов. И уже перед ними возникает обязанность обдуманно подходить к использованию данных¹.

Проблема информирования — еще один аспект этической проблематики, актуализированной развитием «биотехнологического комплекса». Установка этики Гиппократа, что действуя в интересах пациента, врач исходит из своего «разумения» трансформировалась в прошлом веке в новые императивы биомедицинской этики в основе которых автономия и полное информирование пациента. Один из ключевых принципов этического Кодекса «электронного здравоохранения» информирование и обучение пациентов и клиентов относительно ограничения онлайн помощи. Исходя из него, специалисты здравоохранения, которые практикуют в Интернете должны четко и точно идентифицировать себя, сообщать пациентам или клиентам где они практикуют, специфику своих профессиональных полномочий и условия конкретного взаимодействия онлайн; добросовестно анализировать конкретные обстоятельства пациента или клиента, чтобы помочь ему найти ресурсы в его регионе. Важно, что в этическом Кодексе акцентируется внимание на четком и точном описании ограничений дистанционной диагностики и рекомендаций по лечению (невозможность личного обследования пациента), а также необходимости объяснения тех случаев, когда подобная консультация не может заменить личного взаимодействия с лечащим врачом. Проблема получения информации и обмена ею возникает и в связи с широким распространением пациентских форумов, где иногда реализована возможность загрузки своих данных и отслеживания (чаще с личного согласия) данных других пациентов. Эта проблематика не выходит на уровень регламентирующих документов и этических кодексов, но также требует внимания специалистов для предотвращения обмана и втягивания пациентов в сомнительные для их здоровья и лечения практики.

Проблема расширения полномочий пациентов также активно обсуждается в связи с развитием новых видов медицинских услуг и средств контроля и мониторинга здоровья. Социолог Д. Лаптон рассматривает новые подходы в «заботе о себе», где самоконтроль и самооптимизация выходят на первый план, как культуру самотрекинга². Последняя

¹ Edwards, S. J. L. Continuous consent to, or discreet control over digital data? // Research ethics. 2014, December. Vol. 10. № 4. P. 184–186.

² Lupton, D. Self-tracking cultures: towards a sociology of personal informatics [Electronic data]. URL: <http://www.ozchi.org/Previous%20OzCHI%20Conferences/Previous%20OzCHI%20Conferences.html> (Дата доступа 21.10.2016)

возникла в контексте текущего культурного момента из возможностей получать и обрабатывать большие массивы данных, пересекающихся с дискурсами и практиками индивидуализации, переосмысления ответственности за себя и расширения знаний о себе как части работы по личностному самосовершенствованию. Например, К. Данси — самый известный представитель этого движения использует одновременно около 700 сенсоров, регистрирующих различные параметры его жизни¹. Конечно, не все они касаются тела и здоровья. Однако для здорового человека постоянный мониторинг может означать сверх заботу, таким образом он оказывается озабочен своим здоровьем не меньше, чем больной. В этой перспективе может возникнуть позиция для медицинского взгляда — смотреть на здоровье как на предмет медицинского анализа. Традиционно сложился подход, согласно которому пристальный медицинский взгляд нужен в случае болезни, чтобы поставить диагноз и вылечить пациента. Однако, медицинские девайсы вполне способны превратить индивида в «постоянного пациента», озабоченного, даже без серьезных на то причин, различными параметрами своего тела. В результате традиционное представление о теле как самоорганизующейся системе вполне может смениться представлением о нем как предмете постоянного контроля. Степень этого контроля может повышаться вместе с развитием новых технологий. Но что дает подобный контроль? И не окажется ли он контрпродуктивным таким образом, что иллюзия контроля приведет к переоценке контролируемости ситуации, учитывая развитие тенденций самолечения в современном обществе? В таком контексте, здоровье может оказаться всего лишь проблемой техники, причем, чисто «доместифицированной техники».

Безусловно, использование mHealth устройств может внести существенный вклад в формирование здравоохранительных установок поведения — это одна из проблем, которую стремятся решить разные учреждения системы медицинской помощи. Но здесь особое значение имеет глубокий анализ и ясное понимание того, что «хорошая дисциплина» для здоровья означает. Устройства для квантификации секса, сравнивающие сексуальную активность разных пользователей (количество половых партнеров, количество и качество сексуальных контактов) не всегда могут иметь здравоохранительные измерения. Обмен подобными показателями в сети скорее выйдет на уровень социальных дискуссий о морали. С другой стороны, устройства для контроля и снижения веса могут вести к чрезмерным усилиям, и в результате к забо-

¹ <http://www.chriscandancy.com/>

леваниям. Гиперконтроль потенциально содержит обратный эффект и способен стать фактором новых медицинских проблем. Например, здоровая женщина с избыточным весом может превратиться в пациентку с анорексией, постоянно фиксирующей данные в программе смартфона.

Безусловный интерес представляют возможности mHealth устройств для персонализированной медицины, на этот аспект обращают внимание многие исследователи. Превентивная и персонализированная медицина — это многообещающий и перспективный тренд развития здравоохранения, с которым ряд исследователей связывает переход к новой роли пациента: от минимального информирования к активному участию, что может рассматриваться как более широкое утверждение партнерства при оказании медицинской помощи¹. Фокус на пациенте, на его индивидуальных решениях и личном выборе благоприятного жизнесберегающего стиля характерен и для mHealth. Последнее, безусловно, внесет вклад в изменение взаимоотношений пациента и врача и движется в общем русле с «4П» медицины в утверждении автономии, активности и участия пациента. Однако, возможности участия не должны стать обязанностью², поскольку вопрос ответственности за здоровье не должен порождать новых социальных акторов в процессах техномедикизации³. В частности, в настоящее время работодатели получили множество возможностей контроля продуктивности труда через устройства самотрекинга, а в ряде стран они же поощряют использование «оздоровительных программ», влияя на стоимость медицинской страховки. Кроме того, многие страховые компании предлагают скидки для клиентов, которые обязуются использовать системы контроля здоровья, во-первых, потому что это может привести к более здоровому образу жизни, а во-вторых, потому, что таким образом страховщики получают средства моделирования риска и расчета премий⁴.

¹ Swan, M. Emerging patient-driven health care models: an examination of health social networks, consumer personalized medicine and quantified self-tracking //International journal of environmental research and public health. 2009. Vol. 6. №. 2. С. 492–525.

² Prainsack, B. The powers of participatory medicine //PLoS Biol. 2014. Vol. 12. №. 4. С. e1001837.

³ McGregor, J. Fitness trackers chase after the corporate market [Electronic data]. The Washington Post. 2014. URL:<http://www.washingtonpost.com/blogs/on-leadership/wp/2014/12/18/fitness-trackers-chase-after-the-corporatemarket/>; Olson, P. Wearable tech is plugging into health insurance [Electronic data]. Forbes. 2014. URL:<http://www.forbes.com/forbes/welcome/?toURL=http://www.forbes.com/sites/%20parmyolson/2014/06/19/wearable-tech-health-insurance/&refURL=&referrer=>

⁴ Contino, G. The medicalization of health and shared responsibility //The New Bioethics. 2016. T. 22. №. 1. С. 45–55.

Кроме того, в основе превентивной медицины, как известно, находятся подходы профилактики, превентивного генетического скрининга, а самотрекинг вполне может рассматриваться как фактор формирования социального запроса на программы генетического скрининга и различные превентивные диагностические процедуры как расширение новых практик заботы о себе в социальном масштабе. Но возникает вопрос, кто будет платить за эти программы и медицинские услуги — конечный потребитель или государственные системы здравоохранения? Усиление роли медицины в таком контексте вполне можно оценивать как тенденцию «маркетизации здоровья»¹ таким образом, что мы можем «представить себе сценарий, в котором компании могут быть заинтересованы в предоставлении «бесплатных» услуг отслеживания здоровья в обмен на коммуникации с целевыми группами и рекламу»². Тем самым возникнут новые возможности для пациентов, которые потребуют дальнейшей этической регламентации, пересмотра и дополнения существующих установок медицинской морали.

Библиографический список

Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации «Этические принципы медицинских исследований с участием человека в качестве испытуемого» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bioethics.ru/rus/library/id/387/> (Дата доступа 21.10.2016)

Contino, G. The medicalization of health and shared responsibility //The New Bioethics. 2016. Т. 22. №. 1. С. 45–55.

Conrad, P., Leiter, V. Medicalization, markets and consumers //Journal of health and social behavior. 2004. С. 158–176.

Clery, D. Could your pacemaker be hackable? // Science. 2015, 30 January. Vol. 347. № 6221. P. 499.

Edwards, S. J. L. Continuous consent to, or discreet control over digital data? // Research ethics. 2014, December. Vol. 10. № 4. P. 184–186.

Enserink, M., Chin, G. The end of privacy // Science. 2015, 30 January. Vol. 347. № 6221. P. 490–491.

Enserink, M. Risk of exposure // Science. 2015, 30 January. Vol. 347. № 6221. P. 498–500.

Grindrod, K. A., Li, M., Gates, A. Evaluating user perceptions of mobile medication management applications with older adults: a usability study //JMIR mHealth and uHealth. 2014. Т. 2. №. 1. С. e11.

Kemper, D. W. Hi-Ethics: Though principles for earning consumer trust //The new frontier: Exploring e-health ethics. 2001. С. 145–150.

Lupton, D. Self-tracking cultures: towards a sociology of personal informatics [Electronic data] URL:<http://www.ozchi.org/Previous%20OzCHI%20Conferences/Previous%20OzCHI%20Conferences.html> (Дата доступа 21.10.2016)

¹ Conrad, P., Leiter, V. Medicalization, markets and consumers //Journal of health and social behavior. 2004. С. 158–176.

² Contino, G. The medicalization of health and shared responsibility //The New Bioethics. 2016. Vol. 22. №. 1. С. 45–55.

McGregor, J. Fitness trackers chase after the corporate market [Электронный ресурс]. The Washington Post. 2014. URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/on-leadership/wp/2014/12/18/fitness-trackers-chase-after-the-corporatemarket/> . (Дата доступа 21.10.2016)

Olson, P. Wearable tech is plugging into health insurance [Electronic data]. Forbes. 2014. URL: http://www.forbes.com/sites/parmyols_on/2014/06/19/wearable-tech-health-insurance/ (Дата доступа 21.10.2016)

Prainsack, B. The powers of participatory medicine //PLoS Biol. 2014. Vol. 12. №. 4. С. e1001837.

Rippen, H., Risk, A. e-Health code of ethics (May 24) //J Med Internet Res. 2000. Т. 2. №. 2. С. E9.

Swan, M. Emerging patient-driven health care models: an examination of health social networks, consumer personalized medicine and quantified self-tracking //International journal of environmental research and public health. 2009. Vol. 6. №. 2. С. 492–525.

**Антипсихиатрия:
социальное конструирование психической болезни
(М. Фуко — философский предтеча антипсихиатрии)¹**

А. Я. Иванюшкин

**Antipsychiatry:
the social construction of mental illness
(Foucault as a philosophical forerunner of the antipsychiatry)**

А. Ya. Ivanyushykin

Аннотация. В статье рассматриваются социокультурные и философские истоки антипсихиатрии как опыта конструирования психической болезни. Автор уделяет особое внимание личности и творчеству Мишеля Фуко, критически анализирует трактовку истории психиатрии в его работе «История безумия в классическую эпоху».

Ключевые слова: история психиатрии, реформы Пинеля, антипсихиатрия, социальное конструирование, онтология безумия.

Abstract. The author examines the socio-cultural and philosophical origins of antipsychiatry, which are the experience of mental disease constructing. Particular attention is paid to works of Michel Foucault whose concept of the history of psychiatry («Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason») critically analyzed by the author.

Keywords: history of psychiatry, Pinel's reforms, antipsychiatry, social construction, ontology of madness.

Психиатрия как клиническая дисциплина стоит особняком в системе биомедицинских наук. Основоположник отечественной клинической психиатрии С. С. Корсаков писал: «Психиатрия из всех медицинских наук наиболее близко ставит нас к вопросам философским»². Учитель М. Фуко виднейший представитель неогегельянства во Франции Ж. Ипполит говорил в 1955 г.: «Я придерживаюсь идеи, что изучение безумия — отчуждения в глубоком смысле этого слова — находится в центре антропологии, в центре изучения человека. Сумасшедший дом есть приют для тех, кто не может жить в нашей бесчеловечной среде»³.

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ (проект «Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии», грант № 15-23-01008a(м)).

² Корсаков, С. С. Курс психиатрии. М.: 1913. С. 6.

³ Цит. по: Сокулер, З. А. Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени (вступительная статья) // Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Санкт Петербург: Университетская книга, 1997. С. 9.

Современный американский профессор психотерапии Т. Б. Карасу писал, что «...психотерапия не наука, а объем знаний, она обладает особым статусом»¹. Аналогичный вывод сделал З. Кох, обосновав тезис об «отсутствии психологии в качестве самостоятельной научной дисциплины в силу ее разветвленности»².

Безумие как онтологическая проблема

Итак, проблеме научного статуса психотерапии или современной психологии в литературе посвящены солидные исследования методологического характера. По аналогии с названными науками психиатрия представляет собой тоже очень неоднородный массив знаний. В нашей стране психиатрия, как *академическая психиатрия* представлена в отечественных медицинских университетах, а также в системе практического здравоохранения — в психоневрологических диспансерах (учреждения амбулаторного типа) и психиатрических больницах (учреждения стационарного типа). Основанием идеологии академической психиатрии является клиническая парадигма, т. е. природа безумия здесь трактуется как патология, а состояние пациента как психическая болезнь. Работа подавляющего большинства отечественных психиатров заключается в оказании медицинской помощи своим пациентам (сначала исследование их состояния соответствующими научными методами и далее назначение им, в соответствии с современными научными стандартами, терапии, в основном с использованием психофармакологических лекарственных средств).

Имеющаяся в академической клинической психиатрии научная база используется также для решения вопросов вменяемости или дееспособности граждан (как важнейший экспертный метод) при рассмотрении юридических дел, подлежащих расследованию уголовным или гражданским судом. Деятельность специалистов судебной психиатрии (повторим: их базовой профессиональной подготовкой является клиническая психиатрия) подвергается особенно ожесточенной критике со стороны антипсихиатров.

¹ Карасу, Т. Б. Этические аспекты психотерапии // Этика психиатрии / Пер. с англ. / Под ред. Блоха С. и Чодоффа П. Киев: Сфера, 1998. С. 111.

² Цит. по: Савенко, Ю. С. Введение в психиатрию. Критическая психопатология. М.: Издательство «Логос», 2013. Необходимо подчеркнуть фундаментальность цитируемого здесь научного труда (в 6 томах), в котором подводятся итоги широкомасштабного научно-го проекта (1953, 1993) Американской психологической ассоциации, в котором анализируется содержание понятия «психическое».

Наряду с кратко охарактеризованными выше психиатрами-клиницистами в современной России практикуют также психиатры-психоаналитики. Их профессиональная подготовка базируется на принципиально другой парадигме — психодинамических теориях личности. Важный нюанс: право врачебной практики психоаналитик в нашей стране получает лишь при наличии диплома о высшем медицинском образовании, т. е. окончив медицинский университет, где в соответствии с государственным образовательным стандартом преподается клиническая психиатрия¹. Судебно-психиатрическую экспертизу правомочны проводить только психиатры, работающие в рамках клинической парадигмы. Иными словами, различие между академической клинической психиатрией и психоанализом гораздо более глубокое, чем встречающееся очень часто различие между разными научными школами во многих науках.

Наряду с двумя означенными научными парадигмами² объяснения природы безумия в современном обществе остается актуальной так же теологическая парадигма. В «Основах социальной концепции русской православной церкви» (2000), в частности, говорится: «*Церковь рассматривает психические заболевания как одно из проявлений общей греховной поврежденности человеческой природы*. Выделяя в личностной структуре духовный и телесный уровни ее организации, святые отцы различали болезни, развивающиеся “от естества”, и недуги, *вызванные бесовскими воздействием* либо ставшие следствиями поработивших человека страстей. В соответствии с этим различием *представляется одинаково неоправданным как сведение всех психических заболеваний к проявлениям одержимости, что влечет за собой необоснованное совершение чина изгнания злых духов, так и попытка лечения любых духовных расстройств исключительно клиническими методами*»³ (выделено в тексте оригинала, курсив наш — А. И.). Как видим, при определенных психических расстройствах (остается непрым вопросом — при каких) и сегодня *совершается особый ритуал православной церкви — «чин изгнания злых духов»*.

Специфика психиатрии среди других медицинских наук особенно бросается в глаза, если мы обратим на один удивительный факт существования в течение последнего полу-столетия такого социально-

¹ Курс психоанализа в настоящее время читается на стадии постдипломного врачебного образования, например, в ГНЦ социальной и судебной психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского (в ординатуре по специальности «Психиатрия»).

² В течение более чем столетней истории психоанализа неоднократно ставился вопрос (в особенности в контексте современной философии науки) о научном статусе психоанализа (в особенности проблемы эмпирической валидации психодинамических концепций) (См.: 23, с. 137–146; 187–191 и др.). Сам Фрейд по этому поводу говорил, что критерием научности его теорий является огромный опыт успешной клинической практики.

³ Основы социальной концепции русской православной церкви. М.: 2001. С. 87–88.

го феномена, как *антипсихиатрия* (очевидно, что трудно представить себе существование анти-офтальмологии или анти-педиатрии). Характерно, что зачинателями движения были дипломированные психиатры: Р. Лэинг («Расколотое Я» — 1960), Т. Саас («Миф о психической болезни» — 1960), Ф. Базалья («Ликвидация психиатрической больницы как места изоляции» — 1964), Д. Купер («Психиатрия и антипсихиатрия» — 1967), и т. д. Немаловажную роль в формировании идеологии антипсихиатрии, а в дальнейшем философии постмодернизма, сыграла работа М. Фуко «История безумия в классическую эпоху» (1961).

В истории общественного здравоохранения XX в. можно отметить, вероятно, всего лишь один аналогичный феномен радикально-нигилистического отношения к теории и практике клинической медицины — движение против иммунопрофилактики инфекционных болезней¹. Движение антипсихиатрии заслуживает нашего пристального внимания, поскольку радикальный пересмотр его адептами проблемы демаркации психической нормы и патологии можно рассматривать как еще один современный проект конструирования человека.

Далее мы кратко осветим философский контекст идеологии и социальных практик различных течений антипсихиатрии. Уже в одной из первых отечественных публикаций, анализирующих феномен антипсихиатрии, подчеркивалось влияние на формирование идеологии этих течений прежде всего философии экзистенциализма, а также психоанализа². Подробного анализа заслуживают теоретизирования Р. Лэинга об «онтологической незащищенности личности» в механизме развития шизофрении. В антипсихиатрической теории Д. Купера (им впервые в 1967 г. был предложен термин «антипсихиатрия») в наиболее «чистом виде» представлен опыт замены медицинской модели интерпретации природы психопатологии социальной моделью. Автор отрицает научность нозологического подхода в клинической психиатрии, ссылаясь прежде всего на отсутствие патологоанатомической верификации диагноза шизофрении, и квалифицирует последний как стигматизирующее «наклеивание ярлыков», а вслед за этим формулирует наиболее радикальные тезисы антипсихиатрической идеологии: психических болезней вообще не существует, общество, которое кого-то из индивидов («нонконформистов») объявляет психически больными, само «страдает шизофренией». Столь же радикально-скептическое понимание онтологической сущности психической болезни в ранних работах наиболее известного американского антипсихиатра Т. Сааса. С нашей точки зрения,

¹ Червонская, Г. П. Прививки: мифы и реальность. М., 2002. С. 13.

² Сиабра-Диниш, Т., Ивановский, А. Я. Об антипсихиатрии и ее идейных истоках // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1973. Т. 73. Вып. 4. С. 589–595.

методологическим просчетом «радикальной психиатрии» (этот термин нередко используется в литературе как синоним «антипсихиатрии») стала недооценка «отцами» антипсихиатрических движений фундаментальной проблемы философии науки — проблемы демаркации.

Позиция ведущего итальянского антипсихиатра Ф. Базальи во многом иная. Этот автор не отрицает объективных фактов существования душевных болезней. Предметом его критики прежде всего стала социальная психиатрия, в тех формах, какой она была в 50–60-е гг., т. е. еще на начальном этапе применения в клинической психиатрии современных психотропных фармакологических средств. Следует заметить, радикальные изменения в социальной психиатрии к моменту возникновения антипсихиатрии уже начинались в различных странах — реформирование психиатрического законодательства в Великобритании, активная кампания критики «старых психиатрических больниц» и осуществление масштабной программы создания Центров психического здоровья в США (при Президенте Дж. Кеннеди). Ф. Базальи считал, что существующие психиатрические больницы в принципе не могут быть реформированы (отметим, что нормативная база их функционирования и сам образ жизни пациентов в них были определены еще в годы Великой французской революции Ф. Пинелем). В итоге, именно в Италии, в соответствии с новым законом о психиатрической помощи 1978 г. была осуществлена наиболее радикальная реформа психиатрии как социального института.

Таким образом, игнорирование решения важнейшей проблемы демаркации (философского и частно-научного знания) при исследовании природы безумия стало главной причиной того, что после 20-летия (60–70 гг. XX в.) бурного развития антипсихиатрических движений в западных странах в дальнейшем эти движения все больше маргинализируются. При этом бесспорно гуманизирующее влияние антипсихиатрии на современную психиатрию как социальный институт. Также очевидна научная честность создателей антипсихиатрических идей в 60-е гг. XX в. В дальнейшем созданные антипсихиатрами «терапевтические сообщества» (коммуны) претерпели серьезные изменения (например, в вопросе категорически негативного отношении к психофармакологическому лечению) и в целом их деятельность, с нашей точки зрения, должна оцениваться позитивно¹.

¹ Совершенно иной, противоположной, оценки заслуживает антипсихиатрическое движение, которое на протяжении последних 45 лет распространяется в русле сайентологии [Вайсман, Б. Психиатрия — предательство, не знющее границ. М.: Издательство «АНВИК К», 2002.; Редер, Т., Кубиллус, В., Бурвелл, А. Люди за спиной Гитлера. М.: Издательство «АНВИК К», 2004.]. Здесь функция антипсихиатрии заключается в идейном обосновании легитимности религиозной секты, деятельность которой в плане воздействия на психику человека вызывает справедливые возражения психиатров. При этом антигуманная сущность присущих ей социальных практик для нас несомненна.

Реформа Филиппа Пинеля: рождение клинической психиатрии

Согласно руководствам по истории психиатрии, подлинное рождение современной клинической психиатрии произошло в 1793–1795 годах в ходе реформы психиатрических больниц французским врачом Филиппом Пинелем (1745–1826), снявшим цепи с душевнобольных¹. Нельзя сказать, что в научной медицине до Пинеля психопатология совсем не была предметом изучения. Если верить легенде, к «постоянно смеющемуся» Демокриту был приглашен сам Гиппократ, подтвердивший состояние психического здоровья великого философа. Уже в античности врачи различали три вида психопатологии: меланхолию, манию и слабоумие. Кстати у Гиппократа есть сочинение «О священной болезни», где он обосновывает концепцию естественных причин эпилепсии. За три столетия до «реформы Пинеля» ученик Агриппы Неттесгеймского Иоганн Вейер настаивал в XVI в., что прежде чем подозревать в женщине «ведьму»², ее должен обследовать врач на предмет отсутствия психических расстройств³.

Формирование научного мировоззрения Пинеля происходило в пору становления медицины как области естествознания. В истории научной медицины в это время разработаны метод измерения кровяного давления (С. Хейлс), методы перкуссии (Л. Ауенбруггер) и аускультации (Р. Лаэннек), экспериментально обоснован метод вакцинации (Э. Дженнер). Немаловажно отметить, что Пинель был потомственным врачом⁴. Из многочисленных фактов биографии Пинеля до того, как он становится психиатром, стоит отметить, что в 1784 г. он выступает против «животного магнетизма» Месмера, в чем мы усматриваем его верность прагматическому началу клинической медицины, в котором диалектически совмещались эмпирическое и рациональное в научном познании⁵. В первых научных публикациях Пинеля на темы психиатрии (рубеж 80–90-х гг. XVIII в.) автор следует (как и большинство ученых-естествоиспытателей той эпохи) методологии механицизма — пытается, например, объяснить большую частоту обострений меланхолии зимним временем года.

¹ Каннабих, Ю. В. История психиатрии. М.: ЦТР МГП ВОС, 1994. С. 143–169.

² Еще в 1781 г. (т. е. через три года после смерти Вольтера и Руссо) в Севилье состоялось сожжение «ведьмы». С. 184.

³ Баженов, Н. Н. История Московского Доллгауза. М., 1909.

⁴ Ивановский, А. Я. Философские истоки и историческое значение психиатрии Филиппа Пинеля. Диссертация на соиск. ученой степ. канд. мед. наук (на правах рукописи). М.: 1974. С. 36.

⁵ Как врач-ученый Пинель был несомненно прав в критике Месмера (например, верящего в терапевтический эффект прикосновений пациентов к «намагниченным» деревьям в парке). Другое дело, что косвенным следствием ошибочной теории Месмера стало открытие роли психотерапии в клинической медицине.

В 1793 г. Пинель назначается Конвентом врачом мужской психиатрической больницы в Париже Бисетр, а в 1795 г. — аналогичной женской больницы Сальпетриер. Учреждения эти представляли собой, прямо скажем, жуткое зрелище: большинство пациентов были закованы в кандалы, условия их содержания были бесчеловечными (об этом красноречиво свидетельствует картина Хогарта «Дом умалишенных»). В России такое содержание душевнобольных в основном сохранялось и спустя столетие, о чем можно прочесть в «Палате № 6» А. П. Чехова.

Освобождение психически больных от цепей, гуманизация отношения к ним общества прежде всего были персонифицированы в личности самого Пинеля, ставшего новым образцом врача-психиатра в истории медицины. Казалось бы антипсихиатрия, отрицающая право психиатрии быть одной из клинических дисциплин, «ломится в открытую дверь», поскольку трудно отрицать, в особенности в современную эпоху психофармакологии, реальные факты эффективной медицинской помощи огромному количеству психически больных, причем многим из них клиническая психиатрия помогает выйти из тяжелейшего жизненного кризиса. Однако здесь мы опять не можем не видеть специфики психиатрии.

В идеологии антипсихиатрии важное место занимает критика иерархических отношений между врачами и пациентами в психиатрических больницах. Справедливости ради следует сказать, что речь идет о реальной проблеме врачебного патернализма, причем доктрина этического патернализма особенно выражена именно в психиатрии.

«Реформа Пинеля» была, прежде всего, утверждением патерналистских взаимоотношений врача и психически больного. В условиях современной критики патерналистской модели врачевания¹ особенно важно подчеркнуть, что именно с патернализмом связано, во-первых, самоопределение психиатрии как отдельной клинической дисциплины, а во-вторых, формирование отношения общества к лицам с психопатологией как к больным людям: «Помешанные не преступники, подлежащие наказанию, а больные, коих жалкое положение заслуживает полного человеколюбия, почему для восстановления из здорового нужно применять иные средства»². Спустя столетие известный отечественный психиатр Н. Н. Баженов сказал о «реформе Пинеля»: «сумасшедшие были подняты до достоинства больных»³.

¹ Вич, Р. Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 68–70.

² Пинель, Ф. Медико-философское учение о душевных болезнях / Пер. с франц. СПб. : 1899. С. 100.

³ Баженов, Н. Н. История Московского Долгаша. М. : 1909. С. 9.

Пинель буквально сравнивает своих пациентов с детьми, а созданный им тип психиатрической больницы с семьей. Совет Пинеля врачам — *жить среди больных* — в последующем был исполнен многими психиатрами, в том числе и в России. Патернализм Пинеля — это нечто большее, чем просто этическая позиция, в патернализме суть его терапевтического метода, так называемого «нравственного лечения», исключительная роль в котором принадлежит личности врача — его нравственному и физическому превосходству. Именно врач — носитель норм благоразумного поведения и «главный архитектор» всего больничного порядка, подчиняясь которому, соблюдая который пациенты обретают навыки «нормального поведения». Сняв цепи с душевнобольных, Пинель все-таки допускал в исключительных случаях применение насилия («смирительная рубашка») и изоляцию пациента.

Мишель Фуко и антипсихиатрия

В Википедии говорится: «Фуко является одним из известных представителей антипсихиатрии». В общем, с этим тезисом можно согласиться, ведь в своей знаменитой «Истории безумия в классическую эпоху» автор, в частности, писал: «Считается, что Тьюк (врач, начавший реформу гуманизации психиатрии в Англии одновременно с Пинелем — А. И.) и Пинель открыли медицинской науке доступ в психиатрическую лечебницу. Однако они ввели в лечебницу не науку как таковую, а определенного персонажа — носителя сил, заимствующих у науки ее внешнюю оболочку, либо самое большее, свое оправдание... Врач способен очертить границы безумия не потому, что обладает знанием о нем, а потому, что может его обуздать... Врач мог пользоваться абсолютной властью над больничным миром лишь постольку, поскольку он изначально был Отцом и Судьей, Семейей и Законом, а его медицинская практика с давних пор служила лишь комментарием к старинным ритуалам Порядка, Власти и Наказания»¹.

Будет большой ошибкой, если антипсихиатрические интуиции и идеи Фуко кто-то истолкует как просто морализаторское осуждение антигуманных сторон жизни душевнобольного человека, вынужденного годами находиться в стенах психбольницы. Это обстоятельство следует подчеркнуть даже с учетом того, что во время написания «Истории безумия» у него был непосредственный опыт знакомства с практической психиатрией «прошлой эпохи». Современная эпоха в психиатрии есть следствие «трех ре-

¹ Фуко, М. История безумия в классическую эпоху. СПб. : Университетская книга, 1997. С. 494–495.

волюций» в психиатрии: во-первых, психофармакологической, во-вторых, переориентации клинической психиатрии в соответствии с правозащитной парадигмой и в-третьих, коренных преобразований в социальной психиатрии (прежде всего — децентрализации больничной психиатрической помощи). В осуществлении второй и третьей из названных революций внесли весомый вклад и обсуждаемая работа самого Фуко, и работы других антипсихиатров (сейчас мы выносим за скобки радикализм их идеологии, подчас «вопиюще» противоречащий здравому смыслу).

Фуко был непревзойденным знатоком истории психиатрии, его медицинская, психиатрическая образованность была очень глубокой. Еще в лицее он знакомится с трудами Фрейда, а в студенческие годы он слушал курс лекций Ж. Лакана. Отметим некоторые характерные факты научной карьеры Фуко: сначала он становится лицензиатом по философии (со времен средневековья первая ученая степень, до защиты докторской диссертации, дающая право читать лекции студентам), а затем получает такое же звание по психологии, еще позднее (в 26 лет) получает диплом по психопатологии. Он многие годы посещает демонстрации больных в психиатрическом госпитале св. Анны, позднее он здесь работает в качестве психолога. В годы чтения своего курса психологии в своей альма матер¹ он сам организывает такие демонстрации больных для своих студентов (среди которых, кстати говоря, был Деррида). Хотя мы в основном анализируем работу Фуко «История безумия», нельзя забывать о других его знаковых работах, посвященных медицине — «Рождение клиники», первый том «Истории сексуальности» и др. Наконец, он организовал во Франции первую кафедру психоанализа.

Как всякий великий философ, Фуко прежде всего был универсально философски образован. Мы отметили, что еще в лицее он увлекался Фрейдом, но также Марксом, одним из его преподавателей в Эколь Нормаль был крупнейший неомарксист Луи Альтюссер (ставший потом на многие годы его другом). Особенно сильное влияние на философское творчество Фуко оказал Ницше, которого он, наряду с Фрейдом и Марксом, тоже изучал еще в лицее. Дипломную работу он писал по «Феноменологии духа» Гегеля. Фуко специально выучил немецкий, чтобы читать Хайдеггера и Гуссерля.

«История безумия», по сути дела, философский дебют Фуко: в 1961 г., уже окончив Эколь Нормаль, он защитил докторскую диссертацию, состоящую из двух частей: первая — «Кант: антропология» (предисловие, перевод, комментарий); вторая как основная — «Безумие и не-

¹ Фуко окончил престижнейшее высшее учебное заведение Франции Эколь Нормаль, ранее здесь учились Ж. П. Сартр и Р. Арон.

разумие: история безумия в классическую эпоху». Становление философского мировоззрения Фуко происходило в тот период, когда в духовной жизни Франции доминировала философия Сартра. Сартра и Фуко сближало то, что философия того и другого была в большой степени политизированной (Фуко неоднократно арестовывался властями за участие в гражданских протестных акциях). Весь мир обошла серия фотографий, сделанных во время мирной демонстрации в январе 1971 г., где Фуко запечатлен с мегафоном в руке (полиции было предписано не принимать мер репрессий, потому что среди участников был Сартр). В то же время «новое слово» в философии Фуко в корне было чуждо философскому экзистенциализму Сартра, в котором классическая философская проблема бытия, конечно, уже понималась совершенно по-новому, но при этом сохраняла свое фундаментальное значение. Такое понимание философии было чуждо Фуко, который писал в книге «Слова и вещи» (первой из его книг, переведенных на русский): «Мысль — и сама по себе, и в толще своей деятельности — является одновременно и знанием и изменением познаваемого; и рефлексией, и преобразованием способа бытия того, о чем она рефлексировала»¹.

Сам Фуко так пишет о замысле своей великой книги «История безумия»: «Мой замысел не в том, чтобы написать историю науки психиатрии. Это скорее история социального, морального и ассоциативного контекста, в котором развивалась эта наука. Ибо мне кажется, что до XIX в., если не сказать до наших дней, не было объективного знания безумия, а была лишь формулировка в терминах, аналогичных научным, определенного (морального, социального) опыта неразумия»².

Да, если излагать историю и сущность антипсихиатрии, так сказать «школярски» (в самом общем виде), Фуко «является одним из известных представителей антипсихиатрии». Однако при этом он стоит в стороне от подлинных основателей европейской антипсихиатрии, дипломированных психиатров Р. Лэинга, Д. Купера и др., которые «променяли веру в психиатрию» на мировоззренческую позицию агностицизма и нигилизма в отношении к ней. С нашей точки зрения, З. Сокулер в своем Предисловии к «Истории безумия» прав, когда подчеркивает, что Фуко *не был психиатром* (практикующим врачом-психиатром!), он всегда как бы находился «по ту сторону», а в его мироощущении был очень важный момент — *в определенном смысле он едва ли не постоянно создавал себя пациентом*.

¹ Цит. по: Арон, Р. Мнимый марксизм / Пер. с франц. М.: Прогресс, 1993. С. 346.

² Цит. по: Сокулер, З. А. Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени (вступительная статья) // Фуко, М. История безумия в классическую эпоху. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. С. 9–10.

Личность многих философов есть олицетворение их философии — достаточно вспомнить здесь Сократа, Эпикура, Канта и др. Выражение, использованное А. А. Гусейновым для исчерпывающей характеристики А. Швейцера («его жизнь имеет достоинство этического аргумента»¹) может быть в определенном смысле распространена на каждого крупного философа. В контексте такого подхода интерес к жизни (биографии) Фуко представляется особенно важным хотя бы потому, что классическая периодизация философского творчества Фуко такова: «археология знания», «генеалогия власти-знания» и «эстетику существования» с акцентом на «технике работы над собой»². Когда Фуко заметил признаки старения своего организма, он обрил голову, к тому же где-то в это же время стал носить белый свитер с характерным воротником поло и вельветовый костюм (он не мнется) — так сложился всем хорошо известный внешний облик философа.

Образ Фуко в студенческие года (как рисуют его биографы) у нас в чем-то ассоциируется с образом М. Ю. Лермонтова. Он постоянно затевает глубокомысленные споры, дает товарищам обидные прозвища — в итоге вокруг Фуко сложилось мнение как о «свихнувшемся». Очень важная особенность жизни в студенческом общежитии — Фуко жил в одной комнате с несколькими другими студентами, т. е. пребывая в таких казарменных условиях, был лишен элементарного «права человека на экзистенциальное одиночество». В 22 года он совершает попытку самоубийства, после чего его отец (по профессии хирург) доставляет его на прием к знаменитому профессору психиатрии госпиталя св. Анны. Это была первая встреча будущего автора «Истории безумия» с психиатрией. Кстати, после трагической попытки суицида ему предоставили отдельную комнату.

Как известно, Фуко умер в 1984 г. от СПИДа. Естественно, что необходимо коснуться кратко и темы его гомосексуализма. Во-первых он сам многократно обсуждал эту тему публично, а во-вторых, потому, что большая часть взрослой жизни Фуко прошла в эпоху, когда гомосексуализм считался психопатологией, т. е. как проблема был прежде всего частью психиатрии. Психические болезни вообще, а некоторые из них в особенности (прежде всего шизофрения и гомосексуализм, когда он считался психическим расстройством) несут в себе огромной силы заряд стигматизации личности³. До тех пор, пока гомосексуализм не был

исключен в 70-е гг. из списка психических расстройств¹, вся жизнь практически любого представителя этой популяции человеческого рода проходила в атмосфере, «насыщенной миазмами» гомофобии, что приводило к повседневной стигматизации их личности, т. е. как бы ее заведомой девальвации, дискриминации, а то и остракизма со стороны окружающих. Фуко прожил лишь последние 10 лет в социальной среде, где концепт гомосексуализма был «переформатирован»: грубо стигматизирующее понятие психической болезни было заменено почти нейтральным понятием «нарушения половой ориентации». В определенном смысле в последние годы философ обрел душевный покой, переехав жить в США (Калифорнию), где к тому времени уже сформировалось общество, толерантное к гомосексуалистам, где последние успешно развивали свою субкультуру.

Как видим, Фуко нельзя ставить в один ряд с некоторыми антипсихиатрами, которые утверждали, что психопатологии, как наблюдаемых и описываемых врачом симптомов и синдромов, не существует, поскольку, например, медицина не в состоянии объяснить их патоморфологическую сущность. Целью философских изысканий Фуко была реконструкция «археологии знания», в данном случае на материале истории психиатрии. При этом уже в «Истории безумия» главную роль в организации колоссального исторического материала, использованного в этой книге, выполняет эпистема «генеалогии власти-знания». Идеи антипсихиатрии (психиатрия — это не наука, психиатры — это не врачи и т. д.) у Фуко раскрываются в своем аутентичном содержании лишь в контексте его философско-антропологической теории в целом.

Библиографический список

- Автономова, Н. С. Фуко // Новая философская энциклопедия. В четырех томах. Т. 4. С. 278–280.
- Арон, Р. Мнимый марксизм / Пер. с франц. М. : Прогресс. 1993.
- Баженов, Н. Н. История Московского Доллгауза. М. : 1909.
- Брюсов, В. Я. Огненный ангел. М. : Азбука-классика. 2006.
- Вайсман, Б. Психиатрия — предательство, не знющее границ. М. : Издательство «АНВИК К», 2002.
- Вич, Р. Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 67–76.
- Гусейнов, А. А. Великие моралисты. М. : Республика, 1995.

¹ Гусейнов, А. А. Великие моралисты. М. : Республика, 1995. С. 233.

² Автономова, Н. С. Фуко // Новая философская энциклопедия. В четырех томах. Т. 4. С. 278–280.

³ Финзен, А. Психоз и стигма / Пер. с немец. М. : АЛЕТЕЙА. 2001. С. 9.

¹ История исключения гомосексуализма из клинической классификации психических расстройств заслуживает анализа как в контексте истории науки (медицины), так и философии науки. Тьюе П. Гомосексуализм в зеркале психиатрии // Пол, секс, человек / Пер. с франц. М. : Мир. 1993. С. 108–115.

Иванюшкин, А. Я. Философские истоки и историческое значение психиатрии Филиппа Пинеля. Диссертация на соиск. ученой степ. канд. мед. наук (на правах рукописи). М., 1974.

Иванюшкин, А. Я. Стигма, или «вторая болезнь» в контексте биоэтики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2009. № 6. С. 60–73.

Каннабих, Ю. В. История психиатрии. М.: ЦТР МГП ВОС. 1994.

Карасу, Т. Б. Этические аспекты психотерапии // Этика психиатрии / Пер. с англ. / Под ред. Блоха С. и Чодоффа П. Киев: Сфера. 1998. С. 107–129.

Корсаков, С. С. Курс психиатрии. М.: 1913.

Мац, А. И. Врачам об антипрививочном движении и его вымыслах в СМИ, М.: НИИ вакцин и сывороток им. И. И. Мечникова, 2009.

Основы социальной концепции русской православной церкви. М., 2001.

Пинель, Ф. Медико-философское учение о душевных болезнях / Пер. с франц. СПб., 1899.

Редер, Т., Кубиллус, В., Бурвелл, А. Люди за спиной Гитлера. М.: Издательство «АНВИК К», 2004.

Савенко, Ю. С. Введение в психиатрию. Критическая психопатология. М.: Издательство «Логос». 2013.

Сиабра-Диниш, Т., Иванюшкин, А. Я. Об антипсихиатрии и ее идейных истоках // Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова. 1973. Т. 73. Вып. 4. С. 589–595.

Сокулер, З. А. Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени (вступительная статья) // Фуко, М. История безумия в классическую эпоху. Санкт Петербург: Университетская книга. 1997.

Тюйе, П. Гомосексуализм в зеркале психиатрии // Пол, секс, человек / Пер. с франц. М.: Мир. 1993. С. 108–115.

Финзен, А. Психоз и стигма / Пер. с немец. М.: АЛЕТЕЙА, 2001.

Фуко, М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.

Хвёлл, Л., Зиглер, Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. СПб.: Питер. 2004.

Червонская, Г. П. Прививки: мифы и реальность. М.: 2002.

Социокультурное и биотехнологическое конструирование: моральные и онтологические парадоксы¹

О. В. Попова

Socio-cultural and biotechnological design: the moral and ontological paradoxes

O. V. Popova

Аннотация. В статье рассмотрены этические и онтологические парадоксы, возникающие в процессе развития практик биотехнологического конструирования человека. Они проблематизируют соотношение между природным и искусственным, человеческим и недочеловеческим, товаром и ценностью и т. д. и демонстрируют специфику сохранения морального лица перед лицом новой конструируемой биологической реальности.

Ключевые слова: конструирование человека, онтология артефакта, биотехнологическое конструирование, моральные парадоксы, синтетическая биология, методика ANT.

Keywords: human engineering, biotechnology engineering, moral paradoxes, synthetic biology, methods of ANT.

Abstract. The article deals with the ethical and ontological paradoxes arising in the process of constructing human biotechnological practices. They problematize the relationship between natural and artificial, human and subhuman, and the value of the goods, etc. and demonstrate the specificity of preserving the moral person in the face of new constructible biological reality.

Часть 1. Моральные парадоксы биотехнологического конструирования

Существенной чертой развития современных биотехнологий является их фокусированность на человеке и своего рода телоориентированность. Их размещают в человеческом теле, делая его объектом анализа и получения данных (например, медицинских), подражая ему (телу) своими внешними характеристиками (быть гуманоподобными), подстраиваться под физические параметры человеческого тела и т. д. Данные характеристики задают процесс «интимизации» технологической реальности, под которой подразумевается активное сближение технологий, преодоление существующей дистанции между ними,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РГНФ, гранты № 15-23-01008 (Часть 1. пп.1-3) и 15-03-00818 (Часть 2. пп. 3-6).

вплоть до полного слияния¹, направленный на такое овладение человеческой телесностью, которое придает ей характер инструмента для манипуляций и контроля.

Возникает феномен взаимной инструментализации: технологии рассматриваются как инструменты, позволяющие достичь выдвигаемых человеком целей и в то же время сам человек, его тело становятся заложником этих целей, манипулируемыми объектами. Современные биотехнологии в этом отношении выполняют задачи, которые ранее возникали в связи с социализацией, социокультурным конструированием человеческого существования.

Следует отметить, что в процессе технологического развития обозначился континуум преемственности социокультурных и биотехнологических практик. Происходило вытеснение более действенными и эффективными практиками (техниками, технологиями) менее эффективных и сложных в своей реализации, требующих приложения значительных усилий и огромных затрат времени. И социокультурные технологии, и современные биотехнологии в процессе своего развития направлены на идеал усиления, усовершенствования человека с одновременной ориентацией на упрощение методов достижения этой цели и придания им эгалитарных черт (обеспечение равного доступа к биотехнологиям, попытка преодолеть элитарные, «аристократические» стратегии достижения идеала совершенного человека, например, через образование, интенсивные физические нагрузки, следование определенному стилю жизни).

Специфика технологий проявляется в том, что они «являются строго определенными последовательностями операций, каждая из которых приводит — всегда и везде — к запланированному результату, и, чтобы этот запланированный результат достигался при любых условиях и в любом контексте, сами операции доводят до максимального уровня упрощения. Это упрощение есть основное требование технологичности»².

Подмена социокультурного конструирования человеческой жизни конструированием биотехнологическим вызвало целый ряд социально-этических и онтологических парадоксов, которые проблематизировали соотношение между природным и искусственным, человеческим и недочеловеческим, товаром и ценностью и т. д.

¹ Est, R. van, with assistance of Rerimassie V., van Keulen, Dorren G. Intimate technology: The battle for our body and behavior. The Hague, Rathenau Instituut, 2014. 86 p.

² Мелик-Гайказян, И. В. Символизм технологий «конструирования человека» // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М.: Издательство Московского гуманитарного института, 2015.

Парадокс 1. Аргумент здравого смысла «prima facie»

Аргументы за использование технологий улучшения человека связаны с апологией здравого смысла, который требует устранения страданий, болезней, смерти, рассматривая эти феномены как источники онтологической несправедливости. «Это аргументы «prima facie», которые выглядят как естественная человеческая реакция на неудовлетворительное по отношению к человеку положение вещей. Улучшение человека в этом контексте рассуждений обретает свою моральную легитимность. Рассмотрю фрагмент из работы Н. Бострома, в основе которого лежит близкая каждому идея улучшения человеческого существа: «Мы можем представить себе эстетические и созерцательные удовольствия, блаженство от которых значительно превышает то, что до сих пор испытывало любое человеческое. Мы можем представить себе существ, достигших гораздо более высокого уровня личностного развития и зрелости, чем нынешние человеческие существа [...] Мы можем представить себе существ, которые намного умнее нас, которые могут читать книги в считанные секунды, являются гораздо более блестящими философами, чем мы, могут создавать произведения искусства, которые, даже если бы мы могли понять их только на самом поверхностном уровне, поразили нас как замечательные шедевры. Мы можем представить себе любовь, которая сильнее, чище, и более безопасна, чем таил в себе любой человек. Наши повседневные интуиции о ценностях ограничены узостью нашего опыта и ограниченностью наших способностей воображения»¹.

Современное массовое увлечение трансгуманистическими идеями есть во многом результат апелляции к чувству толпы, к экзистенциальным проблемам (страданиям, болезням, умиранию и смерти), возникающим перед любым человеком. Обычный человек задумывается не столько об этическом способе решения этих проблем, сколько об использовании любых средств для их преодоления, возможности быть причастным к совершающемуся здесь и сейчас технологическому «чуду» (преодолению смерти, всеобщему оздоровлению и т. д.).

Приведу конкретный пример, отражающий запал российского трансгуманизма, где эта черта носит ярко выраженный характер. Авторы популярного проекта «Россия–2045», направленного на создание космической сверхцивилизации неолюдей на базе интенсивно развития NBIC (нано-био-инфо-когно) и GNR (генетик-нано-рабо-

¹ Bostrom, Nick (2003a): Human Genetic Enhancements: A Transhumanist Perspective. In: Journal of Value Inquiry 37 (4), 493–504. P. 494.

тикс) технологий (неочеловечества), апеллируют к значимым для большинства людей ценностям: здоровья, увеличения продолжительности жизни, духовного роста, преодоления страданий и смерти.

Более того, авторы проекта манипулируют привлекательной для многих идей приоритета духовного над материальным. Так, одна из задач Проекта связана с осознанием того факта, что люди «телом не являются, что они нечто другое»¹. С целью духовного развития предлагается увеличение продолжительности жизни, поскольку за короткий срок жизни человек не успевает прийти к ценностям.

Телеологическая компонента проекта также обращена к широко распространенным лозунгам об обеспечении прорыва в сфере технологий, обозначении нового вектора развития всему человечеству и т. д.

Аргументы «*prima facie*» вскрывают парадоксальное сочетание рефлексивного реагирования масс на избитые сюжеты, рекламирующие утопическое светлое будущее, и чрезвычайно сложных или абсолютно невозможных технологических траекторий для его достижения. Стоит отметить, что реклама технологических инноваций даже в случае появления их лишь в отдаленном будущем или вообще невозможности их создания оказывается чрезвычайно важна для формирования социального интереса к развитию технологий в целом и для создания благоприятного инвестиционного климата, в частности. Наличие социального интереса стимулирует формирование «социального заказа» на внедрение тех или иных технологий и поддержку инновационного развития населением. Несоответствие проекта ожиданиям различных социальных групп приводит к низкой эффективности проекта.

Новый облик современной науки в обществе с избыточным, неконтролируемым потоком информации особенно остро ставит проблему доверия и искренности: ученым приходится приобретать знания о социальных технологиях «правильного» информирования населения, создания собственного положительного и привлекательно-го имиджа (для проведения новых исследований и разработки новых научных продуктов) и имиджа предлагаемой технологической продукции. «Информация стала рассматриваться как ключ к современной экономической деятельности — базовый ресурс, имеющий сегодня такое же значение, какое в прошлом имели капитал, земля и рабочая сила»². Эффективное использование информационных технологий становится преимуществом в продвижении инновации. В этом контексте аргумен-

¹ За металл. Интервью с Дмитрием Ицковым, создателем движения «Россия–2045»-Наследник № 4 (39), 2011 г. С. 41.

² Blumental, W. M. The world Economy and Technological Change// Foreign affairs. Vol. 66. No. 3. P. 534. Цит. по: Кокурин, Д. И. Инновационная деятельность. М.: Экзамен, 2001.

ты «*prima facie*» оказываются необходимым инструментом достижения доверия общества к той или иной биотехнологической инновации (и он активно используется в рекламных кампаниях по ее продвижению) и важным фактором усиления финансовой привлекательности различных биотехнологических проектов.

Парадокс 2. Между ценой и ценностью, между даром и товаром

Следующий парадокс развития биотехнологий обусловлен распространением процессов коммодификации человеческого тела, развитием особых отношений, коммуникативных и этических игр с понятиями цены и ценности, дара и товара.

Коммодификация тела (от англ. *commodity* — товар), его частей и субстанций — важнейший тренд последних десятилетий. За ним стоит экспансия рыночной экономики в сферы, которые прежде считались ограниченными для действия законов рынка. Ограниченными не только правовыми нормами, но прежде всего нормами морали, общественной чувствительностью, культурно-мировоззренческими стереотипами и т. д.

В контексте развития тенденций коммодификации, во-первых, происходит пошаговая легитимизация и легализация тела и его частей, биологических материалов, в целом, в качестве товаров, вещей, пригодных для широкого распространения артефактов.

Во-вторых, в тех же правовых и этических дебатах происходит своеобразное «возвращение» человеку его отчужденного тела, которое выражается в установлении процедур, призванных обеспечить защиту его личностной воплощенности. Как отмечают Х. Новотны и Дж. Теста: «Биология с ее редуционистским подходом, разрывает отношение между целым и частями, но закон должен их реставрировать»¹. Сопряжение этих, казалось бы, исключаящих друг друга тенденций, оказывается возможным благодаря установлению (социальному конструированию) границы между телом как «фактом» и телом как «артефактом», а также конструированию социально выработанных правил, задающих понимание отличия между телом как товаром и телом как ценностью, собственностью, на которую направлен модус защиты гражданских свобод. Рассмотрю данные тенденции на примере проблемы патентования генов.

Проблема патентования генов является ярким примером, процесса размещения интеллектуальной собственности (гена) в человеческом теле, что вызывает особенный интерес демонстрации того, как полу-

¹ Nowotny, H., Testa, G. (2010) Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. Cambridge, MA : MIT Press. P. 68.

чивший легитимность мировоззренческий аспект, касающийся проведения границ между искусственным и естественным, продолжительное время оказывал влияние на судьбы пациентов всего мира.

Речь пойдет о деятельности скандально известной американской компании Myriad Genetics, знаменитой своими исследованиями в области генетических технологий. Данная компания также оказалась не менее знаменита своими патентами на два гена: BRCA1 и ген BRCA2. Женщины, у которых в результате тестирования, выявлялись определенные мутации в этих генах, обладали значительно повышенным риском развития рака молочной железы и рака яичника. Myriad Genetics имело полную монополию на BRCA — тестирование в Соединенных Штатах, получая за проведение теста значительные суммы. Как свидетельствовали истцы, подавшие в суд на Myriad Genetics, данная компания отказалась обновлять свой тест, и не включала в него дополнительные мутации, которые были определены командой исследователей во Франции¹, что приводило к появлению ошибочных ответов у 12% женщин (то есть считалось, что у них нет риска развития рака груди и яичников, в то время как из-за наличия неучтенных мутаций, этот риск присутствовал).

Американский союз по защите гражданских свобод взял на себя миссию по обеспечению абсолютного запрета на патентование генов, решив создать прецедент нарушения гражданских прав в результате применения подобной практики.

Причины, по которым была начата эта борьба, были следующие:

1. Патентование генов тормозило развитие научных исследований, поскольку патентуя определенный ген, компания, как правило, запрещала проводить исследования с использованием данного гена. Патентование генов сопровождалось сокрытием результатов исследований. В частности, в этом обвинял Myriad Genetics Американский союз по защите гражданских свобод.

2. Патентование генов приводило к нарушению права на сохранение здоровья и приводило к личным трагедиям.

Одним из примеров нелепой трагедии, вызванных патентованием генов, на который обратила внимание организация, стал случай 10-летнего Абигайля с синдромом удлиненного QT, серьезным заболеванием, которое, при отсутствии лечения, способно вызвать вне-

¹ См.: *Simoncelli, Tania*. Should you be able to patent a human gene? [Electronic data] . URL: http://www.ted.com/talks/tania_simoncelli_should_you_be_able_to_patent_a_human_gene/transcript (Дата обращения 13.10.2016)

запную смерть. Компания, получившая патент на два гена, связанные с этим состоянием, разработала тест для диагностики синдрома. Но затем они обанкротились и с тех пор не предлагали его на биотехнологическом рынке. Другая лаборатория попыталась предложить свой тест, но компания, которая владела патентом, пригрозила подать в суд на лабораторию за нарушение патента. В результате Абигайль умер от недиагностированного синдрома удлиненного QT¹.

Аргументация Американского союза по защите гражданских свобод, направленная против Myriad Genetics не рождалась спонтанно, долгий этап подготовки к сложным многоуровневым судебным процессам требовал оттачивания тезисов, прояснения таких основных понятий молекулярной, как: что такое ген, ДНК, в чем суть различий между искусственным и естественным, что такое изобретение и чем оно отличается от продукта природы?

Противники патентного права настаивали на том, что ген является обычным продуктом природы, как например, вода или воздух, он не может находиться в монопольном распоряжении и не должен быть объектом патентного права, и не важно, где находится данный ген. Как подчеркивала представитель Американского союза по защите гражданских свобод Tania Simoncelli, «Нам казалось, что ДНК, самая фундаментальная структура жизни, которая кодирует производство всех наших белков, является и продуктом природы и естественным правом, независимо от того, находится ли она в наших телах или в основании пробирки»².

Сторонники патентования генов подчеркивали, что они не притязали на гены в человеческом теле, но лишь на гены изолированные, выделенные из тела с помощью особых технологий, на гены в пробирке. Доводы противников патентования выстраивалась на основе привлечения аналогий, взятых из мира природы, путем указания на естественное происхождение генов. Например, был озвучен следующий аргумент: выделение ДНК подобно извлечению золота из горы или выниманию его из русла реки. Сторонникам патентования указывали на то, что они могли бы запатентовать способ добычи золота, то есть извлечение золота, но не само извлеченное золото.

Наряду с подобными аналогиями против патентования действовали и другие аргументы, среди которых особый интерес представлял аксиологический аргумент от коммодификации, согласно которому патентование генов — это не что иное, как оценка жизни в качестве товара.

¹ См.: *Simoncelli, Tania*. Should you be able to patent a human gene? [Electronic data] . URL: http://www.ted.com/talks/tania_simoncelli_should_you_be_able_to_patent_a_human_gene/transcript (Дата обращения 13.10.2016)

² Там же.

Однако за всеми ними, безусловно, подразумевался один — самый важный аргумент о том, что разрешение патентов на гены несет угрозу человеческому достоинству, гражданским свободам личности. Именно он оказал решающее воздействие на судебный процесс.

В июне 2013 г. Верховный суд США принял решение, поставившее точку в длительном судебном процессе (начиная с 2009 г.¹), суть которого сводилась к тому, что фрагмент ДНК естественного происхождения является продуктом природы, и поэтому не может быть запатентован.

Проблема патентования генов обозначила важный модус взаимоотношений между наукой и индивидом, который условно можно назвать модусом защиты гражданских прав. В рамках этого модуса инициативные группы стремятся добиться справедливости, апеллируя к фактам, свидетельствующим о нарушении гражданских прав отдельных лиц. В случае с Myriad Genetics характерной чертой этого модуса взаимоотношений стал акцент на потенциальном вреде для человеческой популяции недостаточной точности научных данных, используемых в коммерческих целях (имелась более полная информация о генетических мутациях, вызывающих рак груди, которую не учитывала компания, нанося тем самым вред пациентам), а также акцент на том, что Myriad Genetics препятствовала разработке более дешевых или бесплатных вариантов генетического теста.

Парадокс 3. Медленная социализация или технологическое ускорение?

Современные технологии способствуют порождению прецедента ускоренной социализации. Развитие технологий улучшения человека направлено на достижение социально эффективных навыков и умений кратчайшим путем, минуя социальную адаптацию и игнорируя возможные кризисы самопреодоления и идентичности.

Социокультурные технологии также могут быть направлены на достижение социальных целей кратчайшим путем, но это, скорее, является периферийным, зачастую маргинальным явлением. Вспомним, например, о таких явлениях, как дедовщина или исторические примеры применения насилия в системе образования. Сторонники этих практик, как правило, апеллируют к острой необходимости «воспитать» солдата или ученика в жестких пространственно-временных рамках и полагают, что добиться этого без насильственных действий невозможно.

¹ Подробнее о судебных процессах между компанией Myriad Genetics и Американским союзом по защите гражданских свобод см. в статье: Тищенко П. Д. Коммерциализация фундаментальной науки — инновационные социальные технологии. Человек. 2014. № 6. С. 111–126.

Если дисциплинарное общество приравняло человека к элементу серии, несущему общественно полезную функцию, к механизму исправно работающей социальной машины, приносящий прибыль и сулящей благо социальному целому, то современные биотехнологии изменили инструментальное отношение человека к собственному телу, которое задавалось социокультурным аспектом жизнедеятельности. В результате мы постепенно становимся свидетелями того, как «техники тела» как результат внешнего социокультурного преобразования биологического субстрата (телесности) постепенно трансформируются в «техники тела» как результат симбиоза жизни и технологии.

Возможно, совсем скоро мы будем носить в себе наши генетически модифицированные хабитусы и менять их в угоду производственной моде, дисциплинируя их в соответствии с требованиями работодателей и соответствующим уровнем развития технологий. Современная сверхчеловеческая идентичность может оказаться проектом, воплощенным в форме машины, запчасти которой (ими можно считать и фрагменты ДНК, и нейроны, и просто отдельные части тела) можно менять бесконечно долго.

Проектирование будущего и человека будущего, его норм и ценностей, а также его образа, ограничено воображением, чутко реагирующим на технологический зов эпохи. Человек всегда оказывается заложником форм воображаемого. Воображаемое сегодняшнего дня все настойчивее обращается к теме превращения наших тел в искусственную данность¹.

Мир биотехнологий породил множество непривычных проблем. Например, как реагировать на генетический допинг в спорте? Вспомним, что оценка спортивных заслуг связана с манифестацией того факта, что высокий результат спортсмена — это плод его естественных усилий (даже несмотря на особый режим питания, особую высокотехнологичную форму и другие неотъемлемые атрибуты спортивной жизни) превзойти себя и при этом остаться самим собой². Генетический допинг, в отличие от классических фармакологических видов допинга, вводимых различными способами в организм спортсмена, «перестает быть внешней субстанцией, искусственно введенной в тело. Этот ген будет функционировать в организме спортсмена, являясь, таким образом, его неотъемлемой составляющей»³, не попадая под определение допинга и соответственно под действие морально-юридических санкций.

¹ Попова, О. В. Биотехнологическое конструирование искусственно-естественного: социальный контекст // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 161–171.

² См.: Nowotny, H., Testa, G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. MIT Press, 2010.

³ Ibid. P. 22.

Часть 2. Онтологические парадоксы.

От биологического конструирования к моральному дизайну¹

Аннотация. В статье исследуется ряд онтологических парадоксов, возникающих вследствие распространения практик биотехнологического дизайна. Показано, что современные биотехнологии порождают новые типы биологической реальности, занимающей особое место в онтологической нише, к которой не применимы стандартные моральные оценки. На примере развития современной синтетической биологии рассмотрен феномен взаимопересечения практик стандартизации и арт-проектирования жизни.

Ключевые слова: биологический дизайн, недочеловеки, синтетическая биология, онтология артефактов, CRISPR, методика ANT, этические проблемы развития биотехнологий.

Abstract. This article examines a number of ontological paradoxes arising from the spread of biotechnological design practices. It is shown that modern biotechnology creates new types of biological reality, which occupies a special place in the ontological niche, which do not apply to the standard moral values. This article also discusses interconnectivity the standardization practices and the life-design practices by the example of development of modern synthetic biology.

Keywords: biological design, subhuman, synthetic biology, an ontology of artifacts, CRISPR, ANT methodology, ethical issues of biotechnology development.

Парадокс 1. Создание технологических «недочеловеков»

Дж. Агамбен² в духе М. Фуко, отмечает, что с началом Нового времени политические стратегии направлены на человеческое тело. Причем это тело представлено в политических играх не только как субъект политики, но и как естественный объект, локус голей жизни, которой не дано право голоса. Развитие биотехнологий способствовало появлению новых локусов голей жизни. Одним из примеров «голой» жизни являются так называемые полуживые объекты. Например, тканевый инжиниринг «сделал возможнымращение и длительное поддержание жизни функциональной ткани вне тела и привел к появлению формы жизни, никогда не существовавшей в природе, — имеются ввиду части сложных организмов, созданные и выращенные независимо от их мате-

ринского тела»¹. Развитие реанимационных технологий способствовало порождению новых форм жизни, жизни на грани со смертью, жизни, которую легко спутать со смертью (пациенты в вегетативном статусе, пациенты со смертью мозга).

В пространстве современных больниц политическая воля создает возможность конструирования и отбора живых существ под конкретные прагматические задачи (они могут быть объектами неявных евгенических трендов, как, например, в случае проведения массового пренатального генетического скрининга, являться компенсаторными инструментами, как в случае использования органов после констатации смерти мозга для восстановления здоровья пациентов, репрезентировать практики коммодификации человеческого тела и биоматериалов — например, в случае продажи эмбрионов, клеток и тканей для исследовательских целей и т. д.).

Все эти новые формы существования на грани естественного/искусственного, природного/сконструированного провоцируют появление сложных этических проблем. В перспективе развития социального мира речь идет об интеграции сконструированных форм жизни, биотехнологических артефактов и имеющих социальные нормы, существующего этико-правового нормативного порядка². В этой связи уместен вопрос Орона Катса, который может быть в тех или иных вариациях применим ко многим проблемам, порожденным отсутствием четкого понимания границ между естественным и искусственным, жизнью и смертью, нормой и патологией. «В каком количестве и какого рода живой материал необходим для того, чтобы сделать объект живым и/или разумным? Уступает ли в разумности растительная ткань ткани более сложных организмов? Есть ли разница между эпидермисом или мышечной тканью, способной сокращаться *in vitro* в реальном времени, и нервными клетками, которые, как принято считать, формируют «Я» человека? ... нейроны мы должны культивировать, чтобы получилось мыслящее и сознающее «полуживое» существо?»³.

¹ Каммс, О. Фрагменты конструирования жизни — влажная палитра тканевой инженерии [Электронный ресурс] // «BIOMEDIALE. Современное общество и геномная культура». Калининград, 2004. <http://www.studfiles.ru/preview/4277422/page:17/> (Дата обращения 13.10.2016)

² См.: Nowotny, H., Testa, G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. MIT Press, 2010.

³ Каммс, О. Фрагменты конструирования жизни — влажная палитра тканевой инженерии [Электронный ресурс] // «BIOMEDIALE. Современное общество и геномная культура». Калининград, 2004. <http://www.studfiles.ru/preview/4277422/page:17/> (Дата обращения 13.10.2016)

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РФНФ, грант № 15–03–00818.

² Агамбен, Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011.

Этот развернутый вопрос можно сформулировать иным путем, отталкиваясь от идей, изложенных выше: «До какого предела должна развиваться «голая жизнь», чтобы обрести свой голос?». И до какого предела должен быть усовершенствован (или развит?) человек, чтобы этот голос услышать?

Парадокс 2. Жизнь как стандартизация и арт-проект

Открывая этот мир в соответствии с пока известными нам законами естествознания, мы приближаемся к моменту, который может опрокинуть все наши представления о жизни, материи, кардинально изменить наш опыт и антропологический облик. Компьютер размером с атом, на который может быть записана информация обо всем культурном багаже человечества, или, как обещают нам трансгуманисты, и сам человек такого же размера, являют собой плоды калькулирующего мышления и бесконечного процесса дробления мира, создания шедевров технологических миниатюр, невидимого конструирования. Новый конструирующий взгляд на мир прекрасно охарактеризован Хельгой Новотны: «Жизнь разделена на ее организационные единицы. Наше молекулярное исследование делает эту фрагментацию возможной. И этот шаг представляется логическим продолжением диссекции тел в эпоху Ренессанса, когда геномные браузеры заменили анатомические театры, как бы показывая, что изменились проникающая способность и разрешение нашего взгляда»¹. Х. Новотны заявляет об отсутствии объективного «незаинтересованного» взгляда наблюдателя, «чистого зеркала», на котором отражались научные истины. Взгляд современного ученого — это взгляд, направленный не только на понимание сути вещей, но и на их преобразование, конструирование, использование в прагматических ненаучных целях.

Ниже я хотела бы обратить внимание на процессы конструирования в живых системах, ставшие предметом заботы современных генных инженеров и синтетических биологов.

Развитие синтетической биологии подразумевает использование биологических компонентов для разработки живых систем. Биологические компоненты должны быть хорошо исследованы и предсказуемы в проявлении своих качеств. В основе синтетической биологии лежит процесс стандартизации. Как пишут Х. Новотны и Дж. Теста: «Поведение компонентов новой системы не будет достоверно предсказуемо в любой степени, пока они не были произведены на основе известных ка-

¹ Nowotny, H., Testa, G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. MIT Press, 2010.

честв и общезначимых норм — как части, которые были определены с помощью стандартных измерений в стандартных экспериментах и которые поэтому сами стали стандартами, вокруг которых может быть организован дизайн новой жизни»¹. Именно наличие стандартизированных деталей ДНК (десятков, тысяч букв ДНК) позволяет конструировать и перепрограммировать живые организмы с новыми функциями, не встречающиеся в природе.

Синтетическая биология, как и многие другие направления научно-го знания, столкнулась с проблемой общественного приятия созданных в лабораториях биотехнологических артефактов и, в целом, приемлемости любых практик биотехнологического конструирования, несущих непредсказуемые антропологические риски.

Опираясь на рассуждения П. Д. Тищенко, хочу обратить внимание на смысл конструктивного потенциала, содержащегося в идее развития синтетической биологии. Как полагает П. Д. Тищенко, «Условием конструктивного подхода является *представление человека* в качестве системы, состоящей из частей или процессов, контролируя которые можно достичь желаемого эффекта»². Современная синтетическая биология направлена на редизайн «существующих биологических систем и конструирование новых строительных блоков жизни, инструментов и конкретных систем для конкретных полезных целей»³. Как было показано выше, это предполагает разновекторную стандартизацию: не только биологических деталей, доступных для всех и легко воспроизводимых запчастей, но и профессиональных, нормативных стандартов, со временем регулирующих деятельность в области синтетической биологии.

Обращу внимание на высказывание П. Д. Тищенко, характеризующее процесс создания технического продукта: «...если мастер создает уникальное произведение, то изобретатель техники как продукта — шаблон для производства необходимого числа копий. Сохранение тождественности копий обеспечивается стандартизацией... Способ действия и его продукт как шаблон — патентуются. В самой сути современной техники как способа производства и модели (шаблона) присутствует атрибут собственности (распределяемого ресурса или товара). И это

¹ Там же. Р. 92.

² Тищенко, П. Д. Конструирование человека: идеалы и технологии // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М.: Издательство Московского гуманитарного института, 2015.

³ Nowotny, H., Testa, G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. MIT Press, 010. P. 86.

будет четвертым существенным свойством современной техники»¹. Эта оценка может быть применима к развитию современной синтетической биологии. В ней в концентрированном виде содержится конструктивная интенция, с характерной для нее воспроизводимостью, которая противостоит интенция создания уникального единичного продукта, производства в высоком смысле этого слова: «Амбиции синтетической биологии заключаются в стремлении преодолеть современный [полуремесленный] исследовательский подход к жизни, строящийся на напряженном ad hoc экспериментировании, и перейти на новый уровень сборки биологических систем из стандартизированных частей, взятых «с полки» [своеобразного склада или, что еще удобней, заказанных к нужному сроку по каталогу у поставщиков биотехнологических полуфабрикатов]»². Синтетическая биология как имагинативная социальная конструкция имеет дело с конструированием будущих возможных миров, населенных гибридными формами существования, людьми — «кентаврами», химерами. Ее провокационная роль заключается в онтологическом, этическом семантическом переделе мира, где будет место новым сущностям, новым формам существования активно осмысливается в различных творческих проектах *art-science*.

На платформе развития таких инновационных форм развития научного знания ученый уподобляется художнику, реализуя интенцию на конструирование истины, придавая новый дизайн уже существующим вещам, новому потенциалу раскрытия живого (наделения его новыми функциями, новым обликом, новыми способами использования).

Тенденция реализации новых форм проявляется в том, что в современных условиях развития науки зачастую бывает достаточно сложно отличить научно-техническое исследование от художественного проекта.

Если отойти немного в сторону от синтетической биологии, и задать вопрос о характерных чертах современной науки и критериях демаркации результатов, производимых ученым и художником, выявляется парадоксальная сложность, обусловленная изменением ролей ученого и художника в современном мире, перепутыванием их социальных ролей и изменением профессиональной идентичности. Объясню это на конкретном примере, который приводит С. Уилсон.

¹ Тищенко, П. Д. Конструирование человека: идеалы и технологии // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М.: Издательство Московского гуманитарного института, 2015.

² Ibid. P. 86–87.

«Исследователь Дж. Т. нашел способ вживлять в бактерии закодированные сообщения при помощи методов генной инженерии.

Исследователь С. создал механизм, позволяющий всем желающим на расстоянии управлять его телом посредством электростимуляции.

Исследователь Х. С. создал «бюстгальтер плодовитости» со встроенными феромоновыми рецепторами, которые включали определенные индикаторы, если женщина, носящая бюстгальтер, находилась в стадии месячного цикла, позволяющей ей забеременеть.

Группа исследователей сделала экран для трансляции видеоконференции, на котором изображения участников конференции, не принимавших активного участия в дискуссии, бледнели и расплывались в соответствии с уровнем их активности»¹.

В приведенных примерах первые два случая относятся к художникам.

Художник, исследователь art-science Д. Булатов отмечает, что «авторы рассматривают «модификацию организма, внешнего вида животного, или растения, или даже молекулы ДНК» не иначе как «художественное действие», не укладывающееся в рамки оппозиционных категорий «полезно/бесполезно», «правильно/неправильно» или «опасно/безопасно»².

Художники не так обременены этическими стандартами и этосом своего сообщества, как ученые, поддаваясь регуляции лишь духа творчества, а, следовательно, способны получать инновационные продукты, которые не всегда удается получить ученым, которые способны вызвать неоднозначную в этическом отношении реакцию.

Как отмечают Ерохин С. В. и Мигунов А. С.: «Биологическое искусство извлекает пользу из самого сокровенного — из всего многообразия живого. Этика и эстетика выступают здесь как регуляторы в сфере пока еще совершенно новых технологий, где слились воедино творческая интуиция и воображение художника с расчетом и выдумкой биоинженера. Этика, на наш взгляд, преимущественно нацелена на сохранение человека как особого антропологического вида, в то время как эстетика, наоборот, поощряет самые смелые и отчаянные эксперименты, часто дающие, как это видно из приведенных нами примеров, совершенно поразительные результаты»³.

¹ Уилсон, С. Искусство и наука как культурные действия // Логос. №4 (55). 2006.

² Булатов, Д. Новое состояние живого: к вопросу о технибиологическом искусстве // Гуманитарная информатика. 2011. Вып. 6.

³ Ерохин, С. В., Мигунов, А. С. Биологическое искусство [Электронный ресурс] // Тамбов : Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 69–78. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2014_12-1_16.pdf (Дата обращения 13.10.2016)

В этом утверждении принципиально важно зафиксировать то обстоятельство, что современная эстетика (в обсуждаемой нами форме) открыта духу инновационного антропологического конструирования в том числе, в то время как этика в большей степени озабочена биобезопасностью.

Основатель биоарта Е. Кац, отмечая, что сущность биологического искусства связана с манипуляцией процессами жизни», полагал, что «биоискусство создает не столько новый объект [object]... сколько новый субъект [subject]», «...оно открывает себя целому ряду живых процессов и сущностей — от молекул ДНК и мельчайших вирусов до самых больших млекопитающих и их эволюции»¹. Художники становятся активными участниками «гаражного подхода» в науке, фактически следуя призыву института «Do-It-Yourself Biologist»².

Осмысление происходящих манипуляций с живым-полуживым, человеческим и получеловеческим актуально в этическом отношении не только в связи с очевидным расширением масштаба кризиса традиционной этики, столкнувшейся с вызовом от применения новых технологий, но и в связи с полностью противоположной ситуацией — имитацией создания псевдоэтических норм, которые рассматриваются как релевантное этическое обеспечение той или иной научной практики. Рассмотрю один из характерных примеров, связанных с проблемой клонирования эмбрионов в исследовательских целях.

Нравственные коллизии, возникающие вследствие легитимации клонирования эмбрионов в исследовательских целях, как и в отношении классического понимания клонирования (клонирования человеческого существа) артикулируют прежде всего аргумент на основании видовой принадлежности. Аргументация на базе видовой принадлежности затрагивает очень сложные в технологическую эпоху вопросы: «когда человек прекращает быть членом своего вида?», «собственно каковы рамки человеческого?». В контексте проблемы клонирования актуализируется вопрос о том, является ли клонированный индивид полноценным членом человеческого вида или лишь вещью, обладающей признаками жизни, пригодной исключительно для целей эксплуатации, в частности, научных исследований.

Противоположный подход к клонированию можно условно назвать перфекционистским. Он отражает прежде всего стремление человека (за неимением возможности сконструировать иным путем) законсер-

¹ Кац, Е. Art That Looks You in the Eye: Hybrids, Clones, Mutants, Synthetics, and Transgenics: introduction // Signs of Life: Bio Art and Beyond / ed. by E. Кац. Cambridge-L.: The MIT Press, 2009. P. 1–27.

² См.: An Institution for the Do-It-Yourself Biologist [Electronic data]. URL: <https://diybio.org/> (Дата обращения 13.10.2016)

вировать в клонированном индивиде совокупность черт, качеств, которые представляются идеальными, необходимыми оригиналу или группе людей, преследующих какие-либо связанные с клонированным существом цели. Либо (в случае с эмбрионами) речь идет о достижении прорывы в какой-то области знания, например, улучшении методов лечения. Собственно по этой причине клонирование в исследовательских целях называют терапевтическим. В основе него лежит терапевтический и исследовательско-научный перфекционизм.

Однако клонирование в исследовательских целях вызывает этическую озабоченность. Обсуждаются, например, этические аспекты получения донорских яйцеклеток (не является ли это актом эксплуатации женщин?), но прежде всего особая озабоченность связана со сложным моральным и онтологическим статусом эмбриона, который подлежит уничтожению в процессе проводимых на нем научных исследований. Ниже будет рассмотрен еще один парадокс, возникший в связи с попыткой легитимизации практики использования эмбрионов в исследовательских целях.

Парадокс 3. От полуживого к получеловеческому. Казус АНТ-сущест

Использование эмбрионов в исследовательских и терапевтических целях всегда вызывало резонанс как среди носителей традиционных ценностей, представителей различных религиозных конфессий, так и у многих обычных людей, не имеющих четко выраженной аксиологической позиции.

Бесконечные споры о моральном статусе эмбриона зачастую сводились с аргументу «от потенции», то есть к пониманию эмбриона в качестве человеческого существа (со всеми вытекающими отсюда правами), поскольку он (эмбрион) потенциально может развиваться в человека (согласно мысли Тертуллиана, уже является человеком тот, кто им станет).

Развитие биотехнологий оказалось сопряжено с поиском возможностей создания биотехнологических методов по модификации эмбриона, которая способствовала бы созданию альтернативной этики, не вызывающих нареканий у оппонентов проведения исследований на эмбрионах.

В случае с развитием аргументации, оправдывающей исследование на эмбрионах, речь шла не только о поиске концептуальных этических аргументов, позволяющих оправдать осуществление действий, нелегитимных в рамках традиционных систем ценностей, но и биотехнологи-

ческой трансформации самого эмбриона, которая бы позволила не считать его человеком. Речь шла о аннигиляции аргумента «от потенци», то есть о создании такой искусственной ситуации и модификации эмбриона, в контексте которой его уничтожение или проводимые над ним манипуляции не рассматривались бы как акты уничтожения или жестокого обращения.

Собственно такое аксиологическое основание и вызвало появление в 2004 году методики «переноса измененного ядра» (altered nuclear transfer, ANT). Методика предполагала деактивацию гена, отвечающего за формирование плаценты, в ядре соматической клетки перед передачей его в лишённую ядра яйцеклетку (соматическая клетка заражалась вирусом, который блокировал действие гена и делал невозможным имплантацию эмбриона в матку).

Таким образом, ликвидировалась сама возможность дальнейшего развития эмбриона. Развития, которое способствовало его превращению в человеческое существо, то есть наделяло эмбрион человеческими чертами. Деактивация гена приводила к деформации эмбриона, который больше не мог развиваться в человека, и был похож, скорее, на клеточную культуру, а не на потенциальное человеческое существо.

Попытаюсь кратко воспроизвести аргументацию защитников эмбрионов, ответом на которую и послужило создание методики ANT. В современной немецкой философско-биоэтической литературе в дискуссиях, посвященных защите эмбриона используется очень емкий зонтичный термин SKIP. SKIP — это аббревиатура, состоящая из начальных букв аргументов для обоснования ценности жизни эмбриона. К ним относятся видовой аргумент (Das *Speziesargument*), аргумент континуума (das *Kontinuumsargument*), аргумент идентичности (das *Identitätsargument*), аргумент потенциальности (das *Potentialitätsargument*)¹. Рассмотрю их более подробно.

1. Видовой аргумент.

В соответствии с видовым аргументом все члены человеческого рода (вида) обладают достоинством. Так как эмбрионы принадлежат к человеческому виду, их жизнь также должна быть защищена.

2. Аргумент континуума (непрерывности).

Согласно аргументу континуума (непрерывности) в развитии эмбриона нет моральных разрывов. Таким образом, эмбрион обладает достоинством как в самом начале своего развития, так и на более поздних стадиях развития. Достоинство — неотъемлемая часть естественного

¹ Krefß, H.: Medizinische Ethik, Stuttgart : Kohlhammer. 2009.

природного развития эмбриона и его модификации в более сложные формы идентичности человеческого существа — плода, ребенка, взрослого.

3. Аргумент идентичности.

Согласно аргументу идентичности возникают нравственные отношения идентичности между эмбрионом и человеком, который может развиваться из нее. Так как мы приписываем человеку наличие достоинства, мы должны также признать его у эмбриона в связи с особым отношением идентичности. Аргумент идентичности, является не только математическим понятием идентичности, но и концепцией личностной идентичности.

4. Аргумент потенциальности.

С аргументом идентичности тесно связан аргумент потенциальности, подразумевающий, что эмбрионы обладают достоинством, поскольку у них есть потенциал развития в существо, которое несет в себе черты, придающие достоинство¹.

Можно ли полагать, что методика ANT, позволяет преодолеть появление аргументации относительно защиты жизни, подобной SKIP-аргументации.

Проведение исследований на таких модифицированных эмбрионах и последующее их уничтожение не должно было вызывать моральных возражений лишь на том основании, что эти эмбрионы были лишены возможности стать членами человеческого вида².

На мой взгляд, здесь идет речь об искусной манипуляции с моральной аргументацией, в основании которой лежит конструктивный замысел, позволяющий создать существо, возможно, и удовлетворяющее ряду характеристик, предъявляемым скрупулезными моралистами, но не удовлетворяющим главному признаку исходной недетерминированности природных оснований, на котором так настаивает Ю. Хабермас.

Немецкий философ М. Бек отмечает, что в процессе использования метода ANT исследователь манипулирует с ядром клетки перед трансплантацией таким образом, чтобы полученный эмбрион не мог развиваться во взрослого человека. Ему недостает потенциала превращения во взрослого человека в результате человеческого вмешательства. Это технэ в аристотелевском смысле³.

¹ Müller-Terpitz, R. Der Schutz des pränatalen Lebens, 2007. Tübingen : Mohr Siebeck. P. 49–65.

² Nowotny, H., Testa, G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. MIT Press, 010. P. 95.

³ Ibid. P. 274.

Это умение исследователя, согласно М. Беку, является знанием о том, что благодаря его (исследователя) мастерству получился клонированный нежизнеспособный эмбрион. М. Бек подчеркивает, что в случае с методом ANT уместна аналогия и с другими примерами манипуляций, например, такой манипуляции со сперматозоидами или яйцеклетками, которая позволяет появиться эмбриону с более короткой продолжительностью жизни.

Как очень точно описали парадоксальную ситуацию моральных игр в усложняющемся биотехнологическом мире, примером которых может послужить методика «переноса измененного ядра», Н. Nowotny и G. Testa: «Открытия и изобретения, сделанные в лабораториях, таким образом, все сильнее оказываются в позиции, когда они несут двойной сертификат происхождения — научный и моральный... Заведенные в тупик моральные или религиозные взгляды на ценность человеческой жизни и на определение ее начала продиктовало создание биотехнологического артефакта — «человеческого творения в человеческих целях... Биотехнологическое существо возникло в соответствии с заказом, чтобы осуществлять медиацию между религиозными убеждениями и давлением на научные и технологические инновации. Когда подходишь к проблеме, какой ген должен быть деактивирован, чтобы сделать этот биологический артефакт непроблематичным для всех сторон, примат политики над наукой не может подвергаться сомнениям»¹.

Методика «переноса измененного ядра» вызвала скепсис у многих представителей научного сообщества и потребовала нового биологического вмешательства с целью преодоления сомнений в ее действенности. В частности, речь шла о том, чтобы доказать, что подавление экспрессии гена происходит должным образом. Для этого маленькую молекулу РНК, которая приводит к разрушению клеточного белка, то есть к деактивации гена, отвечающего за формирование плаценты, помечали светящимся флуоресцентным белком (GFP). Чем была зеленее клетка, тем больше молекул РНК с ингибирующим эффектом она производила².

Как написали Н. Nowotny, G. Testa, «За двадцатилетнюю карьеру зеленого флуоресцентного белка GFP, который используется во всех лабораториях по всему миру для изучения функции генов и белков, это первый раз, когда мощность его свечения указывает, косвенно, но все более интенсивно — на нравственную ценность. Стандартное измерение в ла-

¹ Nowotny, H., Testa, G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. MIT Press, 010. P. 96.

² Ibid. P. 98.

боратории — свечение зеленого сигнала — поднято на уровень нравственной ценности, и наоборот»¹.

Выше я уже упоминала концепт «голой жизни», введенный Дж. Агамбен, удачно описывающий создание полуживых объектов. Данный концепт подразумевает искусственный, сконструированный процесс их создания, обеспечение их заданными характеристиками. Эти объекты созданы с целью использования их строго по назначению. Они, например, могут быть сконструированы в целях успешного функционирования науки или других областей знания или решения сложных проблем. Лишение эмбриона, используемого в исследовательских целях, морального статуса, который приписывался ему на основании аргумента «от потенции», также является примером применения концепта «голой жизни». Эмбрионы с деактивированным геном — ни что иное, как объекты, сконструированные волей создателей с исключительно прагматическими целями. Аналогичными примерами конструирования таких же «голых» существ в истории развития биомедицины являлись испытуемые — недобровольные участники научных исследований, так называемые «неоморты» (пациенты со смертью мозга), упомянутые выше полуживые объекты, животные с человеческими генами и т. д.

Процесс исключения Других, условно говоря, не соответствующих норме, «ненормальных» людей в научном мире характеризуется общим консенсусом научного сообщества относительно того, кто достоин быть человеком, а кто должен быть исключен из сообщества людей, вообще из сообщества любых живых существ, которые способны вызывать этическое отношение.

Прецеденты формирования различных онтологий людей-артефактов, которым присваиваются те или иные имена, например, такие, как «бревна» и «мусульмане» (во время Второй мировой войны), «неоморты» (в пространстве современных реанимационных больниц), или рассмотренные выше безымянные эмбрионы с деактивированными генами, стали неотъемлемой частью истории современной биоэтики, интенции которой направлены на формирование такого подхода к человеку, который бы основывался на уважении его «телесных прав», его целостности и неприкосновенности его тела.

Н. Nowotny и G. Testa обозначили позицию нейробиолога М. Гэзэнига, который отметил в связи с методикой «переноса измененного ядра», что мы обычно выдумываем слово, чтобы описать биологическое явление, но что здесь мы, казалось, переделали биологи-

¹ Nowotny, H., Testa, G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. MIT Press, 010. P. 98.

ческое явление, чтобы заставить его соответствовать значению слова¹. Действительно, сконструированный эмбрион с деактивированными генами — это артефакт, созданный с целью соответствия эмбриона имени «нечеловек», артефакт, с заданными свойствами. Эти имена позволяют осуществлять успешные манипуляции над эмбрионами, использовать их в научных целях.

Даже если онтология такого человека описывается лишь в рамках семантики, связанной с физическим измерением бытия, но и оно — человеческое измерение физического — должно обосновывать этику, заставляющую уважать права телесности другого существа.

Парадокс 4. Казус «трех родителей»

В феврале 2015 г. в Великобритании нижней палатой парламента было одобрено применение методов генной инженерии для создания «ребенка от трех родителей», то есть человека, в клетках которого будут присутствовать ДНК от двух женщин и мужчины. При этом будут использованы половые клетки родителей и ДНК митохондрии, полученной от здоровой женщины. Предполагается, что родившийся ребенок не будет страдать заболеваниями, которые могли бы быть ему переданы по наследству вследствие дефектов в митохондриях его матери, например, такими, как мускульная дистрофия или порок сердца².

Казус «трех родителей» вызвал диаметрально противоположные оценки, апеллирующие к ценностям науки, религиозным ценностям, ценности приватной жизни и т. д., ярко продемонстрировав ситуацию несоизмеримости концептуальных аргументов.

Камнем преткновения стал вопрос о производстве «дизайнерских детей», то есть проектировании черт будущего ребенка (его внешности и характера) на заказ в соответствии с предпочтениями родителей. И хотя сторонники новой технологии утверждают, что модификация митохондрий не влияет на индивидуальные характеристики будущего ребенка, это не отменяет самого факта генетического конструирования — практики, в отношении которой возникает множество вопросов как этического, так и медицинского характера, связанных с непредвиденными рисками для здоровья будущего ребенка. Например, такого рода: как могут семейные пары дать полноценное информированное согласие на рождение ребенка с чужеродной ДНК («от трех родителей») ввиду неполноты информации о последствиях самой процедуры, невозможности калькуляции рисков.

¹ Nowotny, H., Testa, G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. MIT Press, 010. P. 96..

² http://www.bbc.co.uk/russian/society/2015/02/150203_uk_voting_three_person_babies

Казус «трех родителей» продемонстрировал феномен очищения социальных связей от социального, о чем прекрасно сказала Х. Новотны: «Социальная связь» в самом истинном смысле этого термина, которая на протяжении столетий была обличена в форму социальных соглашений, в отношениях любви и власти, теперь предстает в своей неприкрытой генетической наготе»¹.

В связи с возможным появлением развитием рисков, вызванных применением подобных генетических технологий, возникает также следующая проблема: может ли ребенок потребовать компенсацию от родителей за негативные, с его точки зрения, последствия родительского решения о траектории развития своего ребенка. Не случится ничего страшного, если ребенок будет согласен с выбором родителей относительно тех или иных результатов усовершенствования, однако возможность неодобрения выбора родителей также достаточно велика. И это обстоятельство невозможно упускать из виду. Кроме того, в будущем возможно появление такого рода прецедентов, когда будут сталкиваться различные ценности поколений детей и родителей, и в целом различные поколения. При этом предыдущим поколениям будет отводиться роль обезьяны, из которой технологии лепили сверхчеловека.

В острых дискуссиях между родителями и детьми даст о себе знать дефицит универсальных дефиниций таких этических категорий, как благо, справедливость, автономия и др. В этическом вакууме родители могут отстаивать свои права на свободу самореализации и невмешательство в пространство тела, а дети, выражая в своих действиях свое понимание блага, будут отстаивать свою позицию относительно того, что же считать правильным, а что нет. Конструирование ребенка может проходить на совершенно разных уровнях и касаться не только усовершенствования уже имеющихся детей с помощью различных инновационных артефактов, а также избавления потомства с нежелательными чертами.

Б. Г. Юдин отмечает, что импульс, питающий современное утопическое мышление не иссякает, однако «обретает себя на иной почве — место социальных утопий занимают утопии индивидуальные». Такие утопии локальны, поскольку направлены на изменение будущего только самого автора утопии, его детей и близких. Обычно они ориентированы на достижения генетики и «выступают как проявления того, что именуют “приватной”, “семейной”, “домашней” евгеникой»². Вместе с тем

¹ Nowotny, H., Testa, G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. MIT Press, 2010. P. 12

² Юдин, Б. Г. Медицина и конструирование человека // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1.

частный характер современной утопии парадоксальным образом соотносится с глобальными тенденциями ее распространения, связанными с определенными социальными рисками. Латентный глобализм может проявляться в том, что общий универсальный эффект от достижения выгодных государству (или конкретным лицам — заказчикам) целей будет оцениваться таким образом, как если бы он был желателен с точки зрения перспективы частных лиц, превратившись в результат выражения демократической воли граждан. Между тем, за подобной демократией будет стоять не столько демократический консенсус, сколько «игра» в него, навязанная (например, средствами массовой информации) перспектива и стратегия принятия решений в отношении своего здоровья, улучшения жизни будущих поколений и т. д.

По этой причине приходится постоянно держать в уме тот факт, что современная возможность реализации технологических проектов связана с развитием «чувства» доверия к технологической инновации. Индивидуальная вера в технологию, то есть частная перспектива технологической утопии, способна стать источником реализации политических действий и открыть горизонты политической драмы.

Заключение

У Умберто Эко в эссе «Когда на сцену приходит Другой» есть прекрасный пассаж о телесных правах звероподобного Адама, «не ведающего, что есть сексуальное единение, радость диалога, любовь к детям, горе из-за утраты любимого человека», однако имеющего представление о своем пространственном положении, чувствующим свое тело в совершенно различных проекциях: видения, слушания, активного вторжения в среду, обладающего различными представлениями и эмоциями и страдающего от принуждения и пыток. Эко справедливо пишет, что «Если бы все нам подобные уважали эти «телесные права», история не знала бы таких явлений, как избиение младенцев, скармливание христиан львам, Варфоломеевская ночь, сожжение еретиков, концлагеря, цензура, работа детей в шахте, массовые изнасилования в Боснии».¹

В любых «зонах исключения», куда относятся также прекрасно исследованные М. Фуко, пространства психиатрических больниц, и тюрем, и образовательных учреждений, а также рассмотренные мной на-

¹ Эко, Умберто. Когда на сцену приходит другой [Электронный ресурс] // Пять эссе на тему этики. М. : Издательство: Симпозиум., 1997. URL: <http://knigger.com/texts.php?bid=22973&page=4> (Дата обращения 13.10.2016)

учные лаборатории, может осуществляться процесс снижения степени человеческого и градуса человечности, поскольку именно здесь проявляется факт абсолютной невозможности «нормального» человека и дефицит нормальности как таковой.

В этой связи хотелось бы наметить некоторые выводы. Любая модель этики имеет дело с некоторыми константными антропологическими характеристиками, например, такими, как разум, дееспособность, автономия. Их наличие является свидетельством непрекращающегося исторического процесса осмысления человеком своего бытия и закрепления своей онтологической ниши. Данный процесс осуществляется посредством действия механизмов публичного обсуждения и кристаллизации его результатов в дискурсе. Речь о человеке становится источником действий по отношению к человеку. Человек в различных дискурсах, в том числе в этических, как правило, репрезентирован как некая абстракция, то есть как результат чьих-либо притязаний, выстраивающих, достраивающих человека в соответствии с идеалом общественного-политического, экономического, культурного и т. д. развития¹. В процессе подобной «нормализации» в общественно-политическом процессе из категории «человек» вычлняются категории сверхчеловека и недочеловека. Концепт «человек» не является семантически устойчивым, это не некая очевидная данность. Человек и представлен себе, и скрывается от себя самого посредством языка, который порождает и хранит различные репрезентации человека и различные оценочные маркеры (как недочеловеческого, сверхчеловеческого, постчеловеческого).

В процессе конкуренции друг с другом различные дискурсы претендуют на изменение социальной ситуации, изменение формата представлений о человеке. Просто человек — это утопия, место ему нет ни в повседневной жизни, ни в этической рефлексии, неизменно отбрасывающей простоту человека, соотнося его существование с такими категориями, как автономия, человеческое достоинство, благая жизнь, совесть и т. д. и т. п.

Вместе с тем в современной ситуации, в особенности в контексте поднятой проблемы биополитического производства недочеловеческого особенно актуальными являются идеи этики ненасилия, направленной не только на урегулирование отношений не только между автономными дееспособными человеческими существами, но и всеми теми, кому

¹ Попова, О. В. Человек как текст и этика читателя: биополитический контекст // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Институт философии Российской академии наук. Москва, 2013. С. 123–146.

по каким-то критериям было отказано в праве считаться «нормальными» людьми, просто быть людьми, или, как было показано выше, кого сознательно лишили потенции принадлежать к человеческому виду, локализовав онтологическое место — среди клеточных культур, биотехнологических артефактов, вещей, предназначенных для исследовательских манипуляций.

Как показано выше, акцент на тех или иных аспектах сущности человеческого бытия всегда вызывает импульс к смещению и проведению новых антропологических границ, а значит, и к появлению новых пропускных пунктов в область «истинно человеческого».

Библиографический список

An Institution for the Do-It-Yourself Biologist [Electronic data]. URL: <https://diybio.org/> (Дата обращения 13.10.2016)

Blumental, W. M. The world Economy and Technological Change // *Foreign affairs*. Vol. 66. No. 3.

Bostrom, Nick. Human Genetic Enhancements: A Transhumanist Perspective // *Journal of Value Inquiry*. 2003. 37 (4). P. 493–504.

Est, R. van, with assistance of Rerimassie V., van Keulen, Dorren, G. Intimate technology: The battle for our body and behavior. The Hague: Rathenau Instituut, 2014. 86 p.

Heilinger, Jan-Christoph. Anthropologie und Ethik des Enhancements. De Gruyter. 2010.

Тищенко, П. Д. Конструирование человека: идеалы и технологии Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М.: Издательство Московского гуманитарного института, 2015.

Kac, E. Art That Looks You in the Eye: Hybrids, Clones, Mutants, Synthetics, and Transgenics: introduction // *Signs of Life: Bio Art and Beyond* / ed. by E. Kac. Cambridge; L.: The MIT Press, 2009.

Nowotny, H., Testa, G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. Cambridge, MA: MIT Press. 2010.

Simoncelli, Tania. Should you be able to patent a human gene? [Electronic data]. URL: http://www.ted.com/talks/tania_simoncelli_should_you_be_able_to_patent_a_human_gene/transcript (Дата обращения 13.10.2016)

Агамбен, Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011.

Булатов, Д. Новое состояние живого: к вопросу о технобиологическом искусстве // *Гуманитарная информатика*. 2011. Вып. 6.

Ерохин, С. В., Мигунов, А. С. Биологическое искусство [Электронный ресурс] // *Тамбов: Грамота*, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 69–78. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2014_12-1_16.pdf (Дата обращения 13.10.2016)

За металл. Интервью с Дмитрием Ицковым, создателем движения «Россия–2045»-Наследник № 4 (39), 2011 г.

Kattis, O. Фрагменты конструирования жизни — влажная палитра тканевой инженерии [Электронный ресурс] // «BIOMEDIALE. Современное общество и геномная культура». Калининград, 2004. URL: http://www.studfiles.ru/preview/42_77422/page:17/ (Дата обращения 13.10.2016)

Кокурин, Д. И. Инновационная деятельность. М.: Экзамен, 2001.

Мелик-Гайказян, И. В. Символизм технологий «конструирования человека» // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М.: Издательство Московского гуманитарного института, 2015.

Попова, О. В. Биотехнологическое конструирование искусственного-естественного: социальный контекст // *Знание. Понимание. Умение*. 2015. № 2. С. 161–171.

Тищенко, П. Д. Коммерциализация фундаментальной науки — инновационные социальные технологии // *Человек*. 2014. № 6.

Тищенко, П. Д. Конструирование человека: идеалы и технологии // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М.: Издательство Московского гуманитарного института, 2015.

Уилсон, С. Искусство и наука как культурные действия // *Логос*. № 4 (55). 2006.

Конструирование человека в свете тезаурусной концепции молодежи¹

Вал. А. Луков, А. В. Павлов

Constructing Man in the Light of the Thesaurus Conception of the Youth

Val. A. Lukov, A. V. Pavlov

Аннотация. В статье дан философский анализ проектов конструирования человека в аспекте влияния на них свойств возраста лиц, разделяющих эти концепции. Эти свойства раскрываются на основе применения тезаурусной концепции молодежи.

Ключевые слова: молодежь, тезаурусный подход, тезаурусная концепция молодежи, проекты конструирования молодежи

Abstract. The article presents a philosophical analysis of human construction projects in the aspect of the influence the features of the age of persons who share these conceptions have on them.

Keywords: youth, thesaurus approach, thesaurus conception of the youth, youth construction projects.

Введение

Проблема соотношения биологического и социального в природе человека в последние годы вновь заняла значительное место в философском дискурсе. Это естественное отражение тех исключительных успехов в области биотехнологий, которые достигнуты на рубеже XX и XXI веков. И в то же время следует учитывать известную автономность философии как знаниевой системы и ее активность в постановке вопросов, осознание которых приходит спустя десятилетия, а порой и столетия.

Переход от одного поколения к другому ведет в вопросах конструирования человека к забвению одних идеалов, образов и технологий и утверждению других. Имеет значение не только то, кто выдвигает тот или иной такой проект, но и в каком возрасте находится группа активных носителей и сторонников этих проектов.

Характерным наблюдением в этой области может быть наше предварительное исследование распространенности в повседневном сознании представителей разных поколений четырех образов, которые отражают

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект «Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии», №15–23–01008/14).

проекты конструирования человека популярные в свое время. Первый такой образ — Голем, искусственный великан из глины для исполнения разных черновых работ, трудных поручений, которого, по пражской легенде XVII в., создал праведный раввин Лев для защиты еврейского народа. Среди тех, кому больше сорока лет, это имя известно примерно одной трети опрошенных. А среди 16–20-летних — ни одному. Имя профессора Доуэля знают практически все опрошенные старше 30-ти лет, поскольку книга Александра Беляева «Голова профессора Доуэля», написанная в 1925 г., была одной из самых популярных в советскую эпоху. Но 16–20-летние практически не знают ни этого литературного образа, ни характера экспериментов по конструированию человека, описанных в этой книге. Зато молодые участники опроса хорошо знают имена таких киногероев, как Робокон и Терминатор. А в старшей группе это уже совсем не так.

Опрос, в котором участвовали 100 представителей разных возрастных групп, носил пилотажный характер в преддверии нескольких опросов по проблемам конструирования человека, которые планируется провести в 2016 г. Но уже и он позволил увидеть возможное влияние на эти концепции свойств возраста лиц, их выдвигающих и принимающих как должное. Для осмысления этой проблемы представляется в теоретико-методологическом плане необходимым применение тезаурусного подхода, в основе которого лежит трактовка тезауруса как субъектно организованного знания — не от общего к частному (что характерно для построения системы объективного знания в форме науки), а от «своего» к «чужому». На этом основании построена и тезаурусная концепция молодежи.

Изложим основы этой концепции.

Тезаурусная концепция молодежи

Тезаурусная концепция стала одной из базовых в современных исследованиях молодежи. Прежде всего она реализуется в исследованиях, проводимых в рамках научной школы Московского гуманитарного университета: вслед за В. А. и Вал. А. Луковыми¹ тезаурусный подход применили для изучения молодежной проблематики Д. Л. Агранат, И. Г. Биченко, М. В. Вдовина, В. В. Воробьев, С. В. Кочнев, В. А. Лапшин, А. В. Луков, Э. К. Погорский, А. Г. Русанова, А. В. Сафарян, С. С. Шугальский и многие другие исследователи.

¹ Луков, В. А., Луков, Вал. А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М.: Издательство Национального института бизнеса, 2013. 640 с.

Молодежь в рамках тезаурусной концепции трактуется как социальная группа, которую составляют (1) люди, осваивающие и присваивающие социальную субъектность, имеющие социальный статус молодых и являющиеся по самоидентификации молодыми, а также (2) распространённые в этой социальной группе тезаурусы и (3) выражающий и отражающий их символический и предметный мир¹. В литературе отмечается, что такой состав компонентов понятия, такая связь между ними, понимаемая как отражение социальной реальности, меняет сам взгляд на теорию молодежи².

Тезаурусная концепция молодежи строится на фундаменте социальной субъектности и стремится прояснить пути ее присвоения молодежью через раскрытие ее противоречивых черт в опредмеченной деятельности и в фактах самосознания, выполняющих важную регулятивную функцию. То обстоятельство, что институционализированный мир мало освоен молодым человеком, требует от него компенсаторных действий — самостоятельных и предопределённых взаимодействием в группах сверстников (*peer group*, по терминологии Т. Парсонса). Постепенно происходит освоение им пространства, правил, реальностей этого мира. Механизмами освоения становятся конструирование социальной реальности и ее проектирование. При этом конструкции и проекты молодого человека могут существенно отличаться от конструкций и проектов «ответственного взрослого» (родители, учителя и т. д.) и, кроме того, динамично изменяться. Особенностью молодежной среды является совмещение нескольких тезаурусных генерализаций, которое ведет к событийной гиперболизации одной из них, — той, что более других подходит в наличной жизненной ситуации.

Общая схема конструирования социальной реальности включает: (1) адаптацию к условиям среды (пробы и ошибки; узнавание частей среды и правил; изменение поведения в соответствии с правилами; понимание и легитимация части среды через «наше»); (2) достраивание реальности (символизация через идеальное «благо» и «зло», построение символического универсума; компенсация недоступного; действия по ограждению «своего мира», выделение зоны независимости); (3) переструктурирование условий среды (игнорирование неважного; изменение пропорций и комбинирование в соответствии с тезаурусом; дей-

¹ Луков, В. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2012. 528 с. С. 468.

² Ковалева, А. И., Гневашева, В. А., Селиверстова, Н. А. Тезаурусная концепция молодежи Вал. А. Лукова [Электронный ресурс] // Социология молодежи. Электронная энциклопедия. URL: <http://www.soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/173-tezaurusnaya-koncepciya.html> (дата обращения: 29.07.2016).

ствие вне «своего мира» в соответствии со своим символическим универсумом). Эти позиции реализуются как фактический итог жизнедеятельности и как результат осуществления проекта.

Конструирование реальности хорошо видно в действиях различных молодежных групп. Задача состоит в том, чтобы не остановиться на этих хорошо различимых поведенческих, символических и вещных комплексах, нередко выделяемых сторонним наблюдателем с негативной оценочной позиции. Активность молодежи в социальном конструировании реальности составляет важнейшее условие ее социализации и в этом плане относится не к отдельным, а ко всем молодежным сообществам.

Таковы основные положения тезаурусной концепции молодежи¹.

Сопоставляя эту концепцию с другими теоретическими концепциями молодежи, отметим, что для довольно большого числа научных школ и направлений в исследованиях молодежи, прежде всего социологических, характерны парадигмальные положения, которые могут быть представлены следующим образом:

- выделение в потоке жизни молодых людей общих жизненных ситуаций, особенностей поведения и сознания, связанных с влиянием общества (социализацией);
- трактовка молодежи как социальной группы и специфической культурной подсистемы (молодежная субкультура и т. д.);
- признание социальной, культурной и другой дифференциации в молодежной среде.

За объективацией характерных черт молодежи тем не менее проглядывает и нечто такое, что можно назвать, пользуясь известным выражением М. Вебера, «интересом эпохи». Идеальный тип молодежи в этом смысле окажется многовариантным, поскольку «интерес эпохи», а иначе говоря — ценностное отношение к молодежи, поступающее как импульс общества к исследователю, также многовариантно и располагается между двумя полюсами. На одном полюсе доминирует убеждение, что молодежь представляет собой (в конечном счете) общественную опасность, выступает источником социального регресса, разрушителем культуры. Отсюда делается вывод о необходимости *общественного контроля* над ее *изначально безответственным* поведением. На другом полюсе доминирует стремление видеть в молодежи (прежде всего) *человеческий потенциал общественного развития*, источник общественно полезных инноваций.

¹ Луков, В. А., Луков, Вал. А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Издательство Национального института бизнеса, 2013. 640 с. С. 532–533; Луков, В. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2012. 528 с.

Принципиальным представляется *признание социальной ценности молодости и форм ее социокультурного бытования*. Молодежь в таком ракурсе предстает как социокультурное явление, суть которого состоит в стремительном и многоаспектном наращивании присваиваемой его (явления) носителем определенной доли социальной субъектности, принадлежащей обществу как целому. Установление социально-субъектных характеристик молодежи предполагает исследование ее социальной идентичности, а также способов и результатов социального конструирования реальности. Это и есть важнейшие направления исследований молодежи в рамках тезаурусного подхода.

Трансгуманизм как «молодежная теория» конструирования человека

Из наиболее известных своим обобщающим началом концепция конструирования человека особый интерес представляет трансгуманизм, который мы обозначили как «молодежную теорию», взяв эту характеристику в кавычки. В действительности основные авторы теории вовсе не относятся к числу людей, молодых по возрасту.

Трансгуманизм (постгуманизм, ньюгуманизм) его сторонниками рассматривается как новый этап в развитии гуманизма, научно ориентированное мировоззрение, согласно которому современный человек не является вершиной эволюции, но, скорее — началом эволюции вида *Homo Sapiens*. «Трансгуманизм — это рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека»¹.

Дискуссия о трансгуманизме приобрела всемирный характер. На одном фланге в дискуссии стоят ярые сторонники этой доктрины, видящие в ней новое мировоззрение, направленное в будущее. На другой — непримиримые критики, характеризующие трансгуманизм как «наиболее опасную в современном мире идею»². Сторонники трансгуманизма подчеркивают связь этой концепции с философской традицией (Ф. Ницше и др.), с одной стороны, и академической наукой (Дж. Хаксли

¹ Введение в трансгуманизм [Электронный ресурс] // Российское трансгуманистическое движение. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/70/94> (дата обращения: 29.07.2016).

² Fukuyama, F. The world's most dangerous ideas: transhumanism // Foreign Policy. September/October. 2004. No. 144. P. 42–43.

и др.), с другой. Здесь, как видим, еще ничто не говорит о трансгуманизме как «молодежной теории». Но уже утверждения трансгуманистов, что впереди человечество ждет время, когда возраст не будет иметь значения и наступит «вечная молодость», выявляют этот «молодежный» аспект. Можно критически относиться к таким положениям, но следует учесть ряд обстоятельств.

Первое — старение встречает эффективное противодействие в биомедицинских практиках уже сейчас, трансгуманизм обобщает эти реальности, а не опирается лишь на художественные образы конструирования вечного человека («Средство Макропулоса» и т. п.).

Второе — новые обстоятельства конструктивного воздействия человека на свою природу не может не затронуть перспектив молодежи как социальной группы. В обозримой перспективе современные возрастные границы будут поколеблены и даже существенно изменены, а следом за этим изменятся и социальные характеристики молодежи. Тезаурусная триада «свое-чужое-чуждое» в этом процессе будет менять свое наполнение прежде всего в той зоне человеческой жизнедеятельности, где молодой человек имеет *определенную автономию в рамках социализационного процесса*.

Третье — история молодежных движений, особенно «нового левого» движения и студенческих бунтов 1960-х годов, убедительно подтвердила, что ищущая философских основ своего мировоззрения молодежь принимает ту или иную идею, концепцию, призыв, проявляя полную неразборчивость в возрасте их авторов или времени выдвижения этих идей, концепций, призывов. Символический круг идеологов «нового левого» движения, обозначенный «МММ» (Маркс, Мао, Маркузе), более чем показателен в этом отношении.

В свете этого вполне можно считать трансгуманизм «молодежной теорией», учитывая, что в молодежной среде его положения воспринимаются как вполне приемлемые, желаемые, осуществимые. Распространенные среди молодежи тезаурусы (разумеется не все) восприимчивы к базовым утверждениям трансгуманизма, и именно это важно учитывать, когда обсуждаются философские концепции перспектив человека.

«Дикость» и «инновационность» молодежи

Однако остается вопрос: из такой предрасположенности у значительной части молодежи к трансгуманистическому пониманию будущего человека и человечества следуют ли какие-либо практические выводы?

В ситуации патриархального общества — вряд ли. Да и само вхождение соответствующих теоретических построений в тезаурусы молодежи маловероятно в широком масштабе.

Иная ситуация складывается в обществе, которое принято обозначать как «информационное». В этом случае важно учитывать, что в такой социальной группе, как молодежь (на индивидуальном уровне это соответствует периоду молодости), еще может быть обнаружена та сторона человеческой природы, которая не подверглась обработке культурой. Дети в этом отношении не составляют такую группу, поскольку выступают преимущественно как объект социализации, не обладают свободой выбора в достаточной мере (иными словами, их социальная субъектность еще слишком слабо выражена и ограничена небольшим диапазоном социальных практик). Молодежь уже подверглась многоаспектному социализационному воздействию, социализационные коды первого уровня усвоены, но они еще — не броня от внешних влияний, еще не зацементировались в тезаурусах как ориентационных знаниевых системах¹, они подвижны, вариативны. В то же время молодежь уже вырвалась из-под жесткого контроля старших (как значимых других).

Информационное общество, каковым оно сегодня видится по уже обозначившимся своим чертам, значительно меньше подвержено традиционным культурным кодам, чем предшествующее ему индустриальное общество. В данном случае мы имеем в виду прежде всего то, что культурные коды индустриального общества основываются на социальной иерархии.

Общество сплочено и защищено иерархией, его институты построены по иерархическому принципу. На этом принципе построена вся система социализации личности, даже если провозглашается приоритетной идея свободы личности. Для гражданского общества в такой системе общественных отношений место, разумеется, находится, но оно по своей сути — дополнительное, своего рода контрфорс к бастиону государственности. Собственно, гражданское общество в такой системе допускается в той мере, в какой не подвергает отрицанию основы власти и, соответственно, государства как системы, обеспечивающей осуществление этой власти и ее безопасность. Вертикаль власти здесь — краеугольный камень.

В условиях становления информационного общества, когда интеллектуальная деятельность занимает все более значительную часть времени в жизни человека, он все больше перестает реагировать на налич-

¹ Луков, В. А., Луков, Вал. А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М.: Издательство Национального института бизнеса, 2013. 640 с.

ную ситуацию сформированным навыком. В условиях, когда все более значимым становится сетевой строй социальных взаимодействий, характерный для информационного общества, поведение человека все более отрывается от традиций и зависит от текущей ситуации. И если рассматривать традицию как каменную границу, воздвигнутую прошлым вокруг настоящего, то чтобы проникнуть в будущее, человек должен перешагнуть ее.

Информационное общество, конечно, сохраняет и властную вертикаль, иерархию. Как и в другие переходные периоды, в период становления такого общества без большого труда архаические формы могут временно не только выходить на поверхность, но и брать верх. Таким образом, переход к информационному обществу невозможен без развития институтов гражданского общества с его децентрализацией и силой общественных движений. Вот почему в определенном аспекте есть основание ставить знак тождества между информационным обществом и гражданским обществом в его современном выражении. Информационное общество, конечно, не означает утраты института государства, но этот институт (как и институт права) существенно изменится под влиянием того, что существенным свойством информационного общества становится новая роль сетевых отношений. Иерархия — не главный тип социальной организации в этом случае, ее приоритет подрывают социальные сети.

Сети — старая форма социальной организации, но теперь они усилены информационными технологиями и существенно изменились: они стали информационными сетями. В отличие от иерархических структур, сети подвижны, они легко адаптируются к внешней среде, способны развиваться вместе со своим окружением и эволюцией узлов, которые составляют сети. Но поскольку они не координируются из единого центра, им труднее сосредоточивать ресурсы на определенной цели. Недостаток координации компенсируется интерактивностью и поддержанием образцов внутри сети¹. По Кастельсу, принадлежность или отсутствие принадлежности к сети, конкуренция сетей становятся источниками власти и перемен в обществе. Социальная морфология (иными словами, структурная сторона общества) при сетевой организации доминирует над социальным действием.

Сетевое построение социальных связей одновременно означает, что иерархия, какую олицетворяет государственная власть, занимает в обществе не так уж много места, горизонтальные связи людей в се-

¹ Castells, M. Materials for an exploratory theory of network society // Brit. J. of Soc. 2000. No. 51. P. 5–24.

тях, к которым они принадлежат, оказываются гораздо более продуктивными и интенсивными. Это несколько иной взгляд на сеть, нежели у Кастельса, который подчеркивает жесткость сетей, их нацеленность на обеспечение «власти структуры». Такое свойство у сетей, конечно, есть, и оно хорошо видно в «командах», ведущих к успехам организации в условиях усиливающейся конкуренции в различных областях жизнедеятельности. Продуктивность сетей перенимает, в частности, бизнес, создавая в крупных компаниях возможность для инновационного прорыва. Например, вместо жестких иерархических структур все больше создается рабочих групп из сотрудников различных отделов без назначения формального руководителя. Но для нас важнее сейчас такие свойства сетей, как их относительная автономность, интерактивность, неформальность, децентрализованность.

Можно предположить, что среда, в которой специфические черты сетевого общества как преимущественной модели общества в относительно близкой перспективе найдут естественное принятие, будут освоены без драматизма, который составляет фон любой (в конечном счете) инновации, — эта среда будет не чем иным, как *молодежью*. В молодежной среде есть смысл искать становящиеся черты информационного общества. Нельзя не учитывать, что в электронных сетевых сообществах живут преимущественно молодые люди, хотя участниками компьютерных сетей уже стали президенты стран и видные политики, академики и звезды шоу-бизнеса.

В соответствии с логикой развития информационного общества как преимущественно сетевого можно предположить, что в молодежной среде будут нарастать тенденции к ослаблению Я, его виртуализации (утере непосредственной связи со многими сторонами реальной жизни), усилению инфантилизма и нарциссизма. На этом фоне развитие получают естественные свойства молодежи, которые мы обозначаем как «дикость» и «инновационность»¹.

«Дикость» можно трактовать как естественное воспроизводство природных свойств человека, не подвергшихся обработке культурой. В молодежной среде «дикость» реализуется в социальных практиках, связанных с культом тела и экспериментированием с телом; образованием банд как форм «коллективного прорыва»; иерархией по схеме вождизма: действием символической власти/подчинения; агрессивностью как способом энергетической компенсации недостающих для взаимодействия ресурсов.

¹ Луков, В. А. Будущее молодежи в обществе будущего // Человек. 2012. № 4. С. 38–48.

«Инновационность» как способность создавать новое (в широком смысле слова, включая и новую картину мира) вытекает из естественного положения молодежи в окружающем ее мире, а именно из того, что для нее нет возможности опереться на собственный жизненный опыт, которого еще недостаточно, и на коллективный опыт народа (культуру), который еще не освоен. Для молодежи в известном смысле все ново, все мотивирует к инновации. «Инновационность» в молодежной среде соотносится с такими свойствами, как ум, свобода от условностей, креативность как жажда сильных ощущений и интерес к приключениям (экстриму), приоритет сетевых отношений над иерархическими. Эти свойства приобретают знаковый характер, и можно сказать, что «инновационность» становится символическим капиталом молодежи.

Обращаясь к изучению разнообразных социальных практик, освоенных молодежью, мы можем заметить, как они начинают проникать в институционализированное общество в более «цивилизованных» формах, когда черты «дикости» закамouflированы.

Энергия молодости в обществе, где ослаблена социальная иерархия, может перетечь в сети, где существенны свои иерархии, закрепляющие авторитет неформальных лидеров, опирающихся, среди прочего, на анонимность в информационных сетях, усиливающую безответственность лидеров в принятии тех или иных решений, высказывании оценочных суждений, а в конечном счете — навязывании определенных ценностных ориентаций и поддержании готовности к действиям.

Заключение

В настоящей статье мы обратились к такому аспекту осмысления и критического анализа теорий конструирования человека, которые связываются с распространением теоретических постулатов в среде тех, кто эти концепции разделяет. Мы обозначили, в частности, то, что к определенным теориям (трансгуманизм, постгуманизм) могут быть особенно предрасположены лица молодого возраста.

При нынешних возможностях глобальных коммуникаций возрастает разрыв между тем, информация о каких мировых достижениях доступна для молодежи и производит на нее впечатление прорыва в будущее, и тем, что ее окружает в повседневной жизни. Многое, что воспринимается как фантастика, доступно для нынешнего человека в той или иной части света. Все более доступны и те изменения в самом человеке, которые обозначают путь к новому состоянию общества в ближайшие десятилетия.

Индивидуальные эксперименты, затрагивающие природу человека как биосоциального существа, открывают дорогу к изменениям человеческих общностей и новым направлениям социального конструирования реальности, включающего ментальную деятельность и социокультурное проектирование (своего рода опредмеченную мысль), особенно тесно связанные с инновационным потенциалом молодежи.

Не менее значимы в социальном плане становящиеся фрагменты информационного общества, в которых молодежь активно трансформирует коммуникативные практики, получая автономию в социальных сетях и известную свободу от традиционных форм социального контроля. Но неизбежными становятся риски: открывая широкую дорогу «дикости» и «инновационности» молодежи, черпая из этих свойств молодых поколений ресурс своего развития, информационное общество оказывается незащищенным от новых болезней, которые по части есть модификация болезней старых, не раз приводивших процветающие цивилизации к упадку и полному исчезновению. Из этого следует, в частности, то, что биосоциологический взгляд на новые ресурсы развития молодежи не может не соединяться с биоэтическим пониманием границ вмешательства человека в свою природу и природу общества.

Новые напряжения, вытекающие из ожидаемого изменения статуса-роли молодежи в обществе, необходимо осмыслить, а также спрогнозировать с применением гуманитарной экспертизы. Этот подход уже намечен в литературе¹. Однако ситуация меняется стремительно, и конкретизация задач гуманитарной экспертизы, а также понимание того, что в ней заметную роль должна играть и молодежь, неизбежны.

Библиографический список

Введение в трансгуманизм (Электронный ресурс) // Российское трансгуманистическое движение. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/70/94/> (дата обращения: 29.07.2016).

Ковалева, А. И., Гневашева, В. А., Селиверстова, Н. А. Тезаурусная концепция молодежи Вал. А. Лукова [Электронный ресурс] // Социология молодежи. Электронная энциклопедия. URL: <http://www.soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/173-tezaurusnaya-konceptsiya.html> (дата обращения: 29.07.2016).

Луков, В. А. Молодежная политика и возможности ее гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 155–157.

¹ Юдин, Б. Г. Необходимость и возможности гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 187–194; Юдин, Б. Г., Луков, В. А. Гуманитарная экспертиза: К обоснованию исследовательского проекта. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2006. 38 с.; Луков, В. А. Молодежная политика и возможности ее гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 155–157; Луков, В. А. Проект «конструирования человека» и молодежная политика: границы допустимого сближения // Вестник Международной академии наук. Русская секция. 2015. № 1. С. 59–65.

Луков, В. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2012. 528 с.

Луков, В. А. Будущее молодежи в обществе будущего // Человек. 2012. № 4. С. 38–48.

Луков, В. А. Проект «конструирования человека» и молодежная политика: границы допустимого сближения // Вестник Международной академии наук. Русская секция. 2015. № 1. С. 59–65.

Луков, В. А., Луков, Вал. А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Издательство Нац. института бизнеса, 2013. 640 с.

Юдин, Б. Г. Необходимость и возможности гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 187–194.

Юдин, Б. Г., Луков, В. А. Гуманитарная экспертиза: К обоснованию исследовательского проекта. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2006. 38 с.

Castells, M. Materials for an exploratory theory of network society // Brit. J. of Soc. 2000. No. 51. P. 5–24.

Fukuyama, F. The world's most dangerous ideas: transhumanism // Foreign Policy. September/October. 2004. No. 144. P. 42–43.

**Восстановление сознания
после тяжелой черепно-мозговой травмы:
смысл и практика командной работы**

О. А. Максакова

**Consciousness restoration after severe brain injury:
the meaning and the practice of teamwork**

O. A. Maksakova

Аннотация. В последние годы в медицине меняется представление о сознании пациентов, перенесших тяжелую черепно-мозговую травму и другие катастрофические поражения головного мозга. Нейровизуализация позволяет некоторым больным, состояние которых ранее оценивалось как вегетативное, доказать свое право на обладание не только бодрствованием, но и сознанием. Комбинация физиологических и нейрофизиологических сигналов также дает количественные оценки, уточняющие клиническое состояние. Эти подходы «от Третьего лица» используют детерминированные парадигмы стимуляции пациента, оставляя открытым вопрос о содержании внутреннего опыта пациентов. Ответ пациента определяется не только его функциональным дефицитом, но и вопросами-стимулами, контекстом, личностью вопрошающего. Командная работа с пациентом дает иное знание о пациенте благодаря взгляду «от Первого и Второго лица». Восстановление сознания осуществляется через построение контактов пациента с собственным телом и окружающим миром. Основным принципом является обратная связь в ответ на минимальные сигналы пациента. Сеть обратных связей с пациентом и между специалистами создает команду как нелинейную сложную систему. Повышение сложности системы повышает шанс восстановления. Самоорганизация системы представляет собой ключевой процесс возвращения сознания. Анализ сложного коммуникативного процесса в системе «пациент-команда» может быть полезным для создания общей теории сознания.

Ключевые слова: проблема «сознание-тело», тяжелое поражение мозга, нарушение сознания, реабилитационная команда

Abstract. Conception of unconsciousness after brain injury has been changed considerably due to high technology. Nowadays some patients considered with clinical scales as unconscious are admitted to awareness with neurovisual techniques. Physiologic and neurophysiologic sig-

nals' combining brings forward robust quantification of patients' clinical state too. These useful Third Person approaches leave the question of patient's experience content open because of determined stimuli paradigms. Yet it's quite clear patient's response pattern becomes formed not only with brain deficits but questions-stimuli, context, inquiring person. Team work is sourcing of phenomenology knowledge of patient's processes due to "First-Second" approach and chance to real-time change. Restoration of consciousness is realized by means of build-up of patient's contacts with his own body and outward things. Basic working principle is feedback to any minimal movement or vegetative signal of the patient. The net of feedbacks with the patient and inter-professional ones builds up the team as Non-linear Complex System. Complexity rise is a powerful tool for recovering. System self-organization is a key process for awareness formation. Analysis of complex communication process in patient-team system may be useful for creation of the general theory of consciousness.

Key words: mind-body problem, severe brain damage, consciousness disorder, rehabilitation team

Природа и цивилизация ежесекундно создают, а медицина поддерживает драматическую и многообещающую модель для науки о сознании. Благодаря успехам нейрохирургии и реаниматологии люди стали выживать после тяжелейших поражений мозга (в результате травмы, инсульта или опухолей). Однако высокие диагностические технологии, достижения фармакологии, щадящие нейрохирургические техники не могут обеспечить структурно-функциональное восстановление поврежденной ткани головного мозга: длительное время, а иногда и пожизненно часть пациентов остаются в измененном состоянии сознания. Не следует особенно уповать на маячащие в недалеком будущем технологии местной репарации ткани мозга (стволовые клетки, генная инженерия и др.). Мозг функционирует целостными нейронными сетями, а не локальными констелляциями нейронов.

В некоторых случаях, когда «уровень сознания» пациента постепенно повышается, внимание медицины и социальных служб фокусируется на двигательном, когнитивном, поведенческом дефицитах. Между тем, понятие «сознание» скрывается за дескрипторами «ориентированность в месте и времени», «осознание ситуации», «критика к собственному состоянию», «внимание», различные аспекты памяти. Пациенты могут надолго застревать на ступенях условной лестницы восстановления ментальных способностей, но предполагается, что сознание к ним

вернулось. Однако в значительной части случаев пациенты, пережившие церебральную катастрофу, навсегда или на обозримый период времени остаются в бессознательном состоянии. В отличие от вторичных поражений мозговой ткани восстановление сознания в результате травмы никогда не бывает внезапным и полным: как правило, это длительный процесс с неясным исходом. Становление сознания от полного отсутствия его признаков всегда уникален: паттерн локальных поражений и нарушения нейронных связей, генетический контекст, личностная история, внутрисемейные взаимодействия, лекарственные и другие интервенции, отношение медицинского персонала, социальное окружение на разных этапах лечения формируют особый путь.

Медицинская наука проявляет все больший интерес к теме нарушенного и появляющегося сознания. Однако в заголовках и ключевых словах публикаций, посвященных этой тематике, фигурируют стадии, методы исследования, факты и обстоятельства, сопутствующие измененному (с точки зрения наблюдателя) сознанию, то есть, разноязычное описание феномена, априори полагаемого однородным. Как правило, междисциплинарный анализ представляет собой определение прогностических критериев, т. е. вероятность определенного исхода посттравматического нарушения сознания в условно однородных группах, различающихся по нескольким признакам (возраст, зона преимущественного поражения, генетический фактор и т. д.). С развитием технологий языки описания обогащаются: помимо неврологического статуса пациента в коме используются нейрофизиологические, нейровизуальные, нейромедиаторные и другие дескрипторы, включающие, в том числе, реакции мозга на определенные стимулы. Возрастание числа признаков приводит к необходимости значительного увеличения выборки, тем самым усиливая редукцию, уводя от индивидуального прогнозирования и выхолащивая смысл понятия «сознание».

Мое видение феномена сознания сложилось в результате десятилетней работы с пациентами нейрохирургической клиники. Этот взгляд на пациента и спектр его состояний менялся в контексте частной профессиональной истории: я начинала с традиционного клинического и патофизиологического исследования, участвовала в создании одной из многочисленных шкал нарушенного сознания, работала в качестве психотерапевта с пациентами, выходящими из комы, создавала реабилитационные команды и пыталась понять, почему они действенны.

Нынешняя моя позиция имеет несколько источников:

- общепринятая клиничко-неврологическая трактовка последствий деструктивного заболевания головного мозга;

- представления о временном сознании, связывающие феноменологию и нейронауку;
- осмысление роли реабилитационной команды в «восстановлении» сознания.

Клиническая медицина выстраивает иерархию нарушений сознания, используя классификационный подход, находящийся в определенном соответствии со структурно-функциональной картой поражения головного мозга. В этой интерпретации декларируемая цель исследования — *механизмы* сознания — замещается экстраполяцией тяжести травмы на ее исход. Последний принято представлять синдромологически, то есть, перечислением и степенью выраженности функциональных дефицитов с указанием пострадавшей зоны головного мозга, или социологически (социальные ограничения, возникшие у человека в результате травмы).

Неврологическая парадигма располагает уровень сознания, когнитивные и эмоционально-личностные нарушения на одной шкале, что подразумевает линейность восстановления психической деятельности. Индивидуальный прогноз определяется на основании сходства с типичными последствиями повреждения мозга аналогичной тяжести и локализации.

В современных клинических исследованиях все чаще главенствующую роль играет инструментальная оценка активности головного мозга и ее ответ на стандартные стимулы (электроэнцефалография, позитронно-эмиссионная томография, функциональная магниторезонансная томография). Иногда эти данные сопоставляются с поведенческими паттернами, которые соответствуют времени после травмы, прогноз выглядит более убедительным, подтвержденным высоко технологичными методами. Благодаря статистическим выкладкам определяется «объективное» будущее пациента.

С позиций клинициста, сторонника и проводника нейронауки, кома (нарушение осознания и разбудимости) — это результат деструкции нейронных сетей, *являющихся основой существования сознания*. Выход из комы при тяжелом структурном поражении мозга может происходить бесконечно медленно.

Общепринято, что стабилизация жизненно важных функций и спонтанное открывание глаз свидетельствует о переходе из комы в *вегетативное состояние* (ВС). Если улучшения нет в течение 6–12 месяцев, уровень сознания квалифицируется как персистентное (стойкое) вегетативное состояние (ПВС). Эта терминология была предложена нейро-

хирургом Дженнетом и неврологом Пламом в 1972 г.¹ и рекомендована к использованию международным медицинским сообществом в середине 90-х гг. прошлого века². В мировой медицине известно не более 10 случаев, когда уровень сознания повысился после одного — двух лет пребывания в ПВС.³

Квалификацию длительных нарушений сознания согласно международному протоколу должен проводить опытный невролог по результатам полного неврологического обследования с учетом нейрорентгенологических и нейрофизиологических данных.

Итак, бессознательный пациент спонтанно открывает глаза, не коммуницирует, может специфически гримасничать (оральный автоматизм), мычать (если нет трахеостомы, исключающей подобные звуки), он отвечает на болевые стимулы только вегетативными симптомами (изменения пульса, частоты дыхания, артериального давления).

Принятые критерии ВС определяются как *отсутствие доказательств*: осознания себя или своего окружения; устойчивого, воспроизводимого, целенаправленного или произвольного поведенческого ответа на зрительные, слуховые, тактильные или болевые стимулы; понимания и выражения речи. То есть сознание для клинициста — это способность пациента наладить контакт с окружающими, отвечать понятным наблюдателю и похожим двигательным поведением на стереотипные внешние стимулы, пользоваться речью.

Несмотря на некоторую несообразность критериев, медицинский мир принял это понятие, что упорядочило лечебные и социальные мероприятия по отношению к данной категории больных. Договоренность относительно термина ВС привела к пониманию менее тяжелых, более разнообразных и чаще встречающихся форм нарушения сознания. Многие пациенты выходят из комы в *состояние минимального сознания* (СМС) или достигают его через 2–3 месяца пребывания в ВС⁴. Несмотря на трудности диагностики, отсутствие точных данных о частоте встречаемости, разнообразие локализации поражений мозга, скудость данных о восстановлении и прогнозе, термин СМС и его критерии были

¹ Jennett, B., Plum, F. Persistent vegetative state after brain damage: a syndrome in search of a name // Lancet. 1972. 1. P. 734–737

² The Multi-Society Task Force on PVS. Medical aspects of the persistent vegetative state. (2th of two parts) // New Engl J Med. 1994. 330. P. 1572–1579.

³ Wijdicks, E. F. M., Cranford, R. E. Clinical diagnosis of prolonged states of impaired consciousness in adults // Mayo Clin Proc. 2005. 80 (8). P. 1037–1046

⁴ Giacino, J. T., Ashwal, S., Childs, N., Cranford, R., Jennett, B., Katz, D. I., Kelly, J. P., Rosenberg, J. H., Whyte, J., Zafonte, R. D., Zasler, N. D. The minimally conscious state: definition and diagnostic criteria // Neurology. 2002. 58,3. P. 349–353.

приняты неврологическим сообществом благодаря общей уверенности в существовании подобных состояний. Критерии СМС [2] формулируются как ограниченное, но ясно различимое доказательство самосознания (self-awareness) или осознания окружающего в виде выполнения простых инструкций, жестовых или вербальных ответов да\нет, внятной вербализации или целенаправленного поведения пропорционального релевантным внешним стимулам.

Отметим иррациональное, но весьма распространенное в медицинском сообществе представление о необходимости «стимулирующей терапии» при ВС и СМС. Процедуры, включающие демонстрацию реальных и графических объектов, вербальную нагрузку, музыку и т. п. рекомендуются родственникам и медперсоналу в качестве постоянного фактора существования пациента во время его бодрствования и зачастую во время сна¹.

Чем выше «уровень контакта» пациента с нарушенным сознанием (разнообразнее формы взаимодействия с миром), тем менее структурированным оказывается определение состояния. *Акинетический мутизм* (АМ), впервые описанный еще в 40-е годы прошлого столетия [6], встречается в нашей практике достаточно часто вопреки мнению западных коллег о его меньшей представленности, чем СМС². АМ достаточно хорошо распознаваем, хотя также представляет собой континуум, частично перекрывающийся с СМС. Пациент легко разбудим, обычно полностью неподвижен, не издает звуков, но следит за всеми перемещениями людей вокруг. С ним возможен контакт глазами, окружающим, особенно родственникам, кажется, что он понимает обращенную речь, и вот-вот заговорит. Иногда он выполняет простые двигательные инструкции, но делает это крайне медленно. В отличие от СМС, пациент в АМ не фиксируется на предметах, он обычно переводит взгляд с наблюдателя, пытающегося удерживать с ним контакт, на других персонажей, возникающих в пределах видимости.

Чем выше пациент продвигается по шкале сознания, тем меньше согласия отмечается между неврологами в смысле названия синдрома. Шкала выхода из комы, предложенная отечественными авторами³, увеличивает число ступеней за счет включения поведенческой феномено-

¹ Davis, A. E., Gimenez, A. Cognitive-behavioral recovery in comatose patients following auditory sensory stimulation // J. Neurosci. Nurs. 2003. 35. P. 202–209, 214.

² The Multi-Society Task Force on PVS. Medical aspects of the persistent vegetative state. (2th of two parts) // New Engl J Med. 1994. 330. P. 1572–1579.

³ Доброхотова, Т. А., Потанов, А. А., Зайцев, О. С., Лихтерман, Л. Б. Обратимые посткоматозные бессознательные состояния // Социальная и клиническая психиатрия. 1996, № 2. С. 26–36.

логии. Сам процесс классифицирования меняет форму, он приближается к увлекательному рассказу о своеобразных отношениях пациента с окружающим миром. Особенно примечателен в этом смысле *посттравматический корсаковский синдром (ПКС)*, подробно описанный отечественными авторами¹. Несмотря на стремление российских исследователей соответствовать западным образцам, термин ПКС не без основания удерживается в отечественном лексиконе. По некоторым параметрам синдром близок *посттравматической амнезии (ПА)*, которая популярна в западной литературе, но понятийно сводит особое состояние сознания травматического пациента к когнитивному дефициту.

Редукция феномена измененного сознания к мнестическому расстройству не только нивелирует другие когнитивные нарушения, но и закрывает путь к построению картины мира, в котором существует человек, перенесший тяжелую травму мозга. В континууме состояний сознания произвольно проводится демаркационная линия, до которой сознание нарушено, а по другую сторону нарушены только когнитивные процессы. Равно с позиций исследователя и реабилитолога это разделение представляется системной ошибкой.

Особенности персонального поведения пациента на более высокой стадии восстановления иногда дают ключ к пониманию тяжелых нарушений сознания.

Особый интерес представляют спонтанные конфабуляции, возникающие при постепенном разрешении ПКС и отсутствующие при ПА. Конфабулирующие пациенты не соотносят свое поведение с текущей реальностью, действуют вопреки реальной ситуации, игнорируя дефициты функций. Находясь в клинике, они игнорируют окружение, определенно, но неверно отвечая на вопрос о собственном местонахождении — «в школе», «на работе», и т. п. Пациент с конфабуляциями пытается уйти из больницы и объясняет, что оказался в этом месте случайно, а сейчас обязательно должен вернуться в... на самом деле, в ту реальность, которая прекратилась в момент травмы. Он не способен извлекать из памяти информацию, которая относится к «сейчас». Феномен конфабуляций объясняют временной контекстной спутанностью, неспособностью мозга подавлять вторжение нерелевантных следов памяти в текущее мышление². Конфабуляции представляют собой вербальную манифестацию этого дефицита.

¹ Максаков, В. Ю., Ураков, С. В. Психолог в нейрохирургической клинике: работа с корсаковским синдромом // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2. С. 106–113.

² Schnider, A., Ptak, R., von Daniken, C., Remonda, L. Recovery from spontaneous confabulations parallels recovery of temporal confusion in memory // Neurology. 2000. 55. P. 74–83.

Когнитивизация сознания, попытка рассматривать этот феномен в ряду других высших психических функций, которая отчетливо присутствует в клинко-инструментальных работах по ПА, конфабуляциям, *психо-эмоциональным последствиям* травмы мозга, приводит к исчезновению из поля зрения специалистов очевидного нарушения «временного» сознания. Иногда высказывания пациентов прямо указывают на временные проблемы их сознания: «Я испытываю странное чувство переключения между двумя реальностями»; «Обычно все вокруг происходит как будто за занавесом, отдельно от меня, очень редко что-то включается, — и я полностью ощущаю себя здесь».

Эти редкие свидетельства «от первого лица» убедительны, но оставляют недоступной нижнюю часть айсберга, глубокие нарушения сознания.

Редуцированное клиническое представление о сознании снижает возможность помощи в его возвращении, которая, в крайнем выражении сводится к уходу за «бездушным», но часто испытывающим боль телом, а также изошренными схемами лекарственных препаратов, основанными на все более точном моделировании нейромедиаторных процессов¹. Однако вспомним, что любая модель такого рода создается с помощью редукции, т.е., исключает индивидуальные особенности пациента, не вошедшие в избранный список дескрипторов.

Отсутствие или ограниченность «контакта» с пациентом, являющаяся основным признаком сознания в медицинской модели, преодолевается только за счет включения его в диалог, путь к которому лежит через командную парадигму². Направленное восстановление сознания осуществляется через установление контакта пациента с собственным телом и окружающим миром. Основной способ работы реабилитационной команды — предоставление пациенту обратной связи в ответ на минимальные двигательные и вегетативные его проявления, вне зависимости от конкретных профессиональных задач (перевод на самостоятельное дыхание, профилактика контрактур, восстановление глотания и многое другое). Сеть обратных связей с пациентом строится, в первую очередь, через его тело: последовательность прикосновений, пассивных движений, сопротивлений, воспроизведение звуков пациента и усиление минимальных спонтанных знаков проводится одновременно или последовательно несколькими реабилитологами. Разделение, передача,

¹ Александрова, Е. В., Тенедиева, В. Д., Потапов, А. А. Посттравматические бессознательные состояния (фундаментальные и клинические аспекты). М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. 400 с.

² Максакова, О. А. Командная работа как путь к возвращению сознания // Вопр. нейрохирургии. 2014. № 1. С. 57–68.

обсуждение этой информации, микро- и макро- событий в жизни пациента, возникающих непосредственно во время работы и за ее пределами формирует команду как сложную нелинейную систему.

Анализ происходящих изменений с этой точки зрения, в отличие от традиционного клинического выделения пациента-объекта позволяет рассматривать более общие характеристики динамики реабилитационного процесса, гипотезы, возникающие по мере активного наблюдения и выделения феноменов, можно проверить в режиме непосредственного общения с пациентом. Состояние системы «пациент-команда» определяется через ее базовые свойства: энергию, энтропию, сложность. Нарушению сознания в виде отсутствия линейного контакта может сопутствовать нарушение витальных функций (минимальная интенсивность сигналов пациента — низкая энергетика), вегето-висцеральные пароксизмы (избыток энергии и дезорганизация), моторное возбуждение (избыток энергии, упорядоченность) и т. д. Приемы работы команды в этих случаях разнятся и направлены на оптимизацию системных параметров. Мощным средством продвижения процесса восстановления является усложнение системы, например, в виде одновременной работы нескольких участников команды. Даже на уровне концепции (технически вполне реализуемой), подобное осмысление собственных действий оказывает удивительное действие на креативность участников команды.

В последние годы неврологические представления о сознании (его отсутствии) существенно пошатнулись из-за фактов, полученных методом нейровизуализации (ФМРТ). Когда пациента в ПВС просили представить себе игру в теннис, у него наблюдалось повышение активности в тех же зонах мозга, что и у здоровых людей при выполнении аналогичной задачи¹. Этот факт, который выглядел вначале фантастичным для клиницистов, находит все новые подтверждения, создаются специальные наборы тестов (парадигмы) для ФМРТ-исследований пациентов в ВС, совершенствуются и дублируются формы регистрации.

В то же время наш более чем 15-летний опыт командной работы с т.н. бессознательными состояниями давно привел нас к выводу: контакт с пациентом часто определяется контекстом общения, расширение этого контакта зависит от того, насколько мы готовы задать правильный вопрос на языке, доступном пациенту, и услышать его ответ. «Дай мне знать, как ты к этому относишься», — этот подтекст должен звучать

¹ Owen, A. M., Coleman, M. R., Boly, M., Davis, M. H., Laureys, S., Pickard, J. D. Detecting Awareness in the Vegetative State // Science. 8 September 2006: V.313. no.5792. P. 1402.

во взаимодействии команды с пациентом. Техники телесно-ориентированной психотерапии, прежде всего в концепции биосинтеза и процессуально-ориентированного подхода¹, а также авторские методы командной работы² обнаруживают и усиливают доступные невербальные формы контакта, продвигая пациента по условной шкале сознания.

Анализ феноменов, открывающихся в процессе работы реабилитационной команды, позволил нам обратить внимание на проблемы, которые ставятся науками о сознании. Не отрицая важность изучения нейронных коррелятов сознания, мы полагаем, что этот путь закрепляет позицию картезианского дуализма, не принося существенной пользы восстановлению утраченного сознания. Для команды (так же как, впрочем, и для любого внимательного и мотивированного наблюдателя) признаком «сознательного» ответа является феномен «живого движения».

Менее грубые нарушения сознания заставляют пристальнее посмотреть на категорию времени. Нам близки феноменологические представления о неотъемлемости переживания времени в сознании. Наблюдая, как пациенты после длительного бессознательного состояния плутают во времени, можно представить, как сложно им различить Сейчас и Тогда, память и фантазию, объективное и имманентное время, дифференцировать разные уровни внутреннего сознания времени, представить будущее.

Традиционные клиничко-психологические исследования, использующие оценку способности пациента к воспроизведению тестовых физических длительностей, сводят восприятие времени к одной из психических функций мозга. Восстановительные мероприятия при нарушениях временного восприятия строятся на эксплуатации различных типов памяти и программирования, а также на использовании компенсирующих устройств.

Более продуктивным представляется подход, предложенный Vogley и Курке³. Исследуя восприятие времени при шизофрении, они увидели возможность конвергенции феноменологической и нейрокогнитивной парадигм. Обе точки зрения согласны с трехчастной природой времени, а также указывают на протяженность Настоящего: оно

¹ Минделл, А. Кома: Ключ к пробуждению. Внутренняя работа со сновидящим телом. М., АСТ. 2005. —290 с.

² Александрова, Е. В., Тенедиева, В. Д., Потапов, А. А. Посттравматические бессознательные состояния (фундаментальные и клинические аспекты). М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. 400 с.

³ Vogeley, R., Kipke, C. Disturbances of time consciousness from a phenomenological and neuroscientific perspective. Schizophrenia Bulletin. 2007. 33 (1). P. 157–165.

интегрирует различные когнитивные субкомпоненты и может быть представлено, как формально структурируемое «темпоральное поле»¹. Феноменологическое «сейчас» длится, оно не есть «положение» на оси времени, но «протяженное пространство»². В то же время известно, что определенный клеточный ансамбль выстраивается в течение некоторого промежутка времени, длительность которого может быть различна. Ссылаясь на эту гомологию, авторы выдвигают нейрокогнитивную гипотезу о нарушениях временного сознания. Согласно этой концепции шизофрения является фундаментальной дисфункцией основных темпоральных структур сознания (префронтальной коры) в смысле «структурного нарушения» в отличие от «неструктурных нарушений», присущих, например, неврозам.

Это направление исследований подчеркивает замкнутость временного сознания на себя, ограничивает временной опыт пространством черепной коробки. Однако модель временного сознания в чистом виде мало применима к задаче восстановления сознания.

Оценивая происходящее в реабилитационном процессе, мы склоняемся скорее к идее хронотопного сознания. Заимствованное у Эйнштейна понятие «хронотопа» впервые ввел в поле философской рефлексии А. А. Ухтомский в 20-х гг. прошлого столетия³. Полагая одной из черт сознания его направленность на поступки, он увидел момент общности цели в едином пространстве и времени. По Ухтомскому в хронотопе инвариантно «спаяны» пространство, время и человек, он представляет собой некий «интегральный» закон бытия.

Н. А. Бернштейн, один из великих ученых XX в., использовал и развил это понятие, создав концепцию живого движения⁴.

Наиболее существенным признаком, отличающим живое движение от механистического, является то, что оно есть не только и не столько перемещение тела в пространстве и времени, сколько овладение пространством и временем, т. е. обладает чертами активного хронотопа. В живом движении необходимо присутствует внутреннее, субъек-

¹ Гуссерль, Эд. Собр. соч. Т. I. Феноменология внутреннего сознания времени. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени. Дополнения и приложения к анализу сознания времени 1905–1910 гг. М., РИГ «ЛОГОС», 1994. 162 с. URL: <http://www.klex.ru/9qd> (дата обращения 21.09.2016)

² Varela, F. J. The specious present: a neurophenomenology of time consciousness // *Naturalizing Phenomenology. Issues in Contemporary Phenomenology and Cognitive Science*. Stanford, CA : Stanford University Press, 1999. P. 245–265.

³ Киященко, Л. П. Биологос: динамика хронотопа // *Философские науки*. 2009. № 1. С. 29–44.

⁴ Бернштейн, Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М. : Медицина, 1966. 349 с.

тивное пространство-время, которое является столь же реальным, как объективное. В понятии живого движения ясно видна неразрывность телесности и психики.

Работа команды как сложной системы позволяет уловить, усилить, опредметить те следы и проблески сознания пациента, которые гасятся слабостью экспрессивных средств. Низкая интенция исчезает, если не будет воплощена «живым движением», которое достигнет желаемой цели.

Реабилитационная команда втягивает пациента в хронотоп «здесь и сейчас», продлевая «сейчас» и насыщая пространство атрибутами «здесь», порождая живое движение пациента. Оно появляется в результате самоорганизации системы, создает новый хронотоп, наполненный новым смыслом, который удостоверяет команда.

Выводы:

1. Реинтеграция сознания возможна через формирование сложной системы «пациент — команда».

2. Анализ коммуникативного процесса в системе «пациент — команда» может быть полезным для создания общей теории сознания. Работа команды позволяет связать взгляд от первого лица с анализом от третьего лица.

3. Набор хронотопов, которые пациент ощущает как собственную реальность, можно рассматривать в качестве меры сознания. Длительность и размер хронотопа существенно зависит от способности команды ловить сигналы пациента и выстраивать обратную связь.

Библиографический список

Александрова, Е. В., Тенедиева, В. Д., Потапов, А. А. Посттравматические бессознательные состояния (фундаментальные и клинические аспекты). М. : ГЭОТАР-Медиа, 2015. 400 с.

Бернштейн, Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М. : Медицина, 1966. 349 с.

Гуссерль, Эд. Собр. соч. Т. I : Феноменология внутреннего сознания времени. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени. Дополнения и приложения к анализу сознания времени 1905–1910 годов. М. : РИГ «ЛОГОС», 1994. 162 с. URL: <http://www.klex.ru/9qd> (дата обращения 21.09.2016)

Доброхотова, Т. А., Потапов, А. А., Зайцев, О. С., Лихтерман, Л. Б. Обратимые посткоматозные бессознательные состояния // *Социальная и клиническая психиатрия*. 1996. №2. С. 26–36.

Киященко, Л. П. Биологос: динамика хронотопа // *Философские науки*. 2009. № 1. С. 29–44.

Максаков, В. Ю., Ураков, С. В. Психолог в нейрохирургической клинике: работа с корсаковским синдромом // *Московский психотерапевтический журнал*. 2003. №2. С.106–113.

Максакова, О. А. Командная работа как путь к возвращению сознания // Вопр. Нейрохирургии. 2014. № 1. С. 57–68.

Минделл, А. Кома: Ключ к пробуждению. Внутренняя работа со сновидящим телом. М. : АСТ, 2005. 290 с.

Cairns, H., Oldfield, R. C., Pennybacker, J. B., Whitteridge, D. Akinetic mutism with epidermoid cyst of the third ventricle (with a report on associated disturbance of brain potentials). *Brain*. 1941; 64: 273–290.

Davis, A. E., Gimenez, A. Cognitive-behavioral recovery in comatose patients following auditory sensory stimulation // *J. Neurosci. Nurs.* 2003. 35. P. 202–209, 214.

Giacino, J. T., Ashwal, S., Childs, N., Cranford, R., Jennett, B., Katz, D. I., Kelly, J.P., Rosenberg, J. H., Whyte, J., Zafonte, R. D., Zasler, N. D. The minimally conscious state: definition and diagnostic criteria // *Neurology*. 2002. 58,3. P. 349–353. doi: 10.1212/wnl.58.3.349

Jennett, B., Plum, F. Persistent vegetative state after brain damage: a syndrome in search of a name // *Lancet*. 1972. 1. P. 734–737

Owen, A. M., Coleman, M. R., Boly, M., Davis, M. H., Laureys, S., Pickard, J. D. Detecting Awareness in the Vegetative State // *Science*. 8 September 2006. V. 313. no. 5792. P.1402.

Schnider, A., Ptak, R., von Daniken, C., Remonda, L. Recovery from spontaneous confabulations parallels recovery of temporal confusion in memory // *Neurology*. 2000. 55. P. 74–83.

The Multi-Society Task Force on PVS. Medical aspects of the persistent vegetative state. (2th of two parts) // *New Engl J Med*. 1994. 330. P. 1572–1579. doi: 10.1056/nejm199406023302206

Varela, F. J. The specious present: a neurophenomenology of time consciousness // *Naturalizing Phenomenology. Issues in Contemporary Phenomenology and Cognitive Science*. Stanford, CA : Stanford University Press, 1999. P. 245–265.

Vokeley, R., Kupke, C. Disturbances of time consciousness from a phenomenological and neuroscientific perspective // *Schizophrenia Bulletin*. 2007. 33 (1). P.157–165.

Wijdicks, E. F. M., Cranford, R. E. Clinical diagnosis of prolonged states of impaired consciousness in adults // *Mayo Clin Proc*. 2005. 80 (8). P. 1037–1046.

«Конструирование человека»: круг проблем¹

И. В. Мелик-Гайказян

«Human engineering»: a range of issues

I. V. Melik-Gaykazyan

Аннотация. С позиций авторских концепций «семиотического аттрактора» и «семиотической диагностики» проведена оценка различных подходов к пониманию сути проблемы «конструирование человека», реализуемых в спектре гуманитарных, социальных и фундаментальных ее исследований.

Ключевые слова: «семиотический аттрактор», процедура семиотической диагностики, биоэтика

Abstract. Considering authors' concepts of the «semiotic attractor» and «semiotic diagnostics» the differences between the approaches of understanding the essence of the «human engineering» problem, which are implemented in the spectrum of its humanities, social and fundamental research, have been evaluated.

Keywords: «semiotic attractor», semiotic diagnostics procedure, bioethics

Воспоминание о детских игрушках и играх, заменяющее введение

Детские игрушки дают опыт конструирования каждому человеку. Если вспомнить детские впечатления, то можно припомнить игрушки, оставлявшие простор для создания произвольных конструкций, и игрушки, сопровождаемые правилами сбора конструкций. Эти правила могли носить характер советов для обращения с конструктором, а могли быть четкой инструкцией, нарушение которой приводило к тому, что сборка составных частей (например — составных частей модели некой машины или мозаики) лишала возможности получить копию изображенного на коробке с игрушкой. Правила-советы оставляли простор для свободы действий, правила-инструкции были аналогом техзадания, выполнение которого всегда приводило к одному и тому же результату.

Свобода, предоставляемая правилами-советами, придавала игре привкус творчества, но лишала гарантий совпадения итога сборки конструктора с желаемым нами образом этой сборки. Отсутствие совпадения действительного результата сборки и образа сборки, желаемого

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15–23–01008.

нами в реальности, далеко не всегда расстраивало, поскольку попытку компоновки можно было повторить, приобретая тем самым опыт выполнения нескольких действий: а) следования рекомендациям; б) произвольного отступления от рекомендаций; в) креативного добавления самостоятельно создаваемых правил и отбора деталей из других конструкторов. И еще один опыт. Опыт соизмерения. Соизмерения желаний и возможностей, целей и средств, элементов конструктора и всей конструкции, смысла рекомендаций и вносимых в них добавлений, то есть — семантики правил, синтактики конструкции и прагматики сборки. Опыт соизмерения давал возможность владеть ситуацией, то есть — распоряжаться свободой, предоставляемой правилами-советами. Опыт же повторения этих получаемых навыков соизмерения давал возможность понять, что цели конструирования играют большую роль, чем начальные условия, и, что из близких условий старта игры мы можем, руководствуясь своими целями и желаниями, придти к разным финишам игры. Итак, опыт свободы, повторения и соизмерения позволял интуитивно оценивать роль случайности на всех этапах сборки конструкции.

Надежность правил-инструкций существенно замедляло темп игры, поскольку эти игрушки требовали аккуратности и терпения для достижения совпадения приложенных нами усилий и результата, обещанного разработчиками конструктора и создателями самих правил. Игрушки, сопровождаемые диктатом инструкций, имели большое число деталей и/или были сложно устроены. В комплект с ними часто входили средства сборки — особенные инструменты, специальные клеи и краски. Это были игрушки для «взрослых» детей. Опыт игры с ними давал серьезное преимущество — навык в починке сломанных игрушек. Приобретение этого навыка было следствием усвоения правил-инструкций для разных игрушек, что создавало постепенное понимание принципов устройства любого конструктора.

«Побочным продуктом» игры по правилам-советам и правилам-инструкциям становился опыт разрушения игрушек и опыт «ощущения края» при разрушении самих правил конструирования. Совокупный опыт приводил к выводу, что игра есть правила, а изменение правил есть изменение результата сборки конструкции. Детские впечатления оставили память об удовольствии свободного конструирования, в котором мы ощущали свое господство над игрушками, об удовольствии от приобретения навыков сборки сложных конструкций по заданным правилам. Став взрослыми, мы смогли понять, что правила этих игр, сконструировали нас самих; что игра продолжается, но за нами остается право интерпретации символизма правил и выбор игрушек.

Направление обсуждений на серии конференций «Конструирование человека»

Изложение незатейливого примера было призвано иллюстрировать клубок *разных* процессов и тенденций в том, что называют «конструирование человека». Актуальность обсуждения этого «клубка» и попыток его распутывания определили современные биомедицинские технологии, способные в действительности так конструировать природу человека, как мы в детстве собирали игрушечные конструкторы. Проблему создает то, что у этих современных технологий пока нет «картинки на коробке», демонстрирующей конечный результат конструирования человека. Вернее — разработка содержания «коробки» опережает разработку «картинки» на ней. Рассогласование темпов этих разработок фиксирует неустойчивость ситуации конструирования, поскольку технологичность данного процесса аналогична игре с правилами-инструкциями, разработка же содержания технологий — игре с правилами-советами, а выше уже было сказано, что эти игры имеют разную длительность, дают разный опыт и по-разному учитывают случайность в получении конечного результата.

Вывод о различии тенденций в построении конструкций, которое «схлопывается» в общем именовании «конструирование», был сделан в докладе П. Д. Тищенко¹ на одной из конференций, завершающей серию научных мероприятий, организованных в Томске. Различия были сопоставлены с тем временем, в котором находится то, что выше было названо «картинкой на коробке», то есть — образ нормы и обоснование этой нормы. Если эта норма принадлежит прошлому и воссоздается согласно традиционной нормативности, то процесс конструирования предстает в качестве *ре-* конструирования. Если модификация человека направлена на придание ему небывалых качеств, изменяющих его природу, то создание подобной формы является *де-* конструированием целостности человека, и итоги этих действий локализованы в будущем времени. Эти итоги подобны бумерангу. Они, бросаемые в будущее из точки в настоящем времени, возвращаются к человеку, неся с собой печальную добычу — опыт опасных экспериментов над целостностью человека и того, как не надо делать. Получение в наследство подобной добычи деструкций природы заставляет осознавать пределы темпов внесения инноваций и осознаний темпов модификации правил-инструкций в правила-советы. Действие кон-струирования локализовано в настоящем вре-

¹ Тищенко, П. Д. Конструирование человека как *ре-де-кон-*струирование // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 24–30.

мени, и синхронизирует (или совмещает) создание новой формы и создание нормативного образа новой формы. Потенциалы конвергентных технологий обеспечивают возрастающую актуальность биоэтики в качестве этики диалога между опытом следования правилам-инструкциям и опытом следования правилам-советам в той игре с природой человека, которой стало его конструирование. Но такое понимание роли биоэтики в технологиях конструирования, которое связывает изобретение «инога человека» и обретение «человеком знания о сути самого себя»¹, прозвучало на конференции, завершающей всю серию этих обсуждений, состоявшихся в Томске с 2006 по 2011 годы.

Труды этих конференций были изданы в соответствующих сборниках и специальных выпусках журналов «Бюллетень сибирской медицины», «Вестник Томского государственного педагогического университета». Тон обсуждений был изначально задан фиксацией следующих проблем:

- этическая неопределенность ситуации «конструирование человека человеком»²;
- асимметричное распределение ответственности в коммуникациях врач/пациент, исследователь/испытуемый³;
- неоднозначность методических решений в преподавании биоэтики⁴;
- необходимость решения методологической проблемы моделирования семиотических механизмов взаимодействия «Hi-Tech / самоорганизация социокультурных систем»⁵.

Фиксация перечисленных проблем определила перечень секций на последующих конференциях «Конструирование человека»:

- «Биоэтика и биомедицинские технологии конструирования человека»;

¹ Киященко, Л. П., Тищенко, П. Д. «Из(-)обретение человека: трансдисциплинарное истолкование» — пленарный доклад на конференции «Конструирование человека», Томск, 2011; Гребенщикова, Е. Г. Конвергентные технологии и «стадия 2» биоэтических дискуссий // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. С. 92–96.

² Юдин, Б. Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 5. № 5. С. 7–19.

³ Келли, М. Границы ответственности пациента // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 5. № 5. С. 67–78.; Тищенко, П. Д. Тело страдания: философско-антропологическое истолкование // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 5. № 5. С. 35–47.

⁴ Апресян, Р. Г., Шамов, И. А. Проблемы преподавания биоэтики // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 5. № 5. С. 137–142.

⁵ Мелик-Гайказян, И. В. Методология моделирования взаимосвязей необратимости, сложности и информационных процессов // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 5. № 5. С. 101–114.

- «Фундаментальные исследования как основа новых технологий»;
- «Тело и власть»;
- «Социальные технологии конструирования человека».

Забавно, что количество участников последней из указанных секций (наибольший энтузиазм проявляли докладчики, обсуждающие проблемы педагогического конструирования) превышало общее число участников первых трех секций. Реакцией на интерпретацию тематики секций в докладах, представленных к обсуждению, стало уточнение формулировок проблем «конструирования человека», что вошло в число весомых результатов, полученных в серии этих конференций.

Во-первых, была определена специфика педагогического конструирования¹. Ею является стремление превзойти норму на основе неких утопических проектов социального конструирования, нивелирующих уникальность индивидуальности. Это стремление, как было представлено выше, уподобляет педагогическое конструирование к тому, что П. Д. Тищенко квалифицировал в качестве де-конструирования человека². Утопичность этих действий сведена к формированию человека, получающего образование, по образу «картинки на коробке», смешивающей все пределы ценностных парадигм образования³, а потому изборающей некоего «универсального ученика»⁴.

Во-вторых, было обосновано, что инициативы биоэтики стали теоретическим и благотворным вызовом для общей этики⁵. Это превращает биоэтику из прикладной дисциплины в форму современной культуры, направленной на защиту индивидуальности⁶, делает ее способом сборки правил-инструкций в правила-советы.

¹ Юдин, Б. Г. Медицина, педагогика и конструирование человека // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Ч. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. С. 70–82.

² Тищенко, П. Д. Конструирование человека как ре-де-кон-струирование // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 24–30.

³ Апресян, Р. Г. Ценностные парадигмы воспитания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. № 1. С. 89–94.

⁴ Роготнева, Е. Н. Конструирование «универсального ученика» // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 20–24.

⁵ Апресян, Р. Г. Прикладная этика: возможности благотворной экспансии // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Ч. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. С. 5–15.

⁶ Мещерякова, Т. В. Биоэтика как система этических принципов // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. С. 47.

В-третьих, был совершен концептуальный трансфер от технологий Sci-Art¹ к определению социального контекста в символизации проблем «конструирования человека»² и его «усовершенствований»³.

В-четвертых, были обозначены позиции постнеклассической методологии в решении проблем, поставленных биоэтикой⁴. По прошествии пяти лет эти позиции есть возможность представить в новом преломлении. Теперь стало ясно, что НБИК-технологии нуждаются не столько в добавлении буквы «С», маркирующих прибавление социальных технологий, сколько знаков, фиксирующих диагностику деструкций, на которые биоэтика требует обратить внимание. Иными словами, на дивергенцию правил-советов «конструирования человека», вызванную конвергенцией правил-инструкций.

Методологические позиции «семиотической диагностики»

Чувствительность социокультурных систем к воздействиям символов демонстрирует следующий пример. Заметим, что пример имеет отношение к разделу статьи, заменяющего введение, и к акцентам на разных сторонах конструирования телесности, сделанным в докладах на первой конференции «Конструирование человека»⁵. Несколько лет назад разработчикам конструктора «Lego» был брошен упрек в том, что

¹ Булатов, Д. Х. Живое будущее: неорганическая жизнь. Нанотехнологии и современное искусство // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. С. 59–74; Булатов, Д. Х. Технологическое произведение искусства // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Ч. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. С. 15–21.

² Аванесов, С. С. «Автономный» субъект и технологии власти // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 5–8; Спешилова, Е. И. Власть соблазна // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. С. 92–96.

³ Аванесов, С. С. Тело, одежда, власть // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. С. 3–6.; Степанова, Г. Б. Технологии совершенствования человека: инструмент развития и манипуляций // Там же, С. 22–28.

⁴ Князева, Е. Н. Энактивизм как новый конструктивизм // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. С. 7–14; Чешко, В. Ф., Глазко, В. И. Концепции ноосферы: метафора, утопия или самореализующийся социальный прогноз // Там же, С. 28–35; Мелик-Гайказян, И. В. Информационная сущность конструирования человека, или одно добавление к тезису Толкотта Парсонса // Там же, С. 14–21.

⁵ Сидорова, Т. А. Десубстанциализация тела в аспекте биотехнологического конструирования // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. С. 131–139; Попова, О. В. Проблема конструирования женской субъективности // Там же, С. 375–382.

человеческие фигурки представляют неких отдыхающих людей. В новые итерации конструктора были введены фигурки с явными признаками униформ различных профессий. Но упрек повторился, поскольку эти фигурки били исключительно работающих мужчин, а женщины оставались «отдыхающими». В ответ на упрек разработчики конструктора добавили фигурки женщин, облаченных в «одежды» всех профессий. Практически одновременно с этим, конструктор «Lego» стал предлагаться во всем объеме «запасных частей», то есть не только набором деталей с инструкцией по сборке намеченных разработчиками вариантам, изображенных в «картинках на коробке». Другими словами, конструктор предоставлял полную свободу действий для сборки и потенциально неограниченные возможности пополнения его желаемыми деталями. Курсивом слово «свобода» выделено в связи с тем, что во многих докладах технологии конструирования рассматривались в качестве различных ограничений свободы¹. Эту тематику свободы/зависимости в обсуждении проблем конструирования человека дополняет тематика скользящих границ ответственности в распределении ролей конструирующего человека и конструируемого человека. Скольжение границ выражено в тезисе — «один из нас» всегда может оказаться «одним из них»², что актуализирует тематику активность/подчинение. Итак, можно обнаружить пару бинарных оппозиций свобода/зависимость и активность/подчинение, имеющих непосредственное отношение к символическим выражениям проблемы «конструирования человека» и поиску биоэтикой решения этой проблемы. Значения этих оппозиций — свобода, зависимость, личная активность и подчиненная роль — указывают на противоположные удаленные во времени устремления, то есть указывают на аттракции динамики самоорганизующихся технологий «конструирования человека». Проблемой является решение двух вопросов: 1) что может стать «меркой», которой мы обладаем при расчете воздействий человека на окружающую природу, и которой ли-

¹ Например, в указ.соч. Сидоровой, Т. А., С. 132.; Булатов, Д. Х. Живое будущее: неорганическая жизнь. Нанотехнологии и современное искусство // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. С. 7–71; Аванесов, С. С. «Автономный» субъект и технологии власти // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 7–8.

² Тищенко, П. Д. Само-изобретение человека: опыт философского истолкования антропологического смысла биомедицинских технологий // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. С. 11.

шены, «когда мы воздействуем на человека, то есть на самих себя»¹; 2) на каких основаниях неизменно фиксировать, чтобы в любой момент дискуссий оставалась возможность вернуться в рамки «того же самого», удерживать ту конфигурацию позиций, стабильность которой должна обеспечивать биоэтика для сохранения «идентичности человека в потоке неизбежных трансформаций»².

В науке эти два вопроса известны как проблема измерений и определение границ применимости теорий. В гуманитарных исследованиях эти же два вопроса редко находят свои ответы.

На предлагаемый способ решения были сделаны намеки в первом разделе статьи, когда говорилось об «опыте соизмерения», о разнице значений целей и начальных условий игр с конструктором, о том, «что из близких условий старта игры мы можем, руководствуясь своими целями и желаниями, придти к разным финишам игры». В фундаментальных науках, успехи которых питают интеллектуальными ресурсами технологии «конструирования человека», для этого есть ясные понятия фазового пространства, фазовых переходов и аттракторов, являющихся областями фазового пространства «из будущего» руководящими сценариями самоорганизации. Использование этих понятий делает ясным то, что близкие локусы данного пространства не означают «одинаковое», что из «одного и того же» мы не приходим к «одному и тому же». Но к ясности этих способов трудно прибегнуть без использования численных методов, то есть без решения проблемы измерения.

Обход этой трудности требует совершения ряда шагов.

Шаг первый. Допустим, а это предположение, как правило, не встречает больших возражений, что особенности социокультурной динамики и повороты потока антропологических трансформаций распознаются (или узнаются) по симптомам, имеющим семиотическую природу.

Шаг второй. Вспомним пять положений:

1) *символы растут*, что стало квинтэссенцией процессуальной сущности семиозиса, открытой Ч. С. Пирсом;

2) *устройство революций в символизме есть конечная мудрость управления*, выражающее у А. Н. Уайтхеда применение его процессуальной онтологии события к пониманию сути воздействий символов;

¹ Юдин, Б. Г. Медицина, педагогика и конструирование человека // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Ч.1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. С. 79.

² Тищенко, П. Д. Конструирование человека как ре-де-кон-струирование // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 30.

3) *событие как спонтанность, разделяющее прошлое и будущее, и в принципиальной степени увеличивающее темп движения к аттракциям будущего*, что стало применением у И. Р. Пригожина философии процесса к открытой им самоорганизации сложных открытых систем разной природы;

4) *будущее временем настоящее*, формулирующее позицию С. П. Курдюмова о структурах-аттракторах и процессуальности структур в его споре с И. Р. Пригожиным об открытости будущего;

5) утверждение У. Эко: *в тот момент, когда мы сталкиваемся с проблемой передачи информации от одного человека к другому, теория информации становится теорией коммуникации*.

Шаг третий. Установим связь между этими положениями: коммуникации являются частным выражением информационных процессов, обеспечивающих «рост символов», а этот «рост» происходит от момента совершения события, порождающего символизацию аттракции, до момента совершения события «революции в символизме», выраженное в структурах-аттракторах, управляющих состояниями в настоящем¹.

Шаг четвертый. Придем к выводу об информационной сущности механизмов самоорганизации социокультурных систем, поскольку не только связь событий носит информационную сущность, но и сами события — символизация аттракций как выбор цели и символизм операторов управления как отбор структур-аттракторов — имеют информационную сущность, так как выбор и отбор всегда есть информационные процессы.

Шаг пятый. Сделаем заключение о том, что информационные механизмы самоорганизации насчитывают, как минимум, три отдельных стадий — генерацию информации, трансляцию информации и реализацию информации, выраженную в отборе операторов управления.

Шаг шестой. Корреспондируем этим стадиям три характеристики информации: ценность информации, количество информации и эффективность информации. Напомним содержание этих характеристик: ценность информации определяет вероятность достижение цели, которую в нашем случае выражает аттракция; количество информации — параметры каналов трансляции; эффективность информации — оптимальность соотношений первых двух характеристик².

¹ Мелик-Гайказян, И. В. События, организующие коммуникативное пространство // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 13–20.

² Мелик-Гайказян, И. В. Проблема измерения // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Ч.1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. С. 21–32.

Шаг седьмой. Допустим, что ценность информации «измеряет» семантику в качестве итога процесса генерации цели-аттракции, характеристика каналов коммуникаций — синтактику всех транслируемых образов этой аттракции, эффективность информации — прагматику символизаций способов достижения избранной аттракции. Применительно к обсуждаемой теме, это означает, что ценность информации характеризует семантику, объединяющей идеи «конструирования человека человеком», которая выражена в конвергенции данных технологий; емкость и устойчивость каналов трансляции характеризует потенциалы самого «конструктора», а эффективность информации — дивергенцию прагматик конструирования, фиксируемую в правилах-советах, то есть в инициативах биоэтики.

Итак, все совершенные шаги приводят к связи семиотики и синергетики, основанием которой служат информационные характеристики. Суть предлагаемой диагностики сводится к сопоставлению общих «симптомов» семиотической динамики социокультурных систем с теми проявлениями символизаций, которые выражают прагматику отдельных тенденций. В нашем случае, этими тенденциями являются направления «конструирования человека». В качестве же общих «симптомов» выступают направления управления знаниями в области фундаментальных и социо-гуманитарных наук, что соответствует современному социальному состоянию, определяемому как информационное общество. Назначением диагностики служат 1) фиксация аномий — потери баланса между объединяющей семантикой ценностных оснований и декларируемыми целями; 2) оценка оптимальности отбора избираемых способов действий для достижения целей. Можно видеть, что первое назначение диагностики связано с ценностью информации, а второе с эффективностью информации. Здесь надо сделать еще одно пояснение. Зависимость ценности информации от количества получаемой информации для конкретной пары источник/реципиент будет иметь вид кривой с насыщением. Насыщение объясняется тем, что с определенного момента получаемая информация уже не способна увеличить вероятность достижения цели. Например, для того чтобы освоить правила счета нам может быть достаточно одного учебника арифметики, а чтение второго или пятого учебника уже не повлияет на качество обретенного навыка. Из этого следует, что первая производная такой функции будет представлена кривой с максимумом, причем только с одним. Вот этот максимум соответствует наибольшему значению эффективности информации.

Таким образом, для конкретной ситуации есть ограниченная область, на которую приходится экстремумы прагматики, и конкретность ситуации определяет формат коммуникаций источник/реципиент, где «источник» есть нормативность символизируемой цели, а «реципиент» — субъект, устремленный к своей цели.

Коммуникативный же формат конкретной ситуации соответствует так называемым моделям биоэтики. В этих моделях акцент делается на распределении ролей врач/пациент, исследователь/испытуемый, конструирующий/конструируемый, этической обоснованности и взаимосвязи данных ролей.

Пределы этических оснований коммуникативного формата можно обнаружить с помощью известной модели «этический квадрат», разработанной Р. Г. Апресяном, и аксиологической интерпретации модели¹.

Данная модель нам нужна для демонстрации процедуры семиотической диагностики и для привлечения оппозиций свобода/зависимость и активность/подчинение, упоминаемых в начале данного раздела статьи, в качестве осей, задающих пространство конструирования. В табл. 1 содержание «этического квадрата» совмещено с теми моделями коммуникаций врач/пациент, которые были выявлены Р. Витчем на основе обобщений практической деятельности, трансформируемой революционными изменениями в моральных основаниях медицины. То есть теми хорошо известными моделями биоэтики, которые выразили несколько десятилетий назад символизм структур-аттракторов.

Выделенное перекрестье в табл. 1 на стр. 92 соответствует «осям»: активность/подчинение — вертикальная линия, свобода/зависимость — горизонтальная линия. Если принять двухмерность заданного пространства, в котором соответствия этических оснований и целей субъекта конструирования характеризуются ценностью информации, а соответствия морального обоснования целей конструирования и коммуникативного формата модели биоэтики — эффективностью информации, то открывается возможность провести семиотическую диагностику реальных направлений конструирования: спектра ре-де-конструирования человека.² И обнаружить фазовые переходы в динамике направлений, которыми станут нарушения границ в конфигурациях идей морали и пределов моделей биоэтики. То есть обнаружить локализацию проблемных областей, расположенных «по обе стороны» от каж-

¹ Апресян, Р. Г. Ценностные парадигмы воспитания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. № 1. С. 91.

² Указ. соч. Тищенко, П. Д., 2009.

дой из осей, в чем и состоит социальная аномия, сопровождающая проблему «конструирования человека». Проще говоря, человек, играющий в этот «конструктор», себя осознает в границах активности и свободы, свою роль размещает в границах агапизма, правила конструирования заимствует из пределов этики пользы, а свой «продукт» конструирования помещает в тех областях, которые следуют за сменой конъюнктурных предпочтений реципиентов. Технически процедура диагностики основана на том, что характеристики информации принимают значения от нуля до единицы, следовательно, есть возможность прибегнуть к понятию «вектор единичной окружности». «Начало» такого вектора находится в пересечении осей, его величину определяют значения вероятностных характеристик информации, а положение его «острия» способно указать на соответствующую область пространства.

Таблица 1

Аксиологическая интерпретация базовых идей морали и модели биоэтики

	Партикуляризм	Универсализм
Я	<p>Гедонизм: Человек содействует своим целям, исходя из своего понимания блага</p> <p><i>техническая модель</i></p>	<p>Перфекционизм: Человек содействует своим целям, исходя из того, что каждый разумный человек считает благом</p> <p><i>коллегиальная модель</i></p>
Другие	<p>Утилитаризм: Человек содействует целям других, исходя из своего понимания блага</p> <p><i>контрактная модель</i></p>	<p>Агапизм: Человек содействует целям других, исходя из того, что каждый разумный человек считает благом</p> <p><i>патерналистская модель</i></p>

«Семиотические аттракторы» управления знаниями в области «конструирования человека»

Обозначенные позиции служат основанием для того, чтобы представить биоэтику в качестве регулятора производства знаний, как совсем недавно экология стала регулятором производства вещей. Достижения экологии внушают оптимизм. Вместе с тем задача биоэтики сложнее. Как следует из табл. 1, биоэтике, обладающей исходной дивергенцией позиций, трудно получить в свое распоряжение основной ресурс производства — конвергенцию технологий «конструирования человека».

Необходимо акцентировать, что только для осуществления процедуры семиотической диагностики оси свобода/зависимость и активность/пассивность задавали двухмерное пространство. На самом деле это пространство не является «плоским», поскольку свобода и пассивность не представляют собой множество отрицательных значений зависимости и активности, а потому перед нами четырехмерное пространство. Итак, геометрия этого пространства задана четырьмя парами осей: активность/свобода, активность/зависимость, свобода/пассивность, пассивность/зависимость.

Уточнению подлежит содержание устремлений свобода/зависимость и активность/подчинение. Свобода здесь понята, как свобода выбирать то, в чем состоит благо; зависимость — как зависимость от понимания блага другими; активность — есть содействие собственным целям; пассивность — подчинение своих устремлений целям, которые предложены кем-то.

Легко представить, что разную распространенность имеют идеи морали альтруизма, самосовершенствования, гедонизма и утилитаризма, что эта распространенность подчинена конкуренции асимптотических целей социокультурной динамики, что когда-то эти идеи не обладали определенностью этических систем. Если это с легкостью представить, то станет очевидным, что предлагаемая система координат охватывает некий «объем», состоящий из четырех не равных друг другу пространств, и, что динамику конфигурации пространства определяет конкуренция аттракторов.

Революции в символизме диагностируют победу в конкуренции, одержанную определенным аттрактором, или формирование новой структуры-аттрактора. Отслеживание этих революций для мониторинга конкурентных взаимодействий разных тенденций и прогнозирования развертывания сценариев социокультурной динамики входит в концепцию «семиотических аттракторов», намеченную нами в связи с исследованием проблемы «конструирования человека»¹. Здесь мы предложим другое применение этой концепции, а именно — обнаружение аттракторов по символизации целей подготовки специалистов в области конвергентных технологий конструирования. Эта символизация с достаточной четкостью декларируется в различных документах, регулирующих процессы непрерывного образования, входящего в систему управления знаниями, и сама подготовка является примером оператора, то есть примером способа достижения аттрактивного

¹ Указ. соч. Мелик-Гайказян, И. В., 2009.

состояния. В общих чертах идея состоит в следующем. Определение целей инновационных стратегий образования согласуется с темпом новаций в разработке конвергентных технологий. Эффект образования зависит от настроенности формата самого верхнего его уровня, поскольку именно его требования «входного контроля» определяют параметры итогов предшествующих уровней. Цели этого верхнего уровня соответствуют подготовки специалистов для осуществления приоритетных направлений исследований, а соподчинение всех уровней указывает на действительный сценарий реализации технологий конструирования, поскольку для отдельных этапов реализации требуется различное количество специалистов, то есть сценарий связан с иерархией приоритетов в системе образования. Локус (табл. 1) патерналистской модели, соответствует интересам образования, ориентированного на поддержание традиций. В большинстве своих проявлений, эта образовательная среда добивается максимального качества, но в силу ее традиционности востребована в инновационном образовании только в роли нижнего уровня. Локус, подчиненный идеям перфекционизма, формирует лидерские качества и установку на устойчивое достижение личного успеха в меняющихся социальных условиях. Соответствие этого локуса коллегиальной модели находит проявление в прочно приобретенных навыках к работе в команде. Настрой этой образовательной среды чрезвычайно востребован для подготовки специалистов, занятых продвижением инноваций и реализацией новых идей. Создателей же идей и разработчиков нестандартных решений формирует среда, основанная на этике гедонизма, поскольку трудную стезю творчества способна освоить только личность, получающая удовольствие от этой деятельности. Но сосредоточенность на творческом горении сопровождается равнодушием к интересам других. Эту особенность в технической модели насторожено встречает биоэтика. Свобода в индивидуальном решении, в чем состоит благо, содержит опасность многих девиаций. В контексте целей биоэтики, обращенных к предупреждению негативных последствий беспрецедентных инноваций, наиболее предпочтительной является локус контрактной модели, поскольку в ней интересы всех субъектов технологий конструирования приняты равными и закреплены договоренностями. Минус состоит в ситуативном решении каждой конкретной проблемы, что сдерживает темп выработки технологических решений. Итак, культурная традиция видит вершину образования

в контекстах альтруизма, наука свои взлеты связывает с творческим началом технической модели, конвергентные технологии свою будущую высоту предполагают достичь на основе потенциалов солидарности коллегиальной модели, а биоэтика свои защитные функции возлагает на возможности контрактной модели. Рассмотренное распределение запросов к развитию образования убеждает в отсутствии доминирующей стратегии и неустойчивости общей динамики. Обретение устойчивости возможно при доминировании биоэтики в содержании гуманитарной подготовки или, иными словами, при создании ситуации, в которой биоэтика станет «семиотическим аттрактором» гуманитарной компоненты всего образования, и, следовательно, предварением негативных последствий управления знаниями в области «конструирования человека».

Резюме

«Конструирование человека» стало интеллектуальным проектом, переориентировавшим управление знаниями для создания конвергентных технологий. Конвергенция свидетельствует о формировании аттрактора, то есть области в будущих состояниях социокультурных систем, притягивающей все траектории социокультурной динамики и диктующей некий сценарий этой динамики. В ходе обсуждений на рассмотренных конференциях были акцентированы те из сценариев социокультурной динамики, которые замыкают круг проблем данного конструирования: педагогическое конструирование, опережающее конструирование телесности; символизация конструирования, охватывающая весь спектр социокультурных сценариев; выработка таких правил, регулирующих процессы генерации и реализации проектов «конструирования», которые бы не приводили к аномии свободы творчества и эгоизма власти технологий; релевантность методологии в решении проблем, поставленных биоэтикой. Хождение по этому «кругу» сводится к противоположности устремлений конвергенции знания в области «конструирования человека» и дивергенции моральных позиций, отстаиваемых биоэтикой. Дивергентный характер инициатив биоэтики становится ее мощным ресурсом, поскольку он стимулирует диагностику аттракторов социокультурной динамики. Эта диагностика направлена не на запрет направлений конструирования, а на обоснование пределов направлений конструирования.

Библиографический список

Аванесов, С. С. «Автономный» субъект и технологии власти // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 5–8.

Аванесов, С. С. Тело, одежда, власть // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. С. 3–6.

Апресян, Р. Г., Шаповалов, И. А. Проблемы преподавания биоэтики // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т.5. № 5. С. 137–142.

Апресян, Р. Г. Ценностные парадигмы воспитания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. №. 1. С. 89–94.

Апресян, Р. Г. Прикладная этика: возможности благотворной экспансии // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Ч. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. С. 5–15.

Булатов, Д. Х. Живое будущее: неорганическая жизнь. Нанотехнологии и современное искусство // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. С. 59–74.

Булатов, Д. Х. Технологическое произведение искусства // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Ч. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. С. 15–21.

Гребенщикова, Е. Г. Конвергентные технологии и «стадия 2» биоэтических дискуссий // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. С. 59–63.

Келли, М. Границы ответственности пациента // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т.5. № 5. С. 67–78.

Князева, Е. Н. Энактивизм как новый конструктивизм // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. С. 7–14.

Мелик-Гайказян, И. В. Методология моделирования взаимосвязей необратимости, сложности и информационных процессов // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 5. № 5. С. 101–114.

Мелик-Гайказян, И. В. Проблема измерения // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Ч.1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. С. 21–32.

Мелик-Гайказян, И. В. События, организующие коммуникативное пространство // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 13–20.

Мелик-Гайказян, И. В. Информационная сущность конструирования человека, или одно добавление к тезису Толкотта Парсонса // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. С. 14–21.

Мещерякова, Т. В. Биоэтика как система этических принципов // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. С. 42–49.

Михель, Д. В. Политики тела в современной России // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. С. 12–26.

Попова, О. В. Проблема конструирования женской субъективности // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. С. 375–382.

Роготнева, Е. Н. Конструирование «универсального ученика» // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 20–24.

Сидорова, Т. А. Десубстанциализация тела в аспекте биотехнологического конструирования // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. С. 131–139.

Спешилова, Е. И. Власть соблазна // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. С. 92–96.

Тищенко, П. Д. Тело страдания: философско-антропологическое истолкование // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т.5. № 5. С. 35–47.

Тищенко, П. Д. Само-изобретение человека: опыт философского истолкования антропологического смысла биомедицинских технологий // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. С. 7–11.

Тищенко, П. Д. Конструирование человека как ре-де-кон-струирование // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 24–30.

Чешко, В. Ф., Глазко, В. И. Концепции ноосферы: метафора, утопия или самореализующийся социальный прогноз // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. С. 28–35.

Юдин, Б. Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т.5. № 5. С. 7–19.

Юдин, Б. Г. Медицина, педагогика и конструирование человека // Конструирование человека: сборник трудов международной конференции: в 2 т. Т. 1. Ч.1. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. С. 70–82.

Персональная модернизация и архаизация человека¹

Ч. К. Ламажаа

Personal modernization and archaization of human

Ch. K. Lamazhaa

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения архаизации и модернизации на персональном уровне, которое в современном социальном знании обсуждается чаще всего обособленно как проблема архаизации человека и проблема персональной модернизации. Формулируется проблема перехода человека на уровень диалогического взаимодействия с новациями как разумный, моральный выбор для преодоления архаики. Исследование этого механизма определяется как одно из важнейших направлений в изучении проблем современной модернизации.

Ключевые слова: персональная модернизация, архаизация человека, модернизация, архаизация, социальные процессы

Abstract. The article examines the correlation of archaization and modernization within the individual. The contemporary social knowledge tends to discuss this issue as isolated problems of the archaization of human beings and personal modernization. In the article, we bring up the problem of transferring onto the level of dialogical interaction with innovation as a sensible and moral step towards overcoming the archaic. Examining this mechanism is one of the most crucial aspects in studying the issues of contemporary modernization.

Keywords: personal modernization, archaization of human, modernization, archaization, social processes

Современные проблемы модернизации, которые переживают сегодня России и ряд других стран бывшего советского пространства, поставили перед исследователями много вопросов. В том числе: каким должен быть образец для модернизации; бывают ли вообще образцы модернизации; возможна ли модернизация без образца; как формировать модернизационную политику, чтобы сохранить особенности социокультурных основ общества; возможно ли говорить о персональном уровне модернизации, если возможно, то каковы

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ (проект «Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии», грант № 15-23-01008а(м)).

ее особенности и пр. Признано, что модернизация, подразумевающая реформирование, осовременивание общества проходит со сложностями, не по прямому пути, а с кризисными проявлениями, откатами назад. Среди последних главным называется общий процесс архаизации как стихийного, неосознанного обращения населения к архаическим социальным практикам, которые становятся опорой для людей в условиях ломки социального порядка, отсутствия идеологических ориентиров¹.

В этом взаимосвязанном узле проблем интересен тот аспект социальных процессов, который происходит на персональном уровне, на уровне личности. Как отмечает В. М. Хачатурян, вспоминая одну из аксиом культурологии, «в культуре и обществе не может быть ничего такого, чего не было бы в человеке»². Человеческое бытие представляет собой индивидуальный уровень общественной жизни. Безусловно, не следует механически переносить особенности личностной мотивации, деятельности, поведения на социальный уровень, упрощенно обобщать. Но очевидно, что сложные социальные разнонаправленные процессы имеют в основе своей субъективный уровень и личностные ориентиры, ментальные модели, предпочтения, образцы, установки, действия.

Соответственно исследовательский вопрос формулируется следующим образом: может ли персональная модернизация сочетаться с архаизацией человека? Причем обратим внимание на то, что речь идет о соотношении этих процессов в рамках жизнедеятельности одного человека. Обычно исследовательские схемы включают в себя обсуждения, скажем условно, человека современного и человека несовременного по отдельности. Дискурс, как научно-исследовательский, так и общественный, подразумевает противопоставление инноватора и консерватора, и рассмотрение их соответственно как двух отдельных факторов влияния на социальные процессы. Однако, вся история антропологической мысли представляет нам понимание сложности человеческой природы и мотивации как разнонаправленной, противоречивой, что является основанием для внимательного отношения к теме разного отношения к традициям, времени, собственным целям и задачам в установках, мотивах, целях одного взятого человека.

¹ Ламажаа, Ч. К. Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Книжный дом «Либроком», 2013. С. 272.

² Хачатурян, В. М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М. : Academia, 2009. С. 42.

Для обсуждения этой проблемы сначала кратко сформулируем основные тезисы по обеим темам, которые чаще всего обсуждаются отдельно¹, а затем обратимся непосредственно к теме соотношения двух процессов.

О человеческом основании общественных процессов в ходе модернизации — осовременивания общества западные теоретики стали рассуждать еще с 1970-х годов. В частности, А. Инкельс и Д. Смит под персональной модернизацией понимали не только функционально запрашиваемые качества человека — узкую профессионализацию, экономический интерес, эффективность, планирование времени, но и ряд принципиальных социокультурных изменений — развитие рациональности, инновативности, формирования в себе субъекта творческой деятельности, способности быть персонально ответственным, привыкать к разнообразию взглядов, обретать личное достоинство, партикуляризм и оптимизм². Тем не менее в научной литературе сохранялось определенное разделение представлений о человеческом факторе модернизации — в зависимости от той стороны модернизации, которую авторы предпочитали считать наиболее важной, и основывалось это на общем понимании факторов социальных процессов: политической, экономической и пр. Как пишет В. Г. Федотова, развитие общества потребления привело к тому, что модель «экономического человека» была распространена посредством социальных технологий на поведение тех, кто не был причастен к производству иначе, чем через потребление, но должен был проявить в нем чрезвычайную устремленность к максимуму удовлетворений и минимуму издержек, сформированную посредством символизации престижных и модных товаров³. Условием эффективно функционирования современного человека стали считать взаимное влияние институционального, организационного и личностного уровня. В этой связи ряд авторов, в том числе и упоминавшиеся выше, попытались сформулировать модель «современного человека».

¹ Соответственно у автора выходили отдельные обзоры по темам: *Ламажаа, Ч. К.* Персональная модернизация: определение понятия и подходы // Высшее образование для XXI века: XII Международная научная конференция. Москва, 3–5 декабря 2015 г.: Доклады и материалы. Симпозиум «Высшее образование и развитие человека» / отв. ред. В. А. Луков, Ч. К. Ламажаа. М.: Издательство Московского гуманитарного университета. 2015. С. 9–13; *Ламажаа, Ч. К.* Архаизация общества в период социальных трансформаций // Знание. Понимание. Умение. 2011, № 3. С. 35–42.

² *Inkeles, A., Smith, D.* Becoming modern: Individual change in six developing countries. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974. xi, 437 p. P. 15–37; Федотова В. Г. Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека (*начало*) // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 1. С. 163.

³ Федотова, В. Г. Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека (*начало*) // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 1. С. 166.

В российской социальной, гуманитарной науке тема персональной модернизации — модернизации человека — стала обсуждаться со второй половины 2000-х годов, причем пробивалась эта идея со значительными трудностями, особенно в философских кругах¹. Несмотря на то, что теории модернизации, пришедшие к нам с Запада, стали востребованы и активно обсуждались применительно к общественным процессам, человеческий аспект модернизации не воспринимался, поскольку, по мнению противников такого подхода, он упрощает человека до определенных функциональных черт. Ряд авторов все же выступили в научной литературе за эту тему, практически все — представители Института философии РАН, прежде всего В. Г. Федотова и ее коллеги.

В. Г. Федотова персональную модернизацию в своих работах тесно связывает с идеями М. Вебера. В ее трактовке веберовская концепция рассматривает две важнейшие характеристики личности, которые определяют ее как инновационную: персональность и внутренняя дистанция. «Персональность характеризует отношение человека к конечным смыслам. — пишет философ, — Это то, что поднимает индивида над рутинной повседневности, ее “растительной” основой. Твердая приверженность определенным нормам возвышает над обыденностью, не отнимая возможность жить в повседневном мире»². Внутренняя дистанция, по Веберу, считает В. Г. Федотова, означает способность индивида отказаться от тех образцов поведения и ценностей, которые не соответствуют персональности, твердым принципам индивида³. Основным же двигателем социальных изменений, в том числе модернизационных перемен, является противоречие между харизмой и рутинизацией. Харизматический лидер выступает как источник новых взглядов и верований. Затем следует фаза рутинизации, превращения необычных идей в рутину, факт повседневной жизни. Это осуществляется как путем систематизации верований интерпретаторами и распространения ее догматов среди населения, так и путем приспособления системы верований к интересам различных слоев⁴. Этот процесс, указывает российский философ, и был проанализирован М. Вебером на примере протестантизма, революционное значение которого состояло в революционном преобразовании части западного общества путем поддержания

¹ Там же. С. 163.

² Федотова, В. Г. Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека (*окончание*) // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 23.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 23.

и выдвижения на роль культурного образца трудового аскетизма рядовых людей, совпадающего с идеей аскетизма протестантской секты как найденного ею пути к спасению¹.

Принимая эту трактовку за основу, мы формулируем определение персональной модернизации как микроуровня модернизации (макроуровень — модернизация всего общества; мезоуровень — модернизация социальных групп), на котором происходит принятие человеком новых ценностей и установок, позволяющих ему реализовывать свой творческий потенциал, добиваться экономического благосостояния в условиях определенной социальной конкуренции, при этом сохраняя свою социокультурную идентичность, приверженность базовым ценностям. Распространенность персональной модернизации в развивающемся, модернизируемом — осовременивающемся — обществе становится условием успешности всей модернизации. Причем успешности не только в степени изменений, но и в степени сохранности социокультурных оснований общества. Феномены персональной модернизации в современной России можно наблюдать в определенных условиях, которые во многом сложились как результат сочетания ряда обстоятельств, далеко не всегда являющихся результатом продуманной стратегии.

Проблема архаизации человека как человека, которые в определенных моменты жизни, в определенных обстоятельствах, в том числе связанных с изменением психического состояния, может утратить черты человека культурного, цивилизованного, впасть в состояние первобытного человека, варвара, то есть вернуться в некое архаическое состояние, обсуждалась мыслителями на протяжении всей истории философской мысли. Архаизация в том числе, который интересует нас, связанный с процессами модернизационных вызовов, кризиса реформирования, на уровне человеческой мотивации и деятельности, наиболее развернуто, на наш взгляд, анализируется в работах А. С. Ахиезера², признанного отечественного философа, автора масштабной концепции социокультурного раскола в российской истории, а также В. М. Хачатурян³, современного культуролога, историка, которая исследует проблемы архаики и архаизирующих тенденций в цивилизационных процессах.

¹ Федотова, В. Г. Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 24–25.

² Ахиезер, А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001, № 2. С. 89–100; Он же. Архаизация как категория общественных наук // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001, Том IV, № 1. С. 89–100; Он же. Россия: критика исторического опыта : в 3 т. М. : Философское общество СССР, 1991; Он же. Труды. М.: Новый хронограф, 2006.

³ Хачатурян, В. М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М. : Academia, 2009. 290 с.

Социокультурная теория истории России А. С. Ахиезера, увидевшая свет в начале 1990-х годов, сразу была признана специалистами значительным явлением в отечественном обществознании. Философ анализирует исторический опыт России, однако делает он это не только сквозь призму социальных процессов, но и с точки зрения специфики действия людей и их результатов, тем самым уделяя достаточно внимания и человеческому фактору истории. При этом архаизация понимается им как «результат следования субъектом культурным программам, которые исторически сложились в тех пластах культуры, которые сформировались в более простых условиях, в условиях догосударственной жизни, не отвечающих сегодня возросшей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. Архаизация выступает как форма регресса, где программы деятельности связаны с доосевой культурой, с господством ценностей чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей круг общения был весьма ограничен»¹.

Так, А. С. Ахиезер трактует культуру как программу деятельности соответствующего субъекта. Им может быть и отдельная личность, и любые сообщества (от малой группы до общества в целом). История России рассматривается им как смена господствующих нравственных идеалов. Нравственность, по Ахиезеру, это критерий, с помощью которого можно обозначать степень способности (или неспособности) людей производить изменения для обеспечения выживаемости в условиях усложняющегося общества. Это аспект культуры, некоторое множество взаимодействующих друг в друга определенным образом ценностно ориентированных смыслов. Нравственность лежит в основе массовой деятельности людей, определяющей динамику общества. Историческими типами нравственности в России автор называет: традиционный, или вечевой (исходный, начальный); авторитарный и соборный (вторичные от вечевого); утилитарно нравственный (переходный) и либеральный². Все эти типы нравственности не сменяют друг друга, а различным образом сочетаются друг с другом, создавая значительное число промежуточных, гибридных форм, в результате чего возникает сложная, крайне противоречивая картина нравственных процессов. Приверженность людей к определенному виду идеала, столкновение между ними приводит к взаимной дезорганизации, расколу в обществе.

¹ Ахиезер, А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001, № 2. С. 89–100.

² Там же.

При этом следует прояснить слово «приверженность». Дело в том, что философ считает человека разумным существом, способным усложнить уровень своего осмысления мира, преодолеть пути инверсионной логики (тяготеющей к противопоставлению эмоциональных доминант, к «революционным» переходам от одной крайности к другой, осмыслению всех явлений как столкновений), перейти на уровень диалогического взаимодействия с новациями, изменениями мира и не просто сформулировать соответствующий ответ на вызов истории, но сделать моральный, нравственный выбор для преодоления архаики. В социокультурной теории А. С. Ахиезера архаизация человека предстает как составная часть, как элемент социальной архаизации, а сам человек как деятельный субъект культуры, истории.

Несколько иной взгляд на соотношение человеческого и общественного ракурсов архаизации предлагает историк В. М. Хачатурян¹. Она также уделяет особое внимание проблеме архаизации индивида, подчеркивая его роль «минимального» субъекта исторического и цивилизационного процесса. Архаизация, или в авторской интерпретации — архаизирующие тенденции — понимается как процесс активизации архаических структур, прошедших конвертацию и сохранившихся в сфере ментальности, в экономике, в социально-политической, религиозной жизни. Архаизирующие тенденции имеют *макро-* и *микро-* уровни, соответственно — общественный и индивидуальный. Они взаимосвязаны, но феномены культуры не выводятся сразу из области психики. Архаизация на уровне индивида лишь представляет «исходный пункт», потенциальную возможность для разворачивания.

Собственно архаический потенциал человека предопределен, по мнению В. М. Хачатурян, тем, что в основе фило- и онтогенетического развития человеческого мозга и психики лежит ведущий принцип развития всех систем возрастающей сложности. Этот принцип достаточно изучен психологами (К. Уилбер, К. Юнг и др.), что позволяет полагать, что нижняя граница огромной филогенетической памяти человека пролегает где-то в области дочеловеческого, выходя далеко за пределы собственно архаики как исторической эпохи, то есть, делает вывод В. М. Хачатурян, в психике человека имеется прочная основа для прорывов не только архаических, но и более древних пластов. Причинами архаизации индивида называются: 1) процесс «раскультивирования», утрата определенного уровня цивилизованности; 2) редукция созна-

¹ Хачатурян, В. М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М. : Academia, 2009. 290 с.

ния как высшая форма психической деятельности и активизация пластов коллективного бессознательного. Процесс «раскультивирования» происходит в переходные, кризисные эпохи, во время которых происходит ломка системы ценностей, разрушение коллективной идентичности, возрастают стрессовые ситуации и пр. Тогда происходит «распрограммирование» человека и общества, которое может достигать очень глубокого уровня, вплоть до массового каннибализма, захватывая большие массы людей. При этом, по мнению автора, самыми уязвимыми для подобного «раскультивирования» являются наиболее «молодые» цивилизации в истории человечества.

Проблематика архаизации человека позволяет трактовать человека как субъекта культурного процесса, смены или конфликта культурных программ и соответственных социальных изменений или социального раскола. При этом, как показывает нам теория А. С. Ахиезера, во многом приверженность старым культурным программам, традиционным нравственным идеалам — не просто вопрос «привычки», но и вопрос морали, интеллектуального развития человека, людей, их ответственности за судьбу своего общества, страны. Деятельностное, ценностное понимание взаимосвязи процессов архаизации человека и общества предполагает обсуждение проблематики высших идеалов, ценностей, решения практических задач образования, распространения философского знания, воспитания новых поколений — в русле идей гуманизма. Однако, и другой — естественнонаучный — подход к проблеме архаизации человека и соотношения его с общественной архаизацией — также имеет, помимо теоретического значения, практический смысл. Человеческая психика в этом плане понимается как микроуровень процессов архаизации, имеющий свои особенности. Человеческое бессознательное, глубинное подсознание — сферы, которые очевидно принимают значительное участие в процессах возвращения общества к архаическому, древнему культурному, и даже докультурному опыту.

Социальная модернизация сопровождается архаизацией общества в целом или определенных социальных слоев. При этом не следует односложно утверждать о том, что речь идет о разнонаправленных процессах: безусловно модернизация подразумевает развитие общества в прогрессивную сторону, тогда как архаизация в определенном смысле это откат назад. Однако это довольно упрощенное представление. Если смотреть внимательнее, то перед нами предстают объективные процессы, один из которых направлен с помощью реформ на осовременивание общества с благополучными условиями для населения, а другой пред-

ставляет собой стихийную социальную реакцию общества, если реформирование осуществляется радикально, сопровождается кризисом во всех сферах общественной жизни.

В свете представленных основных точек зрения на суть персональной модернизации и архаизации очевидно, что можно говорить здесь о соотношении архаизации и модернизации, которое можно представить и как обращение к прошлому и будущему соответственно, и как «раскультирование» и «развитие цивилизованности». И можно представлять эволюцию человеческого существа, человеческого разумного выбора в рамках одной жизни, оказавшейся в кризисной ситуации социальных потрясений. Для примера мы можем рассмотреть жизнь современных россиян средних поколений. В 1990-е годы они пережили расцвет архаизации общества, когда наша страна оказалась в экономическом, социально-политическом кризисе и практически всем пришлось выживать, в том числе на основе возобновления архаических социальных практик с актуализацией архаических культурных кодов. Преодоление обществом этого кризиса, точнее его пика, происходило и на персональном уровне, когда стабилизация политической обстановки, экономических условий, дала возможность снять напряженность с удовлетворением основных человеческих потребностей и открыть пути для новых, в том числе в самореализации, самоуважении и пр. Очевидно, что не все люди осознали эти возможности, а уж тем более — поставили задачи для их достижения. Общество стратифицировалось не только по новым социальным слоям, группам по степени материальной обеспеченности, образования и пр., но и по принятию модернизационных установок. Мы не говорим в данном случае о молодежи, которая не застала пик архаизационных процессов в обществе, а говорим именно о тех представителях среднего поколения, которые пережили этот пик, приняли в нем участие и которые успешно адаптировались к изменившимся условиям, переориентировавшись в целеполагании своей жизнедеятельности, и выступают ныне субъектами социокультурного процесса модернизации. В трактовке А. С. Ахиезера, мы имеем дело с людьми, способными преодолеть путы инверсионной логики и перейти на уровень диалогического взаимодействия с новациями, изменениями мира, не просто сформулировать соответствующий ответ на вызов истории, но сделать моральный, нравственный выбор для преодоления архаики. Исследование механизма этого преодоления, реализации выбора представляется нам одной из важнейших проблем изучения современных модернизационных процессов.

Библиографический список

- Inkeles, A., Smith, D.* Becoming modern: Individual change in six developing countries. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1974. xi, 437 p.
- Ахиезер, А. С.* Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001, № 2. С. 89–100.
- Ахиезер, А. С.* Архаизация как категория общественных наук // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2001, Том IV, № 1. С. 89–100.
- Ахиезер, А. С.* Россия: критика исторического опыта : в 3 т. М. : Философское общество СССР, 1991.
- Ахиезер, А. С.* Труды. М. : Новый хронограф, 2006.
- Ламажаа, Ч. К.* Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Книжный дом «Либроком», 2013. 272.
- Федотова, В. Г.* Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека (начало) // *Знание. Понимание. Умение*. 2007. № 1. С. 163–169.
- Федотова, В. Г.* Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека (окончание) // *Знание. Понимание. Умение*. 2007. № 2. С. 21–27.
- Хачатурян, В. М.* «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М. : Academia, 2009. 290 с.

От биоэтики к пост-биоэтике: проблема морального улучшения человека¹

Р. Р. Белялетдинов

From bioethics to post-bioethics: problem of moral enhancement

R. R. Belyaletdinov

Аннотация. В статье рассматривается идея биотехнологического морального апгрейда в контексте биоэтики морально улучшенных людей. Анализируются основные этапы формирования биоэтики, принципы и идеи, ставшие импульсами ее развития. С другой стороны, исследуется концепция морального апгрейда как ограничения права на ошибку. Делается вывод о том, что биоэтика, основанная на контроле свободного решения может лишиться своих оснований — негативного опыта развития биомедицины.

Ключевые слова: биотехнологии, нейронаука, социогуманитарные принципы, улучшение человека.

Abstract. The article deals with the idea of moral biotechnological upgrade in the context of bioethics morally enhanced people. The main stages in the formation of bioethics principles and ideas, which have become impulses for its development are considered. On the other hand, the article explores the concept of moral upgrade as a barrier for moral errors. The conclusion is that bioethics, based on the control of free solutions might lose its background reason — the negative experience of biomedicine.

Keywords: biotechnology, neuroscience, socio-humanitarian principles, human enhancement.

Биотехнологии дали человеку возможность рассматривать собственную жизнь как управляемый биотехнологический проект, позволив, с одной стороны, устранять случайности и ошибки, запрограммированные природой (например, наследственные заболевания), а с другой стороны, возложив на него риски, связанные с использованием биотехнологий. Развитие биотехнологий поставило проблему определения границ биотехнологического вмешательства в жизнь человека. Разумеется, определение этих границ возможно только с помощью ясной и понятной методологии.

В ходе развития биоэтики обозначились два подхода к биотехнологическим проектам. С одной стороны, «можно констатировать, что

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 15–23–01008.

не только практика проведения биомедицинских исследований, но и практика их (и далеко не только их!) этической экспертизы обрели сегодня черты, характерные для индустриального производства... этика здесь выступает не только в столь привычной регулятивной, но также и в сугубо инструментальной роли»¹.

В постнеклассической науке философская и социо-гуманитарная проблематики стали неотъемлемой частью биотехнологических проектов². Например, в отечественной традиции развивается основанная на идеях биоэтики концепция гуманитарной экспертизы как метода анализа научных проектов, берущая начало в работах И. Т. Фролова, Б. Г. Юдина, П. Д. Тищенко, И. И. Ашмарина и др. и связано со становлением гуманитарных взглядов на биомедицину в СССР.

Для гуманитарной экспертизы свойственно выделение двух ступеней анализа. Во-первых, это различие консервативного подхода, который характеризуется созерцательной оптикой в отношении природы, и как следствие — отождествление природы и ценностных императивов. Противоположная позиция исходит из переноса ценностных установок с объекта исследования на задачи, которые ставит исследователь перед собой как цели. В этом случае речь идет о замещении природы искусственными биоконструкциями, полученными в результате исследовательской деятельности, вольном манипулировании изучаемым материалом, лишенном самооценности.

Второй уровень анализа исходит из внимания к положению современной науки, которое в последнее время в литературе представляется как технонаучный этап ее развития. В отличие от науки, ориентированной на фундаментальные исследования, технонауке свойственно полное вовлечение в решение прикладных задач и ориентация на социогуманитарные запросы.

Усиление философии и этики в развитии биотехнологий проявляется в уже сформировавшейся парадигме ELSI исследований, сопутствующих реализации биотехнологических проектов. Постоянно ведется работа по выработке и улучшению социогуманитарных принципов и понятий, таких как устойчивое развитие и принцип предосторожности, которые бы гарантировали безопасность развития биотехнологий. Тем

¹ Юдин, Б. Г. В фокусе исследования — человек... // Этнос науки. М., 2008. С. 377.

² Поддерживаемые государством и научными фондами программы «Этической, правовой, социально проблематики» (ELSI) в США и «Ответственной исследовательской деятельности в области инноваций» (RRI) являются обязательным сопровождением биотехнологических проектов в развитых странах. Пример таких исследований: Trust in Biobanking Dealing with Ethical, Legal and Social Issues in an Emerging Field of Biotechnology / Ed. by Dabrock P., Taupitz J., Ried J. Heidelberg: Springer, 2012.

не менее очевидно, что основным источником риска являются не столько технологии, сколько сам человек.

Новейшей концепцией, обозначающей критерии нравственности является моральное улучшение человека с помощью биотехнологий¹. Достижения нейронауки и генетики позволяют заглянуть в биологически механизм процессов морального поведения и способны предложить биотехнологические инструменты для искусственного программирования и стимулирования нравственных поступков. Например, можно использовать такие биомедицинские факты, как способность нейромедиатора серотонина подавлять агрессию, а окситоцина — поддерживать различные формы про-социального поведения². Расширение не только знаний, но и биотехнологических решений, которые бы способствовали мотивации человека действовать морально в ситуациях, в которых ему свойственно пренебрегать интересами другого человека, прибегать к эксплуатации, насилию и т. п., может стать гарантией развития функциональных биотехнологических форм улучшения человека.

Необходимо отметить и тот факт, что сами авторы идеи морально-улучшения исходят из той интенции, что механизм эмоциональной мотивации существует естественным образом и вопрос состоит лишь в том, чтобы его детально исследовать и улучшить. Т. Дуглас так формулирует идею морального биотехнологического «апгрейда»: «Личность морально улучшается, если меняется таким образом, что это предполагает наличие в будущем более выраженных мотивов, взятых в их совокупности, чем эта личность обладала до того, как улучшилась»³. Усиление эмоциональных импульсов, таких, как эмпатия, сострадание, чувство вины, позволяет представить моральное улучшение как про-социальное улучшение человека. Традиционные претензии, которые обычно предъявляются к идеям биотехнологического улучшения человека, такие как формирование условий для развития социального неравенства, в случае морального улучшения человека не действуют.

Между тем моральное улучшение человека, его жесткое мотивирование могут показаться и опасной практикой. Претензии, предъявляемые идее морального улучшения⁴, связаны с тем, что моральное действие всегда нечто большее, чем просто действие, это некоторая сово-

¹ Douglas, T. Moral bioenhancement, freedom and reasoning // *Journal of Medical Ethics*, 2014/06, V. 40, № 6. P. 359–360.; Persson, I., Savulescu, J. Moral Transhumanism // *Journal of Medicine and Philosophy*, №35, 2010. P. 660.

² Там же. С. 667.

³ Douglas, T. Moral bioenhancement, freedom and reasoning // *Journal of Medical Ethics*, 06/2014, V. 40, № 6, P. 229.

⁴ Harris, J. *How To Be Good. The possibility Of Moral Enhancement*. Oxford, 2016.

купность переживаний и рефлексии. Удаление этих элементов из моральных поступков и сведение их к социальному комфорту и пользе не только упрощает всю процедуру формирования нравственного поступка, но и ограничивает интеллектуальную свободу. Лишая человека права и мотива на ошибку, мы ограничиваем его опыт.

В связи с этим можно вспомнить, что становление биоэтики тесно связано с моральными потрясениями, пережитыми и отрефлексированными европейскими нациями после раскрытия подробностей биомедицинских экспериментов над человеком, проходивших в нацистских и японских концентрационных лагерях¹.

Игнорирование человеческого достоинства и личностной автономии, которую продемонстрировали врачи гитлеровской Германии к заключенным, было настолько вызывающим, что эти факты стали переломным моментом в понимании ролей врача и пациента. На первом этапе формирования современной биоэтики — принятие Нюрнбергского кодекса о проведении исследований с участием человека² и введение принципа информированного согласия, послужило началом для создания концепции морально оправданного применения биотехнологий к человеку.

Следующим крупным этапом становления биоэтики стали серия скандалов, связанных с проведением биомедицинских исследований уже на территории США. Широкую известность получил биомедицинский эксперимент в городе Таскиги (Tuskegee), где в процессе биомедицинских исследований на протяжении десятилетий (с 1932 по 1972 гг.) практиковалось нелечение сифилиса у 412 афроамериканцев, цель состояла в наблюдении за развитием болезни на ее поздних стадиях. Не менее печальную известность получили биомедицинские исследования по пересадке раковых клеток больным еврейской больницы в Бруклине и заражение вирусом гепатита умственно отсталых детей в спецшколе штата Нью-Йорк. Разумеется, все эти исследования проводились без информированного согласия пациентов и при молчаливом согласии медицинского сообщества.

Позднее защита прав пациентов, участвующих в исследованиях, нашла свое отражение в ключевых документах биоэтики — Хельсинской

¹ Yudin, G. Research on humans at the Khabarovsk War Crimes Trial. A Historical and Ethical Examination // *Japan's Wartime Medical Atrocities. Comparative Inquiries in Science, History and Ethics* / Ed. Jing-Bao Nie, Nanyan Guo, Mark Selden and Arthur Kleinman. N-Y : Routledge, 2010. P. 59–78.

² Нюрнбергский кодекс // Аналитические материалы по проекту «Анализ нормативно-правовой базы в области прав человека в контексте биомедицинских исследований и выработка рекомендаций по ее усовершенствованию». М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2007. С. 47–49.

декларации¹ и Конвенции о правах человека и биомедицине², этических исследовательских кодексах.

Контуры пост-биоэтики

Идея морального улучшения человека, которую в контексте биотехнологий можно обозначить как «пост-биоэтика», выносит за скобки ошибку или преступление. В абсолютном смысле в морально улучшенном обществе проступки и преступления будут пресекаться уже на уровне мотивации.

Однако как раз уничтожение или деградация человека как потенциального преступника и является проблемой пост-биоэтики. А. Бьюкенен проблематизирует единство морального статуса улучшенных и обычных людей, критикуя моральное улучшение человека, и обращает внимание на скрытые опасности морального апгрейда с помощью биотехнологий³, связанные с нравственным превосходством одних людей над другими.

Он опасается, что на первый взгляд про-социальное по своей интенции моральное улучшение человека приведет к сохранению единого морального статуса (номинальные права человека) всех людей, но при потере фактического правового равенства между улучшенными и обычными контрагентами. Обычные люди окажутся на периферии социальной жизни, будут занимать более низкое социальное положение, могут лишиться избирательного права, в то время как морально улучшенные люди, используя кооперацию, окажутся ключевыми фигурами общества будущего.

Пострадают негативные качества человеческой природы: нетерпимость, нетолерантность, агрессия и т. п. Интересно отметить, что именно это обстоятельство вызывает тревогу. Негативные, отрицательные проявления человеческого характера имеют не только деструктивный потенциал, но и позитивное содержание, поскольку служат образцами неприемлемого образа жизни. Элиминирование подобных моральных дефектов может иметь отрицательные последствия. Люди, обладающие моральными дефектами, способны совершать поступки, служащие во благо общества, только благодаря своим моральным недостаткам⁴. Таким образом, пострадавшей стороной морального улучшения человека будет выступать уже общество.

¹ Declaration of Helsinki, WMA, 1964, 1975, 1983, 1989, 1996, 2004.

² Convention on Human Rights and Biomedicine, Council of Europe, 1997.

³ Buchanan, A. Moral Status and Human Enhancement // *Philosophy & Public Affairs* 37, № 4. P. 346–381.

⁴ Wasserman, D. When bad people do good things: will moral enhancement make the world a better place? // *Journal of Medical Ethics*, 06/2014, V. 40, № 6. P. 375.

Пост-биоэтика и рациональное содержание поступка

Биоэтика берет свое начало в 1973 г. в статье Д. Кэлахана «Биоэтика как дисциплина»¹, в которой он указывает на две ее особенности — дисциплинарную неполноту, ввиду «недостатка всеобщего признания, дисциплинарных стандартов, критериев качества и ясных педагогических и оценочных нормативов»² и необходимость выработки подходов для разрешения конфликтных ситуациях, возникающих в научной и медицинской сфере. Особенностью биоэтики стало экспериментирование с аргументацией, возрождение традиции риторической импровизации и «нахождение доказательства»³, что в целом соответствует ее междисциплинарной природе. Так, биоэтика сегодня «не столько формальная дисциплина, сколько совпадение многих дисциплин, входящих в более широкий общественный дискурс»⁴, связанный с развитием биотехнологий.

Рациональный поиск и аргументация нужны в тех случаях, когда требуется сделать выбор, в результате которого кто-то должен пострадать или принять на себя обременение. Таким образом, биоэтика имеет дело не только с проблемой выбора, но с проблемой выбора из двух зол. Поэтому этика нужна «плохим людям»⁵, которые естественным образом не имеют представления о том, что хорошо и что плохо, и поэтому они задаются вопросами, чтобы отличить хороший и плохой поступок. В результате этика получает «когнитивное содержание»⁶. Этическая правота тесно связана с аргументацией, исключающей интуицию в качестве оправдания поступка. Исключение «когнитивного содержания» из этического акта, с одной стороны, упрощает принятие морально верных решений, с другой стороны, снижает само качество морального поступка.

Интересно отметить и вероятность того, что моральный апгрейд может стать препятствием для реализации каких-то иных биотехнологических улучшений человека. Морально улучшенный человек скорее всего даже не сможет вообразить, что рискованные биомедицинские практики допустимы. Право на особое мнение, которое, в числе прочих, может быть выражено в том, чтобы не уступить место в автобусе пожилому человеку или бросить мусор на газон, после морального апгрейда будет эмоционально заблокировано или подавлено.

¹ Jonsen, A. R. The History of Bioethics as a Discipline // *Handbook of Bioethics: Taking Stock of the Field from a Philosophical Perspective*. N-Y.: Kluwer, 2004. P. 31.

² Там же.

³ Там же. С. 40–47

⁴ Там же, С. 49

⁵ Harris, J. How To Be Good. The possibility Of Moral Enhancement. Oxford, 2016, P. 112–113.

⁶ Там же, С. 116.

Вероятно, есть основания полагать, что негативный опыт, связанный с нарушениями биомедицинских норм, имеет ценность и является важным элементом построения биоэтики. С его исчезновением пост-биоэтика морально улучшенного общества, возможно, не сможет не только развиваться, но и отвечать на новые биотехнологические вызовы, которые неизбежно будут возникать даже перед морально улучшенным человеком.

Библиографический список

- Нюрнбергский кодекс // Аналитические материалы по проекту «Анализ нормативно-правовой базы в области прав человека в контексте биомедицинских исследований и выработка рекомендаций по ее усовершенствованию». М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2007 г. С. 47–49.
- Юдин, Б. Г. В фокусе исследования — человек... // Этнос науки. М., 2008. С. 377.
- Buchanan, A. Moral Status and Human Enhancement // *Philosophy & Public Affairs* 37, №. 4. P. 346–381.
- Convention on Human Rights and Biomedicine, Council of Europe, 1997.
- Declaration of Helsinki, WMA, 1964, 1975, 1983, 1989, 1996, 2004.
- Douglas, T. Moral bioenhancement, freedom and reasoning // *Journal of Medical Ethics*, 2014/06, V. 40, № 6. P. 359–360.
- Harris, J. *How To Be Good. The possibility Of Moral Enhancement*. Oxford, 2016.
- Jonsen, A. R. *The History of Bioethics as a Discipline* // *Handbook of Bioethics: Taking Stock of the Field from a Philosophical Perspective*. N-Y.: Kluwer, 2004. P. 31.
- Persson, I., Savulescu, J. *Moral Transhumanism* // *Journal of Medicine and Philosophy*, №35, 2010. P. 660.
- Transhumanism // *Journal of Medicine and Philosophy*, №35, 2010. P. 660.
- Trust in Biobanking Dealing with Ethical, Legal and Social Issues in an Emerging Field of Biotechnology / Ed. by Dabrock P., Taupitz J., Ried J. Heidelberg: Springer, 2012.
- Wasserman, D. When bad people do good things: will moral enhancement make the world a better place? // *Journal of Medical Ethics*, 06/2014, V. 40, № 6. P. 375.
- Yudin, G. Research on humans at the Khabarovsk War Crimes Trial. A Historical and Ethical Examination // *Japan's Wartime Medical Atrocities. Comparative Inquiries in Science, History and Ethics* / Ed. Jing-Bao Nie, Nanyan Guo, Mark Selden and Arthur Kleinman. N-Y: Routledge, 2010. P. 59–78.

Идея бессмертия личности у В. М. Бехтерева

М. А. Меньшикова

V. M. Bekhterev's Idea of Immortality of the Individual

М. А. Menshikova

Аннотация. В статье рассматривается оригинальная идея российского и советского невролога и психиатра академика В. М. Бехтерева о бессмертии личности. Этой идее посвящено два текста, написанных автором соответственно в царской России и при советской власти. Несмотря на интересные сами по себе риторические различия, обусловленных историческими обстоятельствами написания двух статей, основной замысел Бехтерева остается неизменным. Анализируются философские предпосылки идеи бессмертия личности, этические аргументы Бехтерева в ее пользу.

Ключевые слова: Бехтерев, бессмертие личности, энергия, личность, махизм

Abstract. The article takes up the original idea of Russian and Soviet neurologist and psychiatrist academic V. M. Bekhterev about immortality of the individual. Two texts written by author in tsarist Russia and under Soviet power correspondingly were considered to this idea. Despite interesting in itself rhetorical differences determined by historical circumstances of writing two articles Bekhterev's basic idea stayed immutable. Philosophical presuppositions of the idea of immortality of the individual, Bekhterev's ethical arguments in its favour are analyzed.

Keywords: Bekhterev, immortality of the individual, energy, person, Machism

Избавление от смерти является серьезной научной проблемой не первое десятилетие. Современные идеи трансгуманизма, научной иммортализм: человек достоин вечной жизни и может добиться этого благодаря научно-техническому прогрессу¹ — созвучны тем, что были высказаны отечественными учеными и философами в начале XX века. Всех их объединяла вера в науку, в ее возможности привести человека к бессмертию.

Так, К. Э. Циолковский стоял на позициях антифинализма, означающего, что человечество будет существовать вечно, а не погибнет от какой-либо природной или техногенной катастрофы. Бессмертие человечества, со-

¹ Турчин, А., Батин, М. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М.: БИНОМ, Лаборатория знаний, 2013. С. 157–158.

гласно Циолковскому, должно быть основано на объединении усилий нескольких космических цивилизаций. Циолковский возлагал надежды на науку не только в вопросе достижения бессмертия человеческого рода, но и по поводу улучшения человеческой природы — одной из магистральных идей раннесоветского порядка по построению нового общества, свободного от обременительного наследия предшествующих эпох.

Нельзя не упомянуть и специфическую «философию общего дела» Н. Ф. Федорова, повлиявшую на Циолковского, причудливо соединившую в себе веру в прогресс науки и техники во благо человека и нетрадиционно интерпретированную христианскую религию: в прямом смысле «воскрешением всех мертвых», по мысли философа, должны заняться сами верующие, не дожидаясь судного дня, и с помощью еще не известных научных технологий обрести физическое бессмертие и для себя. При этом бессмертие человека, его личное совершенство невозможно без общего бессмертия и общего совершенства, что заставляет критиков Федорова упрекнуть его в антигуманизме, тем более что сам Федоров считал гуманизм «умственным и нравственным блужданием»¹. Проблемы будущего освоения человечеством других планет (пусть и побочным образом), бессмертия личности интересовали и выдающегося физиолога, невролога, психиатра академика В. М. Бехтерева.

У Бехтерева были собственные, оригинальные воззрения на бессмертие человека. Чтобы составить представление о том, что Бехтерев понимал под бессмертием человека и каким образом, по его мнению, его можно достигнуть, нужно обратиться к речи Бехтерева о бессмертии личности, которая впоследствии была опубликована как статья.

У этого текста необычная судьба: он был опубликован дважды в двух разных редакциях. Различия между двумя текстами объясняются политической ситуацией в России: впервые текст был создан в царской России в 1916 году² и носил название «Бессмертие человеческой личности как научная проблема», а вторая версия была опубликована уже при советской власти в 1928 году под названием «Социальное бессмертие личности» после скоростной смерти автора³.

¹ Подробнее о критике философии Федорова см.: Фролов, И. Призраки и иллюзии «вечной жизни» и «всеобщего воскрешения» / Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? / Отв. ред. Г. Л. Белкина; Ред.-сост. М. И. Фролова. Предисл. С. Н. Корсакова. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 17–25.

² Первый вариант текста о бессмертии личности — это речь Бехтерева в Психоневрологическом институте в феврале 1916 года, которая была напечатана в журнале «Вестник знания» в 1918 году.

³ Бехтерев умер в конце 1927 года.

Эти риторические различия сами по себе заслуживают отдельного внимания, но прежде, чем обратиться к их анализу, необходимо остановиться на главной мысли Бехтерева, которая осталась неизменной в обоих текстах.

Бехтерев предлагает рассматривать бессмертие человека с научной точки зрения. Как ученый — физиолог, рефлексолог, психиатр — он был далек от любого мистицизма. Тем интереснее становятся его взгляды и аргументы.

Бессмертие личности, по Бехтереву, вытекает из всеобщности закона сохранения энергии, который действует не только в физическом мире, но и в сфере нервно-психической деятельности и социальной жизни. Бехтерев исходит из того, что энергия может преобразовываться из физической в нервно-психическую и обратно, но никогда не тратится и не убывает. И если физическая энергия неуничтожима, о чем гласит закон физики, то так же неуничтожима и нервно-психическая энергия как модификация физической энергии. Согласно Бехтереву, устарело то мнение, согласно которому существует субстанционально различные, несводимые друг к другу материя, энергия и дух.

Это значит, что смерти человека в привычном нам понимании не существует. Биологическую смерть тела человека следует трактовать лишь как переход энергии из одного состояния в другое. При этом здесь нет и следа вульгарно-материалистического понимания этого перехода: «Ведь если бы наша умственная или духовная жизнь кончалась вместе с тем, как велемием рока обрывается биение сердца, если бы мы превращались вместе со смертью в ничто, в безжизненную материю, подлежащую разложению и дальнейшим превращениям, то спрашивается, чего стоила бы сама жизнь?»¹.

Универсальный закон сохранения энергии применительно к нервно-психической жизни людей, по Бехтереву, нужно понимать следующим образом: «Этот закон по отношению к данному предмету может быть выражен так: ни одно человеческое действие, ни один шаг, ни одна мысль, выраженная словами или даже простым взглядом, жестом, вообще мимикой, не исчезают бесследно»². Если энергия — основа любого процесса и она может только переходить из одного вида в другой, то сознание, по Бехтереву, нужно понимать следующим образом: сознание связано с задержкой нервного тока, который является преобразован-

¹ Бехтерев, В. Бессмертие человеческой личности как научная проблема / В. М. Бехтерев. Психика и жизнь. Избранные труды по психологии личности в двух томах. Том первый. С.-Пб.: «Алетейя», 1999. С. 225.

² Там же. С. 234.

ной физической энергией. Отсюда Бехтерев делает вывод: «...духовная сторона человеческой личности, если понимать под этим все вообще происходящие в ней субъективные процессы и тесно связанные с ними внешние проявления, в конце концов оказывается производной внешних энергий и является результатом задержки и, следовательно, наивысшего напряжения энергии в центрах»¹.

Бехтерев утверждает, что все действия, совершаемые человеком, влияют не только на него самого, но и на других людей, и это влияние не ограничивается настоящим моментом — оно длится и в будущем. Вот как поэтично выразился Бехтерев, в чем выражается закон сохранения энергии в общественной жизни: «Можно сказать, что ни один вздох и ни одна улыбка не пропадают в мире бесследно. Кто слышал последний вздох умирающего узника в тюрьме, а между тем этот вздох с проклятием на устах воскресает затем на улицах и митингах, в кликах составшего народа, проклинающего тиранов, гноивших в тюрьмах своих политических врагов»². Эти действия, «будучи воспринятыми другими, либо претворяются путем непосредственного подражания, внушаемости и усвоения в те или другие формы их нервно-психической деятельности, либо, встретив со стороны их противодействие, вызовут тем самым особую в них реакцию, словом, так или иначе отразятся на их последующей деятельности в окружающем мире»³. Благодаря такому превращению энергии, как полагает Бехтерев, личность человека не уничтожается после смерти, но продолжает жить вечно «как бы разлитой» «во всех тех существах, которые с ней хотя бы косвенно соприкасались»⁴. При этом, по мнению Бехтерева, собственное имя человека второстепенно по сравнению с тем, чем именно он запомнился в обществе. Бессмертие, о котором говорит Бехтерев, — это бессмертие импульсов нервно-психической энергии. Однако за этими словами нет дегуманизирующего пафоса: именно неизбежная смерть, согласно Бехтереву, придает смысл жизни, и поэтому так важно, чтобы человек перед смертью мог не жалеть о прожитой жизни, чтобы совершенные дела могли его утешить перед расставанием с жизнью.

Нельзя сказать, что такая точка зрения была общепризнанной. Так, из отечественных естествоиспытателей противоположной точки зрения придерживался И. И. Мечников: по его мнению, вопрос о бессмертии выходит за рамки научного понимания.

Мечников развивал идею ортобиоза, и Бехтерев критиковал его точку зрения: Бехтерев полагает, что с позиции Мечникова можно было бы утверждать, что большую ценность имеет долгая жизнь по правилам гигиены по сравнению с краткой жизнью человека, который, тем не менее, оставил значительное духовное наследство.

Если говорить о философских основаниях точки зрения Бехтерева, которая опирается на то, что материя, энергия и дух превращаются друг в друга, а не являются несводимыми друг к другу самостоятельными сущностями, то можно говорить о близости установок Бехтерева к философии махизма. Эта схожесть наиболее очевидна в текстах Бехтерева, посвященных объективной психологии, который могут быть полезны для прояснения некоторых положений о бессмертии личности.

Объективная психология, как ее разрабатывал Бехтерев, должна объяснять внешние проявления личности, как она реагирует на внешние воздействия¹ — в противовес субъективной психологии. Единицей анализа в объективной психологии является рефлекс — динамический механизм, лежащий в основе всех реакций человека. Таким образом, объективная психология изучает не психику, а поведение человека, которое складывается из рефлексов.

При этом Бехтерев в махистском духе отказывается от дуализма психического и физического и полагает, что физические законы могут объяснить социальные и психологические феномены. Как и в текстах о бессмертии, Бехтерев полагает, что физический закон сохранения энергии может быть экстраполирован в область психологии.

Популярность идей Маха и Авенариуса в начале XX в. — отдельная большая тема. Можно вспомнить философа и естествоиспытателя А. А. Богданова, разрабатывавшего эмпириомонистскую концепцию в махистском ключе. Интересно, что Институт мозга в Москве, который занимался по сути воплощением проекта Бехтерева, и Институт переливания крови, возглавляемый Богдановым, некоторое время находились в одном здании.

В пользу бессмертия человеческой личности Бехтерев выдвигает не только научные аргументы, но и этические. Первый аргумент, который приводит Бехтерев, именно этический: «В самом деле, к чему мне заботиться о других, когда все — и я, и они перейдут в «ничто» и когда вместе с этим «ничто» устраняется вполне естественно и всякая моральная ответственность. Смерть человека без вечного духа, которую признают все религии и в которую веруют все народы, разве не устраняет почву из-под всякой вообще этики и даже из-под всех стремлений к лучшему будущему?»².

¹ Бехтерев, В. Бессмертие человеческой личности как научная проблема С. 230.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 244.

⁴ Там же. С. 236.

¹ Бехтерев, В. Обоснование объективной психологии. С.-Пб., 1907. С. 14.

² Бехтерев, В. Бессмертие человеческой личности как научная проблема. С. 225.

К заботе о других и моральной ответственности Бехтерев призывает и в тексте редакции 1928 года: «Что же касается заботы относительно других, то стоит ли вообще об этом думать, когда все — и “я”, и “другие” завтра, послезавтра или когда-нибудь превратятся в “ничто”? Но ведь это уже прямое отрицание человеческих обязанностей, долга и вместе с тем отрицание всякой общечеловечности, неизбежно связанной с известными обязанностями»¹.

Этическое обоснование необходимости бессмертия личности занимает значительную часть текста в первой редакции, что нельзя с уверенностью сказать о второй версии. Этическую аргументацию в пользу бессмертия в первом тексте можно интерпретировать как антиатеистическую критику, ведь, по мнению Бехтерева, без веры в бессмертие (загробную жизнь) невозможно почувствовать ответственность перед всем человечеством. «Чем будет оправдываться добродетель, чувство долга, подвиг? На чем будет основываться человеческая совесть, и, наконец, возможна ли при таких условиях даже общечеловеческая духовная культура, ибо она предполагает духовный прогресс или совершенствование духовной личности человечества, а как оно возможно при полной духовной смерти отдельных личностей?»² — спрашивает Бехтерев. При отсутствии веры в бессмертие, как полагает Бехтерев, в человеке личные устремления возьмут верх над общечеловеческими идеалами, которыми и должен руководствоваться нравственный человек.

Для Бехтерева проблема обоснования, почему необходимо быть моральным, решается без привлечения религиозных аргументов. Это становится возможным благодаря бехтеревской трактовке бессмертия: «Ответственность за свои поступки и действия является совершенно естественной, если каждый поступок, каждый шаг, каждое слово, каждый жест, каждое мимическое движение и даже каждый произнесенный человеком звук не остаются бесследными, а так или иначе отражаются в других, претворяясь здесь в новые формы воздействия на внешний мир и передаваясь путем социальной преемственности будущим поколениям человечества»³.

В первой редакции текст завершается моральным призывом, не лишённым отсылок к религиозности: «стремиться к тому, чтобы все в нашей жизни было проникнуто божественным духом, следовательно, все

¹ Бехтерев, В. Социальное бессмертие личности / Мозг: структура, функция, психика. Избранные труды в 2 томах. Том 2. М.: ПОМАТУР, 1994. С. 778.

² Бехтерев, В. Бессмертие человеческой личности как научная проблема. С. 248–249.

³ Там же. С. 249.

общечеловеческое, гуманное и жертвенное нашло возможно полное отражение в нашем собственном существе и тем самым служило бы созданию лучшего человека в будущем»¹.

Бехтерев был крупным ученым, и после установления советской власти сохранил свою прочную позицию и научный авторитет. Этим объясняются риторические различия, отсылающие к различиям в политической обстановке до и после Октябрьской революции.

Так, в версии 1916 года приводит примеры героизма и человеческого отношения во время русско-японской войны, обороны Севастополя.

Во второй редакции текста Бехтерев добавляет фразы о «великих требованиях и железной логике законов исторического материализма»², о «работе человеческого гения за лучшие условия жизни и быта»³. Вот как изменилась трактовка вечного от первой версии ко второй: в первой вечное — это «плод бесконечного ряда предшествующих условий, созданных творческой рукой человека»⁴, во второй это «живое отражение экономических и бытовых условий, созданных историческим ходом эволюции производственных трудовых процессов»⁵.

Естественно, во второй редакции не было абзацев, апеллирующих к религии, о чем уже было сказано. В первом тексте Бехтерев приводит в пример мученическую смерть первых христиан «со словословием Божества на устах», мученическую смерть Яна Гуса «с молитвой на костре»⁶.

Если в первом тексте Бехтерев, говоря о множестве трагических смертей, которые сопровождают человеческую жизнь, упоминает убитых на полях сражений, родных, близких людей и даже просто знакомых⁷, то во второй редакции текста их заменяют «крупные ученые, работники и политические борцы»⁸. Очевидно, что первая редакция текста отсылает к времени Первой мировой войны, которая в советское время стала «империалистической», противоречащей интересам рабочих, и потеряла всякую историческую ценность. Во второй редакции нет отсылок ни к Первой мировой, ни к личным знакомствам: теперь нужно было стремиться обессмертить тех, кто наиболее полезен коллективным интересам.

¹ Бехтерев, В. Бессмертие человеческой личности как научная проблема. С. 252.

² Бехтерев, В. Социальное бессмертие личности. С. 783.

³ Там же. С. 783.

⁴ Бехтерев, В. Бессмертие человеческой личности как научная проблема. С. 244.

⁵ Бехтерев, В. Социальное бессмертие личности. С. 783.

⁶ Бехтерев, В. Бессмертие человеческой личности как научная проблема. С. 247.

⁷ Там же. С. 225.

⁸ Бехтерев, В. Социальное бессмертие личности. С. 778.

Не такие значительные изменения претерпели историко-философские аргументы, которые также присутствуют в обоих текстах Бехтерева. Нельзя не заметить, что первый текст более объемный по сравнению со вторым, и некоторые абзацы, предположительно, были исключены из второй редакции ради краткости. По этой причине, а также потому, что марксистская философия была признана единственно верной, во втором тексте Бехтерева отсутствуют упоминания В. С. Соловьева и Л. Н. Толстого, который в первой редакции был назван великим моралистом¹. В первом тексте религия, как и религиозная философия, были для Бехтерева теми инстанциями авторитета, откуда он мог заимствовать аргументы в пользу своей позиции. Однако в обеих редакциях текста Бехтерев придерживается точки зрения, что религия, да и философия, не могут дать окончательного ответа по поводу бессмертия личности и что в этом вопросе необходим научный подход.

Во втором тексте Бехтерев апеллирует уже не к религии (этого уже не могло быть в атеистическом государстве), а к коллективным обязанностям. В более позднем тексте религия противопоставляется науке. Обращение к коллективу у Бехтерева как нельзя лучше вписывалось в господствующий дискурс: в 1920–1930-е годы официальной установкой было преобладание интересов коллектива над интересами отдельной личности. Альтруистический посыл Бехтерева был удачно переведен на язык официальной идеологии.

В то же время стоящее в заглавиях обоих текстов слово «личность» к 1928 году имело, скорее, негативный смысл и отсылало к старому буржуазному порядку, противостоящему «новому миру», о строительстве которого, впрочем, в духе времени Бехтерев упоминает во втором тексте².

Свое понимание личности Бехтерев сформулировал в речи 1905 года на II Съезде русских психиатров в Киеве. В этой речи Бехтерев определяет понятие личности следующим образом: «личность с объективной точки зрения есть психический индивид со всеми его самобытными особенностями — индивид, представляющийся самостоятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям»³. Эта речь посвящена, скорее, гигиеническим и связанным с ними политическим проблемам, которые негативно отражаются на психическом и физическом здоровье людей. В обоих текстах о бессмертии личности говорится об усилиях для создания лучшего будущего с акцентом на нравствен-

¹ Бехтерев, В. Бессмертие человеческой личности как научная проблема. С. 226.

² Бехтерев, В. Социальное бессмертие личности. С. 778.

³ Бехтерев, В. Личность и условия ее развития и здоровья / Бехтерев В. М. Проблемы развития и воспитания человека: избр. психол. тр. М. : МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011.

ную составляющую — о «непрерывном совершенствовании своей собственной личности в соответствии с интересами общечеловеческого коллектива»¹.

Как отмечает социолог и исследователь советского периода А. Т. Бикбов, «коллективное» в 1920–1930-е годы стало символом нового стиля жизни². Это не могло не отразиться на состоянии науки: «В ходе философских и научных столкновений конца 1920-х годов статусом субъекта — в противовес “идеалистическому” (и буржуазному) индивидуалистическому пониманию — наделяется коллектив. Исход этих символических битв на территории социальных/гуманитарных наук особенно явствен в психологии, где условием сохранения “личности” как дисциплинообразующего понятия становится уход от подозрений в “идеализме” через ее переподчинение коллективу и социальному окружению»³. Этот тезис в полной мере применим и к Бехтереву, который, как и другие психологи своего времени, были заинтересованы в сохранении относительной автономии дисциплины, и это было сделано за счет символического переподчинения интересов личности интересам коллектива⁴.

Впрочем, Бехтерев не обошел вниманием и коллективную психологию: в работе 1921 года «Коллективная рефлексология» он определяет коллектив необычным и для раннесоветского порядка образом: коллектив — это собирательная личность. Бехтерев полагал, что проявления и закономерности, которые присущи личности, присущи и коллективу⁵. Такое определение с точки зрения официальной догмы вполне заслуживало обвинения в «индивидуализме», который отсылал к буржуазному миру, пусть даже в начале 1920-х годов оставалось достаточное пространство для нетривиальных подходов.

Говоря о текстах Бехтерева о бессмертии личности, нельзя не сказать о том, как идея Бехтерева воплощалась в жизнь.

Уже упоминавшийся Институт мозга в Москве и Институт мозга в Ленинграде, созданный Бехтеревым, — это учреждения, которые боролись за право создать Пантеон мозга выдающихся политических деятелей, деятелей науки, литературы, искусства⁶. Бехтерев был не первым,

¹ Бехтерев, В. Бессмертие человеческой личности как научная проблема. С. 252.

² Бикбов, А. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 197.

³ Там же. С. 218.

⁴ Там же. С. 195–231.

⁵ Бехтерев, В. Коллективная рефлексология. М., Пг., 1921. С. 13.

⁶ Подробнее см.: Спивак, М. Мозг отправьте по адресу... М. : Астрель, CORPUS, 2010. С. 46–62.

кто высказал идею создать институт по исследованию гениальности, включающее изучение мозга выдающихся личностей и их психологических и социальных характеристик по воспоминаниям друзей и близких, и музейный комплекс при институте, который бы выполнял просветительскую функцию, функцию пропаганды научного, материалистического мировоззрения. Изучение мозга гениальных людей, по задумке, должно было помочь реализовать идею о создании нового человека, для которого гениальность была бы привычной особенностью.

Неслучайно в тот же год, когда был открыт ленинградский Институт мозга, возглавляемый Бехтеревым, был перепечатан в новой редакции текст о бессмертии личности, который как раз начинается с сожаления об уходе выдающихся личностей. Бехтерев, выдвигая аргументы перед советским правительством и общественностью, сокрушался в «Известиях» не только об ушедших деятелях науки и культуры, но и о том, насколько нерационально после смерти человека не исследовать его мозг, а предавать земле вместе с телом. «Мы скорбим об умерших талантах, живших рядом с нами, вспоминаем об их великих заслугах перед СССР и в то же время не задумываясь предаем земле их творческий мозг на съедение червям. И ни в одном из случаев никто из близких к умершим не подумал сохранить для потомства их мозг — эту драгоценную часть человеческого существа, которая, собственно, и обуславливает творческую деятельность человека,»¹ — писал Бехтерев.

Что значат различия двух текстов одного автора, созданных с разницей в двенадцать лет? Несомненно, что Бехтерева нельзя упрекнуть в приспособленчестве или неискренности. Научные стремления Бехтерева нельзя ставить в прямую зависимость от политической конъюнктуры, пусть любому научному замыслу и присуща историческая и социальная обусловленность. В этом смысле Бехтерев ничем не отличается от любого другого ученого.

Библиографический список

Бехтерев, В. Бессмертие человеческой личности как научная проблема / В. М. Бехтерев. Психика и жизнь. Избранные труды по психологии личности в двух томах. Том первый. С.-Пб. : «Алетейя», 1999.

Бехтерев, В. Коллективная рефлексология. М., Пг., 1921.

Бехтерев, В. Личность и условия ее развития и здоровья / Бехтерев В. М. Проблемы развития и воспитания человека: избр. психол. тр. М. : МПСИ. Воронеж. МОДЭК, 2011.

¹ *Бехтерев, В.* О создании Пантеона в СССР // Известия. 1927. 19 июня. Цит. по: *Спивак, М.* Мозг отправьте по адресу... С. 48.

Бехтерев, В. О создании Пантеона в СССР // Известия. 1927. 19 июня.

Бехтерев, В. Обоснование объективной психологии. С.-Пб. : 1907.

Бехтерев, В. Социальное бессмертие личности / Мозг: структура, функция, психика. Избранные труды в 2 томах. Том 2. М. : ПОМАТУР, 1994.

Бикбов, А. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

Спивак, М. Мозг отправьте по адресу... М. : Астрель, CORPUS, 2010.

Турчин, А., Батин, М. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М. : БИНОМ, Лаборатория знаний, 2013.

Фролов, И. Призраки и иллюзии «вечной жизни» и «всеобщего воскрешения» / Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? / Отв. ред. Г. Л. Белкина; Ред.-сост. М. И. Фролова. Предисл. С. Н. Корсакова. М. : ЛЕНАНД. 2016.

Постконсерватизм¹

А. А. Воронин

Post-Conservatism

A. A. Voronin

Аннотация. В статье аргументируется тезис об антигуманистической направленности технократических проектов улучшения человека.

Ключевые слова: Конструирование, технократизм, гуманизм.

Abstract. This article argued thesis of anti-humanist orientation technocratic human enhancement projects.

Keywords: Construction, technocratism, humanism.

Чтобы понять, какие изменения ждут нас в самом недалеком будущем, воспользуемся лаконичной схемой, намеченной уже в основных чертах философами и историками техники (О. Тоффлер, Л. Мамфорд, А. Митчем и др.). Небуквальное воспроизведение их рассуждений может выглядеть так. Нам известны четыре крупные исторические хозяйственно-культурные эпохи, в основу каждой из которых были заложены типы преобразовательной деятельности человека. Одна следует за другой и несет в себе целостную, но не исчезающую при последующем движении конфигурацию. Просто следующие эпохи надстраиваются над предыдущими, включая их в целостность нового, более высокого порядка.

Исторически первая социально-культурно-экономическая формация выросла из преобразований веществ природы, или просто вещества, как общей категории предмета, на который направлена деятельность человека. Обработка исходного природного материала позволила создать могущественные империи, отстроить огромные и прекрасные города, выплавить из руды металлические орудия, создать музыкальные инструменты и культивировать утонченное искусство. Социальные организмы росли в полном соответствии с природными установлениями. Производственной ячейкой общества были сперва сельские поселения, с неолитическими порядками и культурой, затем она — уже они, во множественном числе и качестве, — переместились в города, образовав цеха, рынки и законы. Наука пришла к выводу, что в мире действуют причинно-следственные связи, что они образуют незыблемый порядок мироздания, и человек должен безропотно следовать Пути, Судьбе,

¹ Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 15–23–01008 «Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии»

Року или Закону, поскольку свет разума открывает ему путь успешного покорения природных стихий. Постепенно боги первоэлементов сплотились поначалу на Олимпе, а затем вообще договорились о единобожии. Человек создал на этой основе великую культуру, а великая культура создала, в свою очередь, великих людей, творящих величественные шедевры во всех областях жизни. Это была эпоха экспансии человека в кругу реальной, зримой природы, простиравшей свои границы вплоть до границы антропной, чувственной данности. Не случайно телескоп стал символом грядущей опасности, а его изобретатель — агентом враждебного будущего, выводящего познание и деятельность человека за границы простого чувственного восприятия. Церковь — очень чувствительный механизм фильтрации опасных нововведений, и она предлагала свои пути мироустройства. Но и она не смогла противостоять мощному движению, которое сегодня принято называть проектом Модерна. Почему проектом, кто его проектировал — уже не совсем понятно, но дело не в словах, а в фундаментальных качествах мира, кристаллизирующихся вокруг манипуляций человека веществами природы. Природы, находящейся вне человека, его организма. Характерно, что алхимия была одним из первых систематических способов превращать одни вещества в другие, и только изменение парадигмальных установок выдавило души элементов из реторт в стихи, и превратило алхимию в химию.

Следующая общественно-экономическая формация основана на покорении Энергии. Термин общественно-экономическая формация я употребляю не в смысле противопоставления «базиса» «надстройке», а в смысле их динамичного единства, где одно без другого невозможно — культура есть исток и результат бытия, а производство — исток и результат культуры. Вот как раз единство этих «противоположностей» и делает возможным рывок от манипуляций веществом к овладению тайнами производства, хранения и использования энергии. Эти тайны обретаются далеко за пределами простого чувственного восприятия, они скрываются равно как в цифрах, формулах и расчетах, так и в природных источниках, в которых за «видимостью» были открыты «сущности». Ветер, вода, мускульная сила и механизмы, их использующие, были известны еще на первых порах технических устройств. Но сила пара, но электрические цепи, радиосвязь, телефон, динамит и мощная артиллерия, и вообще оружие, способное погубить все живое на земле, — это невиданные возможности, представляемые послушной энергией в руках человека, руки которого перестали быть главным

орудием производства. Им стала «голова», то есть наука и основанная на науке техника. Именно эта «сладкая парочка» перекроила на свой манер и лад весь мир, который был таким «милым и уютным» до торжества индустрии и мегаполисов. Она же привела к гегемонии технократизма, дегуманизации, выбиванию из «проекта модерна» естественного света разума, единства истины, добра и красоты и прочих мерехлюндий. Итогом стали мировые войны и исчерпание прямолинейной веры в прогресс, модерн и всемогущество человека. Технократизм получил не только философско-теоретическую (например, у Ф. Юнгера¹), но и практическую квалификацию как оправдание преступлений против человека и гуманистических ценностей. В науке произошли сдвиги к неклассическим парадигмам в физике, логике и философии. В культуре это время называют декадансом. О.Шпенглер вместо прогресса провозгласил циклическую модель истории. Так или иначе, с идеей общественного прогресса было покончено. Возродилась она — в трагикомической форме — в псевдорациональных обоснованиях тоталитаризма — в итальянском фашизме, немецком национал-социализме и в мировом коммунизме². Прогресс твердо и беспелляционно утвердился в технике, кумулятивный эффект и коммуникативная природа которой³ преодолевал все и всяческие общественные, политические и культурные границы. Поэтому на технику смотрели и как на счастье, и как на беду — ее логика казалась многим проницательным наблюдателям совершенно чуждой логике людей и сообществ. Но только казалась.

Вчерашняя и отчасти сегодняшняя эпоха — время преобразований Информации. Характерно, что для нее (информации) нет до сих пор бесспорного определения, хотя она и лежит в основе производств, профессий, образов жизни, войны, развлечений, коммуникаций, образования, и говорят, что даже искусства (которому тоже нет больше общепринятого определения). Информация подчиняется уже не детерминистским законам, как вещество и энергия, описанием информационных событий становятся вероятностные и синергетические методы, строгость которых сравнима разве что с их неопределенностью. Наверное, неслучайно понятийная неразбериха, нелогичная «логика» жизни, неотличимость информационного мусора от информационных сокровищ, отсутствие общих правил и законов, хаотизация обществ и упадок институтов, и многое другое из этой же колоды, — обобщаются в слове по-

¹ Юнгер, Ф. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб. : 2002.

² Замечу, что общим у них было тоже своего рода ноу хау: партия и ее лидер знают, что надо людям и как этого добиться.

³ Об этом в моей предыдущей статье «От коммуникации к конструированию» в «Рабочих тетрадях по биоэтике». Вып. 22. С. 86–103.

стмодернизм. Идеологическая невнятица, употребление в пищу жизни ранее совершенно несъедобных материалов, деградация нормативной и ценностной регуляции — всего и не перечислить — возможно, связаны как раз со всеядными смыслами информации как носителя всего чего угодно, и это все что угодно переваривается культурой как питательная среда, заполняет органы и части духовного производства, и в качестве продукта жизнедеятельности, простите за выражение, выделяет высоты и низменности «современного искусства». Постмодернизм — это апофатическое определение, в этом его удобство — оно ничего никому не навязывает. И в этом же его принципиальная порочность — оно бессодержательно, оно даже границ своих не определяет и не обороняет. Понятное дело, такая идеология носит сугубо временный характер. Непонятно, что придет ей на смену, какие интеллектуальные ресурсы могут быть мобилизованы для позитивных «проектов».

Моделирование мышления, искусственный интеллект, биотехнологии и нейронаука — как говаривал в свое время К. Маркс про коммунизм: «это не будущее состояние общества, а реальный исторический процесс». Не так важно, что пока делаются только первые шаги в овладении тайнами мышления, работы мозга, создания аналогичных человеку технических устройств. Важно то, что уже есть площадка на которую уже поставило ножку «общество знания», что уже произошли существенные сдвиги как в проблемном поле, так и в организационном строении институций, имеющих дело с совершенно новым и практически непредсказуемым предметом воздействия — мозгом. То есть будущее уже наступило, но мы пока не можем про него сказать, как оно устроено, какими силами управляется и какими последствиями манит. А главное — грозит. Ясно, что это будущее потребует от человека и от общества (или сообществ, если говорить приземленнее) совершенно нового уровня самоорганизации, новых позитивных программ, новых оснований солидарности и согласия. Потребуется не столько защита человеческой природы от бесконтрольного «совершенствования», сколько высвечивания пределов, в которых допустимы и желательны интервенции в биологическую и личностную жизнь человека. И видимо появятся новые ментальные средства для описания и объяснения работы нейронной субстанции, новые приборы и новые принципы, не которых будут работать эти приборы. Квантовые компьютеры, биороботы, наномашинки, генные технологии могут существенно изменить сегодняшние представления о методах науки и технологий. Поскольку в саму ткань и предмета, и метода науки включены нормативные элементы — напомню, речь ведь идет о манипулировании человеческим организмом, — потребуется новый остов нор-

мативного мышления¹. Ценностные доминанты, придающие смысл всему дереву нормативности, должны будут, по всей вероятности, ориентированы на новые интерпретации базовых структур человеческого бытия.

Биотехнологии и конструирование мира и человека. Метод, начиная с Ф. Бэкона, всегда следовал за новыми постановками задач познания. Чтобы вернуться «назад к вещам», потребовалось заложить основы эмпирического метода. Чтобы понять, где пределы познания, И. Канту понадобился критический метод. Понять меняющийся мир Гегелю помогала диалектика. Эмансипация человеческого рода от отчуждения оказалась невозможной без диалектического материализма. Герменевтика казалась ключом к пониманию сознания человека и его культуры. И так далее. Впервые поменялись местами метод и задачи благодаря биотехнологиям — в них методы преобразования живой субстанции первичны по отношению к задачам, растекающимся в неопределенности результатов — как ожидаемых, так и неожиданных — использования биотехнологий. «Ноу хау» совсем не значит «ноу уот». Даже если задачи и были сформулированы за спиной широкой общественности, как это водится с разработкой эффективных средств уничтожения собратьев по разуму, все равно возможности применения технологий шире начальных замыслов. Поэтому неопределенность, неведение последствий, степень ответственности и вообще многозначность перспектив технологий возрастают сильнее, чем прежде, когда метод был ориентирован на задачи. Сначала ввяжемся, а там посмотрим... — эта установка блокирует предусмотрительную рефлексивность. «Иногда новые вещи быстрее делаются, чем понимаются», — приводят П. Д. Тищенко и Б. Г. Юдин сентенцию Р.Странда из его доклада от имени Центра изучения естественных и гуманитарных наук Бергенского университета на конференции «Эмерджентные технологии и права человека» в Страсбурге 4–5 мая 2015 г.² Если в эпоху преобразования энергии технический гений человека оказался настолько слепым, что привел к уничтожению огромного числа людей, то где уверенность в том, что техника, забравшись в тело человека, не наделает там еще худших бед? При этом, в доинформационную эру техника была сама по себе ин-

¹ На конкретном примере персонализированной медицины этот вопрос обсуждает О. В. Поповой: *Попова, О. В.* Этические стандарты развития персонализированной медицины // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 21: Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ). Сб. науч. ст. под ред. П. Д. Тищенко. — М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 84–96.

² *Тищенко, П. Д., Юдин, Б. Г.* Биоэтический анализ конвергентных технологий «улучшения» человека // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека. Сб. науч. ст./под ред. Б. Г. Юдина. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. 168 с. С. 16.

дифферентна к морали, к тому, как ее используют. Оружие служит как для нападения, так и для защиты, но само оружие не несет ответственности ни за нападение, ни за убийство, и не награждается в случае удачной защиты. Награждается за это человек. А здесь — наоборот, технология сразу прямо говорит — я буду изменять человека в лучшую сторону. А какая сторона лучше, какая хуже — это встроено в меня конструктором. Конструктором добра и зла. Так что я изначально несу в себе моральные нормы и ценности. Пример с допингом в данном контексте очень красноречив. Власть технологии над человеком, которых их применяет — и как объект воздействия, и даже как субъект воздействия, — становится явной и необратимой. «Биотехнологии наделяют человека властью в двух планах — в предметном плане инструментальных биотехнологических действий и социальном плане действия биотехнологов как ... агентов инновационной деятельности».¹ Технократический кошмар XX века, когда машины и роботы восстали против людей и победили, — отменен технократическими прожектами XXI века, куда более благими с виду и куда более непредсказуемыми и в то же время реальными — превращение самого человека в машину и в робота.

Меняет ли дело конструирование, которое принято считать воплощением изначально проясненного замысла и четко продуманными шагами?² Конструирование раздвигает границы возможностей человеческого организма, включая такую природную субстанцию, как мозг. Стирает границу между природным и искусственным, обещая и реально предоставляя человеку совершенствование телесных и ментальных действий. Но чем дальше расширяется горизонт «улучшений», и чем более изощренными становятся технологии «дополнения» человека, тем острее стоит вопрос о тождественности человека с самым главным, что делает его таковым — со свободой, выбором, спонтанностью и достоинством как ответственного субъекта морального, эстетического, творческого, экзистенциального самоопределения. Конечно, еще большой вопрос, — в каждой ли культуре эти ценности являются определяющими, нет ли в таких определениях европоцентризма, не навязано ли историческими обстоятельствами видение всеобщего там, где речь может идти всего лишь о частном. И не появится ли в недалеком будущем но-

¹ *Тищенко, П. Д.* Биотехнологии инхенсента: на пути к третьей утопии? // Рабочие тетради по биоэтике.

² *Стенин, В. С.* отвечая на вопрос о том, насколько правомерно приписывать природе свойства нами изобретенных конструкций, пишет: «Онтологизация конструкторов картины мира, допустимая в определенных границах, обнаруживает свою несостоятельность при выходе за эти границы» (См.: *Стенин, В. С.* Конструктивные основания научной картины мира. // Конструктивизм в теории познания. М.: ИФ РАН. 2008. С. 14). То есть представление о самом конструктивизме тоже исторически подвижны.

вая «этническая» общность «улучшенных людей», все мировоззрение которых будет полностью соответствовать технократическому проекту сконструированного человека?

Иными словами, дискуссионным остается вопрос о гуманитарной оценке конструирования человека. Естественно, высказываются различные точки зрения. П. Д. Тищенко утверждает, что «биотехнологический конструктивизм является выражением гуманистической идеологии», и даже что он «выражает внутренний смысл радикальных, технократических вариантов гуманизма»¹, выводит их родство из рационализма. Поскольку трудно согласиться с выводом, трудно также принять и посылку — рационалистические доктрины вряд ли могут считаться исчерпывающим философским самообоснованием человека. Ссылка на Сартра в данном случае не вытягивает этот тезис, поскольку Сартр не имел в виду внешнюю схему конструирования личности, а полагал ее внутри саморазвивающегося человека. Поэтому вызывает возражения также квалификация трансгуманизма вообще и проекта «Россия 2045» в частности как гуманизма. Впрочем, определений гуманизма накопилось уже предостаточно для того, чтобы у публики был выбор такого, которое соответствует его намерениям². Продолжу выписки из статьи П. Д. Тищенко. «Человек сам устанавливает свою цель... В этом самоустановлении цели выражается основной смысл конструирования человека как такового»³. А конструирует человек самого себя благодаря тому, что он использует «библиотеку элементарных технологических преобразований», в которую превратился массив научных знаний, то есть конструктор природы. Хотелось бы надеяться, что в такой библиотеке найдутся «элементы» экзистенциальных качеств, такие как достоинство, честность, доброта, альтруизм. Но они никак не подпадают ни под одну рубрику «технологических преобразований», вот в чем беда. Поэтому в процессе такого конструирования нет и не может быть места эмерджентному, принципиально новому, а есть только комбинации кирпичиков и элементов. Хотя... и из кирпичиков можно построить архитектурный шедевр. Но дело не в кирпичиках, а в целостности и креативности человеческой личности, которая «сама из себя» себя же и строит. Ну, по крайней мере, в идеале и до сегодняшнего дня так принято считать. Ну, еще одно ограничение — в западной христианско-атеистической культуре. Не знаю точно,

¹ Тищенко, П. Д. Экзистенциальный смысл биотехнологического конструирования человека. // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философски анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии. Сб. науч. ст./под ред. П. Д. Тищенко. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 5.

² Репрезентативный обзор по гуманизму: Черный, Ю. Ю. Современный гуманизм (обзор) // Философия в XX веке. Сборник обзоров в двух частях. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН. 2003.

³ Тищенко, П. Д. Экзистенциальный смысл... С. 10.

как именно формируются личности мучеников Аллаха, вряд ли они сами поднимаются до понимания их мученической миссии на земле и эротических наслаждений в раю.

Именно поэтому вызывает сомнения термин «улучшение человека». Поясняю. Улучшить — значит сделать лучше, но что значит улучшить? Вот тут начинаются развилки. Все разговоры об улучшении функций организма человека, мол, его бы хорошо избавить от болезней, врожденных уродств, наследственных недугов и проч. и проч. — какими бы гуманными аргументами ни прикрывались — оперируют представлениями об организме человека как об отдельно от его «души» существующем механизме, можно даже сказать, машине, — ну, сложно организованной, конечно, ну с неочевидными, но подразумеваемыми связями с его «личностью», но фактически тождественном техническому устройству, обеспечивающему жизнь духовную. И как с машиной, с телом можно обратиться в сервисный центр, там есть специалисты, они все как надо сделают. Дело в том, что эти разговоры вольно или невольно, сознательно или нет, ведутся на территории технократизма. Который уже много раз теоретически доказал свою прямую противоположность гуманизму, а практически многократно выливался в преступную игру власти с гражданами своей и не только страны. Чернобыль тому яркое, но не единственное свидетельство. Так, программа «Россия 2045» — типичный пример модернизированного технократизма, несмотря на солидную когорту философов гуманитарной ориентации в научном совете этой организации. Почему они вошли в этот совет, как они влияют на идеологию программы — для меня пока загадка.

Улучшить человека можно только улучшив его человеческие, а не организменные, качества: сделать его добрее, заботливее, честнее, порядочнее, ответственнее, умнее, смелее, свободнее... Это никакими пересадками или прививками не добиться. Наоборот, чем лучше будут оснащены лаборатории, тем хуже станет школьное образование — а зачем? Можно все исправить электродами! По крайней мере, риск такой есть. Страшно представить себе, что такую человеческую породу, как беспринципные карьеристы, улучшили по лекалам биотехнократизма — это будут самые уродливые, самые жуткие и эффективные слуги таких политических режимов, которые выносят из голов мозги и ставят на их место матрицы послушания.

Оговорюсь, что это совсем другое, чем сделать протез ноги, руки и глаза, вставить сердце, почку или ухо — тому, у кого их нет. Здесь речь не идет об улучшении человека, а о восполнении целостности его организма.

Скорее я бы согласился с мыслью, которую аргументирует Ф. И. Гиренок: философы «занимаются изображением пространства самопрезентации человека... Нас интересует не культурные и природные определения этого пространства, не социум, а свободное самоопределение человека. Только оно дает нам уверенность в том, что мы имеем дело не с обезьяной, может быть очень умной, а с человеком... В природе не существует гена смущения, ибо смущение — это не феномен социума и не феномен природы, а феномен самовоздействия человека»¹.

Еще одна сторона дела связана с тем, что биотехнологическое улучшение человека, сколь сомнительным оно бы ни было с точки зрения результатов, совершенно точно имеет под собой подоплеку прибыли, выгоды, профита. Принять моральную таблетку человека может побуждать не столько вера в медицину, сколько фармацевтическая фирма, заказавшая рекламу талантливому рекламщику. А вернее всего — партийно-идеологическая дисциплина, уродующая личность в угоду ложно понятого заединства и коллективизма. Ну, вот например, представьте себе «улучшение» депутатов госдумы нынешнего разлива. А ведь у них и кремлевка, и деньги, и власть, и все остальные возможности (вся страна под рукой) прикупить себе бессмертное и бессменное депутатство. Таким образом, технократизм реально угрожает новым основанием кастового деления общества — на улучшенных и на опущенных.

Так что социальной основой, контекстом и заказчиком проектов улучшения человека является идеология и практика утопического технократизма. А ссылки на то, что мол это на Западе началось, а не на Востоке, свидетельствуют только о том, что Запад и Восток — не противоположность, а единство. Хоть и непростое. Технократизм, в частности, общий недуг. В этом отношении РПЦ и «Россия–2045» — два сапога пара — дуэтом поют песню о благодати утопических способов управления паствой. Легче включить два хорошо опробованных механизма «социального управления» — репрессии и утопическую ложь о втором пришествии, или о вечной жизни без хлопот, чем осуществить провозглашенные (демагогически) цели социального государства, вернуться к демократическому разделению властей и отказаться от связанных с властью привилегий.

Одной из важных черт постнеклассической ситуации в науке и вокруг нее стало восприятие достижений науки и техники непрофессиональной средой, суд присяжных обывателей, которым и предназначена технаука. Если бы чернобыльцев спросили до стройки АЭС, готовы

¹ Гиренок, Ф. И. Существует ли что-то новое в философии о человеке? // Новое в науках о человеке. К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред. Сост. М. И. Фролова. М. : ЛЕЛАНД, 2015. С. 155.

ли они идти на риск катастрофы, надеюсь, они отказались бы. Так что слова из заявки: «Важным аспектом решаемой задачи является выявление и изучение того специфического социального контекста, тех ценностей и идеалов, которые делают возможным восприятие различных проектов улучшения и конструирования человека как поля не просто утопий и спекуляций, а актуальной технонаучной деятельности» ориентируют наши размышления на нынешнее положение вещей. А раз оценки контекстуальные, значит, они должны соотноситься с обстоятельствами места, времени и ресурсов. Кто спорит, позолотить себе шапки, как попы, или получить миллионы на исследования «можно ли жить вечно» здорово. Но когда люди мрут от голода, холода, от родов, прыгают с этажей от отсутствия лекарств, теряют больных детей от безденежья и прочее и прочее — пока будете спрашивать про вечную жизнь, у себя в стране жизнь превращается в пытку. Так входит ли этика в науку, или это просто модная тема?

Итак, возвращаясь к вопросу о будущем: конструктивное отношение к миру вносит изменения в понимание вектора, по которому человек идет к своему Завтра. Будущее не ждет, оно активно конструируется, оно становится плодом замыслов, организации, согласованной (и рассогласованной тоже) деятельности многих людей. И если уж Будущему суждено стать Проектом, если у человека появляется надежда на то, что История станет ему покорна, Настоящее осмысленно, а Будущее можно сотворить по лекалам добра, истины и красоты, — то... как представить себе рамку — ценностную, нормативную, организационную и т. п. — в которую подпадает вписать этот Проект? Мне хочется предложить термин «постконсерватизм» для идеологической доктрины, вероятной, востребованной и оправданной грядущими колоссальными рисками и перспективами, в которой будет разработан позитивный кодекс возможного и невозможного в имитации человека, его природы и его самости. Не звать назад к традициям, не ограждать человека от нового, а предлагать просторы для нововведений, опоясанные гуманизмом и безопасностью человеческого рода — вот как мне видится его самый общий абрис.

Практически все разговоры о границе как самом привлекательном объекте философской рефлексии связаны с попытками заглянуть за границы. Границы ведомого, представимого, понятного. Стремление понятное, за границами всегда интереснее. Но вот если партия и правительство за границу не пускают, надо смотреть по сию сторону границы, внутрь. Отбросив шутки в сторону, хочу подчеркнуть настоятельную необходимость подумать о том, как организовать и чем регулировать жизнь внутри уже сложившейся динамичной и чреватой бифуркация-

ми научно-культурной ситуации. Не за границами, а внутри них. Если мы фиксируем мощное влияние на человека складывающихся в обществе новых обстоятельств, то надо бы знать, как эти обстоятельства устроены и что именно и как они меняют в человеке. Три персонажа — устройство человека, устройство общества и их взаимодействие — обозначены, но совершенно не изучены. Пока нам доступны только поверхностные фиксации этого влияния, но недоступно понимание причин и механизмов «динамики» социума и внутреннего устройства человека, или того, что выступает как природа человека. И если мы заинтересуемся тем, что происходит внутри границ известного, представимого и желаемого, у нас будет шанс построить пограничные кордоны, за которые выходить либо опасно, либо просто неприемлемо. Речь идет о триаде «идеалы–ценности–нормы».

Библиографический список

Гиренок, Ф. И. Существует ли что-то новое в философии о человеке? // Новое в науках о человеке. К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред. сост. М. И. Фролова. М. : ЛЕЛАНД, 2015.

Попова, О. В. Этические стандарты развития персонализированной медицины // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 21: Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ). Сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 84–96.

Степин, В. С. Конструктивные основания научной картины мира. // Конструктивизм в теории познания. М. : ИФ РАН. 2008.

Тищенко, П. Д., Юдин, Б. Г. Биоэтический анализ конвергентных технологий «улучшения» человека. // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека. Сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 2015. 168 с.

Тищенко, П. Д. Биотехнологии инхенмента: на пути к третьей утопии? // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека. Сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. — М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 2015. С. 21–42.

Тищенко, П. Д. Экзистенциальный смысл биотехнологического конструирования человека. // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философски анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии. Сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. — М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2015.

Черный, Ю. Ю. Современный гуманизм (обзор) // Философия в XX веке. Сборник обзоров в двух частях. Ч. 2. М. : ИНИОН РАН. 2003.

Юнгер, Ф. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб. : 2002.

Назад в будущее: советские биотехнологические проекты конструирования человека¹

П. Д. Тищенко

Back to the Future: The Soviet Biotechnological Projects of Human Construction

P. D. Tishchenko

<https://www.youtube.com/watch?v=ST0IUyQoGw>
саундтрек к кинофильму «Назад в будущее»

The time is out of joint. O cursed spite
that ever I was born to set it right!

W. Shakespeare

Аннотация. Биотехнологическое конструирование нового человека рассматривается как проявление гуманистической идеологии, основные установки которой были заложены в эпоху Возрождения. Подчеркивается повтор иллюзий всемогущества, которые регулярно захватывают воображение ученых на протяжении последних нескольких столетий. В качестве характерного примера обсуждаются советские политические и биотехнологические проекты создания нового человека 20-х годов XX века.

Ключевые слова: конструирование человека, гуманизм, трансгуманизм, евгеника

Abstract. Biotechnological construction of the new human beings is considered as manifestation of humanistic ideology which main installations have been put in Renaissance. Repetition of illusions of omnipotence which regularly capture imagination of scientists throughout the last several centuries is emphasized. Examples of Soviet political and biotechnological projects of the beginning of the 20th century are discussed.

Keywords: construction of human beings, humanism, transhumanism, eugenics

Два принципиальных обстоятельства определяют мое обращение к поэтике слова и имажинативному плану проблемы биотехнологического совершенствования человека. Во-первых, несмотря на все грандиозные достижения современной науки, человечество пока лишь «грезит» о создании нового человека. Но это грезы наяву. Имажинативный

¹ Статья подготовлена по гранту РГНФ 15–23–01008.

план биотехнологического конструирования, который в рамках доктрины STS обозначается как «sociotechnical imaginaries»¹ является в темпоральной структуре св. Августина настоящим будущим, как состоянием души, данным в реальности чувства *ожидания*². Причем, этот чисто имагинативный план принимает непосредственное, весьма существенное участие в формировании и функционировании современных аппаратов социальной власти³. Во-вторых, предполагаю, что мысль как собственно-человеческое в человеке родилась в глубокой древности и *воз-рождается* в каждом человеческом начинании именно *поэтически*. Создание нового, более совершенного морально и физически человека была и остается навязчивой *поэтической фикцией* культуры, которая постоянно кристаллизуется (поэтически формируется) в локусе настоящего будущего (*ожидания*) новоевропейского человечества.

Назад в будущее как имагинативный проект. У фильма я заимствую немного. Во-первых, это смысловой *парадокс* словосочетания «назад в будущее», деконструирующий темпоральную идею протекания или эволюции как неизбежного перехода из одного состояния в другое, превращая (в результате деконструирования) время в *ресурс относительной координируемый повтором*. При этом нейтрализуются обе детерминистские идеи — детерминации прошлым и детерминации будущим. Нейтрализуются, но не снимаются, сохраняются в рассуждении как его ресурсная материя.

Во-вторых, мной заимствуется мелодия увлекательного приключения о чем свидетельствует ссылка на саундтрек популярного фильма, который в некотором смысле организует протоощущения (Э. Гуссерль) — фон рассуждения. Рассуждения вызывают интерес и приносят радость неожиданных поворотов мысли и открытий прежде всего рассуждающему, а потом уж, если повезет, то и читающему. Они не конструируются по плану из готовых фраз и предложений, а приключаются — разворачиваются в силу логики рассуждения и случайностей внутренней беседы души самой с собой, приводя к результату изначально этим раз-

¹ STS RESEARCH PLATFORM. SOCIOTECHNICAL IMAGINARIES URL: <http://sts.hks.harvard.edu/research/platforms/imaginaries/> (дата обращения. 12.11.2016)

² «Совершенно ясно теперь одно,- говорит Августин,- ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен: прошедшего, настоящего и будущего... есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего — это память; настоящее настоящего — это непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание».

³ *Jasanoff, Sh., Kim, Sang-Hyun, Sperling, St.* Sociotechnical Imaginaries and Science and Technology Policy: A Cross-National Comparison URL:<http://stsprogram.org/admin/files/imaginaries/NSF-imaginaries-proposal.pdf> (обращение 15.11.2016)

мышляющим непредусмотренному. И уж тем более, если созданному автором тексту повезет быть внимательно кем то прочитанным («любезным читателем» Е. Баратынского), то возникнет новое непредсказуемое приключение порождения смысла. Поэтому, к примеру, стоит почувствовать Карлу Марксу не в том, что он в «Капитале» не смог до конца выразить якобы возникшую и имевшуюся в готовом виде в его «голове» идею, а в том, что он (как кинозритель) так и не узнал (недосмотрел умным взглядом) — какой развязкой зачатые им рассуждения в его собственной душе закончатся. Идея — лишь завязка, нелинейно (немонотонно) связанная с фабулами рассуждений и их непредсказуемыми концовками... А уж какие невероятные приключения и авантюры претерпела рассуждающая речь, «выражающая» смысл марксизма в головах бесчисленных марксистов... — уму непостижимо. Поэтому, мне и хотелось бы, чтобы саундтрек фильма, вынесенный в качестве эпиграфа, настроил чтение на приключение... Вдруг кому-то из нас повезет...

Во-вторых, мной заимствуется риторическая сила аллюзии к знакому, благодаря популярности фильма, опыту переживания изменчивой природы времени как некоторой машины, с которой можно работать, с которой возможно что-то сделать, например, начинать движение с нужного момента, как и движение других машин. На машине времени герои фильма (Док Эмметт Браун, Марти Макфлай и другие) перемещаются по времени как своеобразной машине, постоянно вмешиваясь в движение ее шестерен, исправляя (улучшая) их бег. Так и мой исторический анализ представляет собой мысленное движение на машине времени во времени как машине. Хотим мы или не хотим, но ввязываясь в историю мы вольно или невольно видим ее через призму критической (в том числе и моральной) рефлексии, мысленно исправляя работу ее аппаратов. И оправдание и самая жесткая оценка правят историю не столько тем, что предлагают исправленные варианты событий, а тем, что в событиях раскрывают план *бытия в возможности* иного, более адекватного поступания. Перед лицом кажущейся неизбежности исторических катаклизмов критическая рефлексия выявляет, удерживает и оберегает от снятия план *собственно человеческого, аутентичного* присутствия в мире как бытия в горизонте еще только возможного бытия¹. Причем как и у героев фильма сюжеты путешествий

¹ Нам в бытии отказано. Всегда
И всюду путники, в любом краю,
Все формы наполняя, как вода,
Мы путь нашупываем к бытию...
Г. Гессе в переводе С. С. Аверинцева

к *первому по времени* (для конкретного рассуждения всегда особенно) не случайны. В них разыгрывается драма жизни мысли от завязки изумляющей проблемы к эйфории найденных ответов и далее — к неизбежной *трагической развязке*, предъявляющей *первое по бытию* — из-ничто-жающее и всепорождающее¹. Универсальную экзистенциальную структуру сюжетной линии поможет расшифровать В. Шекспир.

Эпиграф, заимствованный у Шекспира, указывает на парадигмальную структуру завязок приключений как театрального представления, так и человеческой мысли. Как и древнегреческое слово катарсис (*κάθαρσις*) обозначало в обиходе очищение желудка, так и словосочетание *out of joint* имело прежде всего медицинское значение, в данном случае — значение вывиха, который врач должен вправить (*to set it right*). В этом его (врача) злосчастная судьба (*cursed spite*). Сколько ни вправляй вывихи, ни лечи другие недуги — человек все равно обречен умереть... Медицинское значение в живом языке преобразуется в многоосмысленную метафору любой расстроенности событий и разорванности связей. Причем сама расстроенность играет роль завязки или триггера фабул мысли и действий, которые призваны «вправить вывих» связать то, что так или иначе пребывает несвязанно, а, предварительно, разъединить то, что неправильно «срослось», неверно соединилось.

Собственно так мы понимаем и наше мышление, которое призвано внести различие в кажущееся единство с тем, чтобы уловить в представшем множестве некий истинный порядок. Причем ответственность за это разборчивое собирание Шекспир приписывает человеческому «Я» — когда бы оно ни родилось (*that ever I was born*)... Если мы взглянем на историю философии и науки, то без труда увидим насколько неукоснительно мыслители в локальных рассуждениях и в развернутых текстах постоянно воспроизводят эту фабулу. Множество спутанных представлений должно быть распутано и следующим действием связано некоторой истинной, аутентичной или полезной связью.

Но почему же судьба этих опытов действия, мысли и познания «злосчастлива» (*cursed spite*)? Дело в том, что смысл, связывающий различные события и озаряющей сознание «Я» откровением истины, в момент

¹ Позитивная озоболенность делами, в том числе и письмо на заявленную тему, по инерции спешит мимо основных для философии вопросов, особенно в наше «ускорившееся» время... Даже несколько неудобно отвлекать деловитого читателя рассуждениями, которых потоком речи относит от тематически установленного форватера...

² Это «Я» неосторожно приписывать только Шекспиру. Оно — место-имение, т. е. пустое место в предложении для любого имени. Старые фотографии выставляли щиты с изображениями красивых мужских и женских фигур, оставляя овальную прорезь для головы, что б каждый мог вставить свою. Такую же роль дискурсивных прорезей в телесности художественнооформленной речи играют и местоимения. Я как пишущий сейчас и здесь всовываю свою голову в шекспировское «I», примеривая на себя судьбу шекспировского героя...

публикации умирает — гаснет. Произведение превращается в текст, еще только требующий своего осмысления в голове читателя. Так же умирает смысл событий, засвидетельствованных историческими документами... В этом трагизм любой претензии мысли на общезначимость (всеобщность)... Она фальсифицируется усилием мысли каждого другого «начинающего философа» (Э. Гуссерль), историка, драматурга или политика, да и просто каждого всегда по-своему читающего...¹

Собственно говоря, хотя у каждой из серий и у каждого из сюжетных пробегов фильма «Назад в будущее» есть свой «*happy end*», однако в следующей серии он фальсифицируется, счастье исчезает и становится недостижимой целью (линией горизонта). Возникает сериация сюжетных линий, которая за рамками трехсерийного кинофильма размножается в бесчисленных мультфильмах, комиксах, компьютерных играх, квестах и т. д. Иллюзорность счастья и постоянный повтор *злосчастья как начала нового усилия* желанья, мысли, действия, поступка, нового сюжета — такова человеческая судьба — *cursed spite*... и тот жизненный смысл, который остается в наших руках.

Этот повтор фальсификации состояния «*happy end'a*» и обнаружение в качестве пребывающего в бесконечных повторах остатка (своеобразной сути) — «злосчастную судьбу» и вывихнутые суставы времени — действует как радикальная феноменологическая редукция. Но исключает она (радикальная редукция через повтор) из сознания не только натуралистическую установку, но и все результаты опыта самосознания (само-усмотрения), удерживая место для изначального опыта бытия в мире как мучительного вопрошания о смысле самого этого бытия. Подходя к истолкованию этого опыта с позиции философской апофатки я назвал его опытом диастемы, т. е. опытом в котором любое системное представление мысли возвращается в лоно породившей его проблемы, в лоно *переживаемого* в неразличимости мыслимого (указывающего на мое присутствие) и чувствуемого (указывающему на присутствие другого и иного) изумления².

И еще одна аллюзия к фильму мне нужна. Несмотря на невероятность разыгрываемых событий, это *научная фантастика* (science fiction), освобожденная от расслабляющей разум мистики паранормальных и паранаучных фикций. В нем нет поттеровских волшебных палочек.

¹ Любкой цветок неотвратимо вянет
В свой срок и новым место уступает:
Так и для каждой мудрости настанет
Час, отменяющий ее значенье...

Г. Гессе в переводе С. С. Аверинцева

² Тищенко, П. Д. Мир — машина: система и диастема // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7. Отв. ред. Ф. Г. Майленова. М. ИФРАН, 2013. С. 190–209.

Все, что происходит связано с реальной или воображаемой машиной, которую изготавливает ученый — доктор Эмметт Браун. Поэтому, на основе этого фильма были созданы многообразные научные образовательные ресурсы.

Когда человек по-шекспировски осознает, что *the time is out of joint...*, то за ответом обращаются к ученым. Мир, в котором мы существуем, расчерчен и разграничен мерами, которые диктует наука. Ни ясновидец, ни шаман, ни муфтий, ни раввин или священник — свидетельствовать в суде как эксперты о том, что было или не было не могут. События, достоверность которых они переживают в своем опыте, в этом мире не достоверны. Собственно говоря, и универсальность самой науки, изнутри ее собственной рациональности, поставлена сейчас под вопрос. Но поставлена самой наукой не скептически на основе иррационализма, а вполне рационально, как осмысленный учет контекста, особенностей «точек зрения», специфики «приборов» регистрации и измерений, а так же языков теоретических описаний (идея неклассической науки)...

«Назад в “будущее” или парадокс целесообразного действия и повтор. Трагикомический аспект целесообразного действия, в частности действия, направленного на улучшение человека, мной уже обсуждался¹. Поскольку для меня важен результат этих рассуждений, то позволю кратко напомнить о чем идет речь, пересказав идею другими словами. Целесообразность обычно рассматривается как характеристика, отличающая собственно человеческое действие от реакций на внешние раздражители, которые мы разделяем с другими животными. Она составляет смысл различия между “сделал” и “сделалось”. С нею связывается рациональность действий. Она же составляет основу для морального вменения вины и ответственности причем в двух дополнительных аспектах прямого умысла и непредумышленного результата своего действия. Автомобилист может сбить пешехода умышленно и неумышленно (торопясь, потеряв управление и т. д.). И в том, и в другом случае мы ему приписываем ответственность за совершенное действие. Иное дело, если с автомобилистом случился инфаркт, он потрял сознание и машина убила другого человека. По сути, это будет уже несчастным случаем, ответственность за который мы не можем приписать непосредственно потерявшему сознание человеку. Он ничего не сделал, никак не поступил. Собственно и говорить «он» в данном случае будет

¹ Тищенко, П. Д. Экзистенциальный смысл биотехнологического конструирования человека (предисловие) // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М.: Издательство Московского гуманитарного института, 2015. С. 5–14.

неверно. Иными словами, целесообразность — важнейшая характеристика человека как действующего, как ответственно (хотя бы перед самим собой) поступающего.

Проблема с целесообразным действием в том, что цель, которую мы полагаем как свое *желанное будущее*, возникает или конструируется в нашем сознании *сейчас*. Это конструирование зависит от нашего *сейчас понимания* прошлого опыта и *сейчас осознания* будущего как цели, *сейчас опыта* припоминания и *сейчас опыта* ожидания будущего как желанного, страшщего и т. д. Оно зависит от синергии внимания, памяти и ожидания. Но как только цель *поставлена и пред-ставлена* в виде некоторой программы своего достижения, то для каждого последующего опыта *сейчас* осмысления она будет все больше и больше выступать как представление о *будущем* того “сейчас”, которое стало прошлым. То есть оно будет с неизбежностью устаревать, а само целесообразное движение, мнившее себя движением к светлому будущему, чем более самоотверженно мы будем привязаны к поставленным целям, тем более будет *движением не вперед, а назад* к устаревшим представлениям о будущем — целям и смыслам человеческого существования. *Стремясь в будущее мы постоянно заняты его припоминанием, впутывая речь в ситуацию маркированную словосочетанием «назад в будущее»*. Одновременно, оно (словосочетание) деконструируя однонаправленную темпоральную последовательность рассуждения, освобождает место для осмысления ситуаций, порождаемых желанием биотехнологически улучшить человека, в том числе и его моральные качества, как исторического *повтора*...

Меняются исторические ситуации, постоянно совершенствуется арсенал научных концепций и технологий, но из века в век, из десятилетия в десятилетие повторяются одни и те же иллюзии. Рассуждая о фабрикации фантома «Homo Immortalis» в современной культурной ситуации консьмеристского общества, Д. В. Михель пишет: «Не медицина его породила, его привели к жизни успехи медицинских практик, поспешно воспринятые как полная победа над смертью»¹. Мне кажется, что это формулировка релевантна не только для понимания генезиса фантома человеческого бессмертия, но и для понимания *целого спектра фантомных представлений (имажинативных фикций)*, которые связывают реальные успехи и вожаемую победу над смертью. Поспешность, порождающая фантомы, маячила и продолжает маячить за многими достижениями науки и биомедицины в частности.

¹ Михель, Д. Воплощенный человек. Западная культура, медицинский контроль и тело. Издательство Саратовского университета. 2000. С. 10.

Герой романа Мери Шелли, профессор Вальдман, ставший учителем Виктора Франкенштейна, так выражает этот общий повтор будучи вдохновлен успехами науки конца XVIII начала XIX в.: «Прежние преподаватели этой науки (меются в виду алхимики — П. Т.), — сказал он, — обещали невозможное, но не свершили ничего. Нынешние обещают очень мало; они знают, что превращение металлов немисливо, а эликсир жизни — несбыточная мечта. Но именно эти ученые, которые, казалось бы возятся в грязи и корпят над микроскопом и тигелем, именно они и совершили истинные чудеса. Они прослеживают природу в ее сокровенных тайниках. Они поднимаются в небеса; они узнали, как обращается в нашем теле кровь и из чего состоит воздух, которым мы дышим. Они *приобрели новую и почти безграничную власть*; они повелевают небесным громом, могут воспроизвести землетрясение и даже бросают вызов невидимому миру (курсив мой, П. Т.)»¹. Именно эту безграничную власть ученик профессора Вальдмана Виктор Франкенштейн использует для создания своего монстра. Интересно, что этот монстр, судя по всему, был полу-человеком, полу-животным, хоть Шелли и не акцентирует на этом внимание. Дело в том, что материал для его создания Франкенштейн собирал не только на кладбищах и в анатомических театрах (т. е. там, где можно было получить человеческие части тела), но и на скотобойнях.

Одним из «истинных чудес» того времени стало открытое Дж. Гальвани в 1780 г. «животное электричество». Воодушевленные этим открытием ученые развлекали публику сценами «оживления» трупов, пропускаемая через них гальванический ток. Мери Шелли так описывает источник темы своего произведения: «Творчество состоит в способности почувствовать возможности темы и в умении сформулировать вызванные ею мысли. Лорд Байрон и Шелли (муж М. Шелли, Перси Шелли — П. Т.) часто и подолгу беседовали, а я была их прилежным, но почти безмолвным слушателем. Однажды они обсуждали различные философские вопросы, в том числе секрет зарождения жизни и возможность когда-нибудь открыть его и воспроизвести. Они говорили об опытах доктора Дарвина (я не имею здесь в виду того, что доктор действительно сделал или уверяет, что сделал, но то, что об этом тогда говорилось, ибо только это относится к моей теме) — он будто бы хранил в пробирке кусок вермишели, пока тот каким-то образом не обрел способности двигаться. Решили, что оживление материи пойдет иным путем. Быть мо-

¹ Шелли, М. Франкенштейн, или Современный Прометей. Последний человек. Перевод З. Е. Александровой. Ладомир», «Наука», 2010. С. 38. URL: http://samlib.siwatcher.ru/m/merri_s/frankenshtejnilisowremennyjprometejposlednijchelovek.shtml (дата обращения 1.12.2016).

жет, удастся оживить труп; явление гальванизма, казалось, позволяло на это надеяться; быть может, ученые научатся создавать отдельные органы, соединять их и вдыхать в них жизнь»¹. Как видим вполне современная надежда. Особенное если учесть, что для «оживления» (стимуляции процессов клеточного деления) в современных технологиях клонирования тоже используют электрический ток. Франкенштейн совершил сборку человека из частей различных тел, а потом методом электростимуляции оживил. Современные биологи совершают сборку новой клетки из частей разных клеток, а затем так же оживляют ее (стимулируют деление) методом электростимуляции.

Отмечу, что посещая скотобойни, еще Декарт, как он полагал, уже хорошо освоил машину живого тела, чтобы стать лично бессмертным. К сожалению поспешно принял весьма ограниченное знание за истину саму по себе и — ошибся. Сама М. Шелли достаточно осторожна и не путает реальное и воображаемое, хотя среди ее современников (как и сегодня) вполне хватало и тех, кто ожидал успеха со дня на день. Недаром ходила прочная молва, что Э. Дарвин (дядя Ч. Дарвина), о котором идет речь в цитированном фрагменте, занимается этим от всех по секрету.

Через сотню лет наука вновь переживает *опьянение* от достигнутых успехов. Причем не только биологическая, но и социальная. Ниже будет показано как конструктивистская идеология проявилась в политических идеях большевизма и евгение начала XX в. А еще через сто лет, в начале XXI в. наука вновь впадает в эйфорию, опьянение от грандиозности своих достижений, порождая современные фантазмы трансгуманизма. Постоянно воспроизводится иллюзия обретения всемогущества. Постоянно кажется, повторю слова героя М. Шелли, что ученые «приобрели новую и почти безграничную власть». Невосприимчивая к нашим фантазмам реальность с неизбежностью фальсифицирует возникающие наяву грезы могущества, вызывая разочарование — своеобразный похмельный синдром, который новоевропейская культура купирует новой порцией опьяняющих открытий. На какое-то время забывается немощь научного разума и его неудачи. Мир вновь кажется просветленным знаниями и покорным человеческой воле... Но и это время проходит. Научные и социальные революции зарождаются, в некотором смысле, в ситуации отчаяния, переживания невозможности мыслить и жить по-старому. В ситуации мучительной экзистенциальной «ломки», из которой «спасает» лишь новая, более мощная доза опьяняюще-

¹ Шелли, М. Франкенштейн, или Современный Прометей. Последний человек. Там же. С. 13.

го переживания открытой «истины», обретенной «власти»... Причем, чтобы захватить души миллионов людей «открытая» «истина» должна быть соразмерна этим душам, столь же проста и, поэтому, доходчива...

Предполагаю, что идеологическую основу повтора опьянения полученной властью, которое с неизбежностью приводит к самым глубоким разочарованиям, опять же со временем подвергающимся амнезии за счет новых порций кружащих голову открытий и изобретений, составляет *проект человека*, или, что будет точнее, *представление о человеке как проекте*, которое было создано в эпоху Возрождения.

Дж. Пико дела Мирандола о предназначении человека. Биотехнологический конструктивизм вырастает на почве гуманистической идеологии, согласно которой человек не просто *в принципе* может¹, но и *должен* самостоятельно определить смысл своего существования и его жизненные формы. Причем не просто определить смысл, но и воспроизвести сущность и формы существования заново, на им же положенных и им же научно обоснованных основаниях. В этом его историческое предназначение, истоки которого явно прослеживаются с эпохи Возрождения.

В своей речи «О достоинстве человека» Дж. Пико дела Мирандола формулирует ряд принципиальных положений, которые остаются релевантными по сию пору. Приведу два. «И установил, наконец, лучший творец, чтобы для того, кому не смог дать ничего собственного, стало общим все то, что было присуще отдельным творениям. Тогда принял Бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: “Не даем мы тебе, о Адам, ни определенно места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению”². В этом высказывании наброшен культурный проект человека. Или скажу иначе — наброшена идея человека, задан *смысл его существования как открытого проекта само-изобретения*. Проект создается “лучшим из творцов”, но содержание творения оказывается пустым — неопределенного образа. Сюжет неопределенности человеческой природы является “сквозным” для философской антропологии. Бог Пико дела Мирандола не дает человеку ниче-

¹ Это «может» всегда ограничено, всегда определено, очерчено пределами исторически конкретного знания, а, следовательно, и могущества. Парадокс новоевропейской культуры в том, что трудно найти временной период, в рамках которого ученые не переживали бы состояния «вот-вот» познания основ бытия и полного овладения человеческой природой. От Декарта до наших дней это переживание нескончаемо повторяется и с новой силой звучит в современных посулах конвергентных технологий, редактирования генома и т. д.

² Пико дела Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека. Перевод Л. Брагиной / История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5-и т., Т. 1. М.: Искусство, 1962. С. 506.

го ничего общего с другими тварями, ничего “собственного”. Даже моральный закон, определяющий основу его человеческого существа он должен по кантовски открыть и обосновать его всеобщность — сам. Казалось бы телесность неразрывно связывает человека с животным миром. Но и в этом вопросе трансгуманистические проекты радикализуют гуманистический проект, ставя задачу создания новой, небиологической телесности человека.

Второй пассаж речи уточняет первый: “Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обзирать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь”¹.

Открытость человека как своего собственного проекта выражается прежде всего в негативной свободе от божественного предопределения. Все прочие существа предопределены в своем существовании установленными законами. Человек свободен — беспределен. Он сознает себя в центре мира как его (мира) властелин. Здесь явно просматриваются исторические предпосылки и антропного принципа физики, и антропоцентризма европейской этики и антропофинализма эволюционных идей. Весь мир находится в его распоряжении как огромный ресурс для творческого созидания. Можно сказать, что единственным определением, которое все же Господь дал ему является *творчество*. Остальное — и форму, и место человек как «великий мастер» должен сам создать в своей мастерской. Сам решить — быть ли ему смертным или бессмертным, «земным» или «небесным»? Вот вопрос, который его беспокоит. Он мучительно ищет содержание «самости», которую должен обосновать и произвести *сам*. В каком то смысле неважно, является ли этот поиск философским усилием само-обоснования или биотехнологическим — *само-конструирования*.

Экзистенциальным мотивом творчества как непрерывного усилия, направленного на преобразование себя является унаследованная от христианства неудовлетворенность собой. Земное существование в формах «ветхого человека», т. е. того существа, которое возникло в результате грехопадения должно быть преодолено на путях спасения. Однако в эпоху Нового времени неудовлетворенность собой радикально пре-

¹ Пико дела Мирандола Дж. Там же.

образуется, обмирщается. Бог в этой культуре умер, хотя миллионы людей продолжают ходить в церкви. «Бог умер». Это значит— «христианский Бог» утратил свою власть над сущим и над предназначением человека»¹. Он утратил, для человека, власть над сущим именно постольку, поскольку сам человек вознамерился, познавая законы природы, установить над этим сущим свою власть. Власть, которая становится главным человеческим предназначением. Поэтому, когда, к примеру, сегодня строятся грандиозные проекты биотехнологического улучшения человека (human enhancement), то смысл «улучшения» практически всегда сводится к наделению новой властью. Собственно человеческое в человеке начинает пониматься как *чистая воля к власти*, что приводит к радикальной *переоценке ценностей*. «Поскольку же “Бог умер”, мерой и средоточием для человека может стать только сам человек “тип”, “образ” человечества, которое берет на себя задачу переоценки всех ценностей в масштабах единственной власти воли к власти и настроено вступить в абсолютное господство над земным шаром»². Но в этой, постоянно длящейся переоценке ценностей, как опыте феноменологической редукции, заключающей все несущественное в скобки, все более отчетливо проступает основополагающая ценность — воля к власти.

«С переоценкой всех прежних ценностей человек встает поэтому перед безусловным требованием: беспредпосылочно, самостоятельно, самочинно и самообязывающе учредить “новую разметку поля”, в рамках которой должно происходить упорядочение сущего в целом по новому порядку»³. *Возникает новый мир*, вытребывающий нового устремленного на самого себя как предмет перманентного самопреобразования человека. Причем этот мир и этот человек новые не только потому, что раньше таких не было, что можно сказать о любом времени, но прежде всего потому, что лишь в новации, прорыве, проекте, экзистировании во вне себя он переживает достоверность своего бытия. Неважно, является ли некто прогрессистом или традиционалистом, в любом случае им движет страстная неудовлетворенность собой, принуждающая творить по свое собственной мерке новое — новое будущее или новое прошлое. Традиционные ценности как они воображаются сегодняшними традиционалистами разительно отличаются от традиционных ценностей наших дедов и прадедов. Аналогично, любые новые ценности устаревают столь же стремительно и с неизбежностью попадают в новоевропейскую машину «переоценки ценностей».

¹ Хайдеггер, М. Европейский нигилизм. Пять главных рубрик в мысли Ницше / Время и бытие: Статьи и выступления. Пер. В. В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 64.

² Хайдеггер, М. Там же. С. 67.

³ Хайдеггер, М. Там же.

В обезбоженном мире новоевропейской науки идея спасения замещается двумя дополняющими друг друга идеями «свободы» и «здоровья», через которые и под видом осуществляет себя в делах и поступках людей *воля к власти*. В идее политической свободы это связь лежит на поверхности. Не менее различима она и в философской идее самообоснования разума. В стремлении к достижению здоровья так же правит воля к власти. В телесных страданиях (болезнях) перед человеком предстает его собственная «жизнь стесненная в своей свободе» (К. Маркс). Поэтому он стремится освободиться от патологических агентов через установление власти над природой своего тела и природной средой обитания. Наука обеспечивает волю к власти необходимым арсеналом знаний и могущества.

Мне представляется, что именно из этих установок новоевропейской культуры на протяжении последних трех столетий вырастают многочисленные проекты содания нового человека.

Советский проект создания нового человека. В тигле революционных событий 1917 г. на руинах старого мира в кровавых потугах рождался новый мир, который вытребывал нового человека. Поэтому, не случайно, что почти сразу же в советской республике стали возникать самые разнообразные проекты формирования человека будущего. Огромную роль для создания общего творческого настроения, инициирования духа экспериментирующего отношения к реальности сыграло авангардное искусство 20-х гг. Неслучайно, что крупнейший отечественный историк науки В. В. Бабков начинает свой фундаментальный труд по истории советской генетики и евгеники¹ с описания художественных опытов авангардистской живописи Казимира Малевича. Эксперименты шли практически повсеместно: в политике, педагогике, театральном искусстве, литературе, живописи, музыке, архитектуре, психологии, технике и т. д. и т. п. В этом бурном потоке творческой энергии меня интересует три переплетающихся направления проектирования человека будущего: политический, биотехнологический (евгенической), биосоциотехнологический (ГУЛАГ).

Политическое конструирование нового человека. Поскольку человек для большевиков мыслился прежде всего как социальное существо, как ансамбль общественных отношений, то построение нового коммунистического общества выступало как одновременное создание нового человека. Размышляя об основных задачах пролетариата в период перехода от старого общества к новому, один из основных теоретиков большевиз-

¹ Бабков, В. В. Заря генетики человека. М.: Прогресс-традиция, 2008. 816 с.

ма Николай Бухарин писал: «Жестокий опыт жизни показал, что прав был Маркс, когда он заявлял: «Мы говорим рабочим: вам придется пережить 15, 20, 60 лет гражданских войн и битв народов, не только чтобы изменить общественный строй, но чтобы изменить и себя самих»¹ (курсив мой — П. Т.). Его теоретический оппонент Л. Д. Троцкий так поэтически описывал идеал создания нового человека: «Человек примется, наконец, всерьез гармонизировать себя самого... Он захочет овладеть полубессознательными, а затем и бессознательными процессами в собственном организме: дыханием, кровообращением, пищеварением, оплодотворением — и, в необходимых пределах, подчинит их контролю разума и воли. Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно — экспериментальной. Человеческий род, застывший homo sapiens, снова поступит в радикальную переработку и станет — под собственными пальцами — объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки... Человек поставит себе цель овладеть собственными чувствами, поднять инстинкты на вершину сознательности, сделать их прозрачными, создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно — сверхчеловека... Человек станет несравненно сильнее, умнее, тоньше; его тело — гармоничнее, движения ритмичнее, голос музыкальнее. Формы быта приобретут динамическую театральность. Средний человеческий тип поднимется до уровня Аристотеля, Гете, Маркса. Над этим кряжем будут подниматься новые вершины».²

В приведенном фрагменте звучит явная аллюзия к возрожденческому идеалу гармонично развитого человека. Каков же путь по Троцкому достижения этого идеала? Во-первых, *это установление рационального контроля* над бессознательным человека, которое в своей неуправляемости несет угрозу планам рационального конструирования человека и, что не менее важно, планомерного строительства нового общества. Так же как в промышленности человек покоряет природу, он должен покорить свою биологическую природу — сделать свои инстинкты «прозрачными», поднять их на уровень сознания. Троцкий был пропагандистом развития психоанализа в СССР. Благодаря его активной поддержке издавались труды З. Фрейда. Активно развивалось фрейдистское общество. Идеи психоанализа использовались не только в медицине, но и в педагогике для образования человека новой социалистической формации.

¹ Бухарин Николай Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса. М. : Гос. Изд-во, 1920. С. 5.

² Троцкий, Л. Д. Литература и революция. М. : Гос. изд-во. 1924 г. С. 193–194.

Даже чисто физиологическая жизнь по Троцкому должна стать коллективно-экспериментальной, т. е. не просто индивидуалистические эксперименты ученых во имя корыстных целей, а экспериментирование, имеющее целью формирование в человеке коллективистского начала, реализацию целей общественного контроля над отдельным человеком. При этом он (Троцкий) чувствовал, что наука дала ему все необходимые средства для реализации этих высоких целей. Маркс открыл законы общественного развития, опираясь на которые большевики строили планы переделки общества. Фрейд открыл сферу бессознательного и создал арсенал практических приемов его контролирования. Дарвин открыл законы эволюции и дал в руки средства евгенического улучшения человека — отбор. Мендель открытием феномена наследственности создал обоснование евгеники. Физиологи (И. В. Павлов, В. М. Бехтерев и др.) разработали средства психо-физической тренировки. Вся эта мощь научного разума превращает человека в «бога». У Троцкого явно просматривается аллюзия к знаменитой скульптуре О. Родена — «Рука Бога», вылепливающая из глины возможностей человека. Причем не просто некоего человека, а Человека. Практически «сверх-человека», который выступит в буквальном смысле и как «свободный и славный мастер» (Пико делла Мирандола), создающий самого себя, и как качественно улучшенное социальное (историческое) и как биологическое существо.

Пути реализации политических идей большевизма в области создания человека социалистического общества были, как уже отмечалось, разнообразны. В 20-е годы и в науке, и в искусстве, и в архитектуре было разработано немало смелых экспериментирующих конструктивистских проектов, которые так или иначе пытались задать основные контуры, создать новые, не искаженные традициями, лекало производства будущего человека социалистического общества. Опыление властью и политической, и научно-технологической выступало характернейшей чертой большевистских проектов. По сути, перед нами серия прото-трансгуманистических проектов, из которых интерес для моей темы представляют два основных варианта — перевоспитание с помощью принудительного труда (система ГУЛАГА) и евгенические проекты.

Советские евгенические проекты. В плане проблем биотехнологического конструирования человека наибольший интерес представляет советская евгеника. Н. К. Кольцов отмечает важную евгеническую функцию Революции — она предоставляет возможность продолжить свои генетические задатки людям, которые при прежнем режиме этого сделать

не могли. Он в частности пишет: «Не менее сложно обстоит вопрос и об евгеническом значении революции. В еще большей степени, чем война, революция является толчком к развитию, гранью между культурными эпохами. Самое ценное в евгеническом смысле то, что во время революции и после ее производится переоценка ценности отдельных граждан, и люди, которые при обычных условиях не могут выкарабкаться на поверхность и проявить себя во всей силе своих наследственных талантов, в период бурного переворота имеют больше шансов выплыть на поверхность и, как выражаются генетики, проявить фенотипно свой генотип», чтобы затем сделаться родоначальниками более многочисленных одаренных потомков»¹. Революция стихийно, с огромными жертвами и потерями улучшает биологические качества человеческой популяции. Евгеника, опираясь на мощь генетически обоснованного метода подбора производителей, может проделать работу улучшения человека более эффективно. Человек для Н. К. Кольцова такое же биологическое существо как и куры. Именно на примере создания новой породы кур он демонстрирует эффективность селекционного метода. Поэтому, так же как можно подбирая производителей создать новую полезную породу кур, можно, в принципе, создать новую породу людей. Он в частности пишет: «Наука об улучшении пород животных называется зоотехнией; наука об улучшении человеческой породы, обычно называемая евгеникой, может быть названа также антропотехнией, так как она является не более, как отделом зоотехнии. Только вследствие различных побочных затруднений и осложненных методов евгеники несколько отличаются от методов зоотехнии, но мы можем представить себе такие условия, при которых человеческая природа могла бы быть улучшена теми же способами, которыми современный зоотехник улучшает породы домашних животных».² Для профессора их «бывших» отличие антропотехнии от зоотехнии «в различных побочных затруднениях», необходимость учета которых разоблачает «буржуазные» предрассудки Н. К. Кольцова, как и его большевистствующего немецкого коллеги Г. Меллера.

Сталин совершенно неслучайно поддержал Т. Д. Лысенко в споре с генетиками. Почему проекты Кольцова или Меллера можно на языке того времени смело назвать «буржуазными»? Дело в том, что высшей ценностью евгенического преобразования ими рассматривалось формирование творческих способностей человека, а личная свобода — тем,

¹ Кольцов, Н. К. Революция / Кольцов, Н. К. Улучшение человеческой природы. Петроград, 1923. URL: <http://oleg-devyatkin.livejournal.com/60218.html> (дата обращения 01.12.2016)

² Кольцов, Н. К. там же.

что нельзя было принести в жертву. Для Кольцова было естественным чисто «буржуазное» представление о том, что на людях экспериментировать нельзя. Реализация евгенических проектов для него могла быть только добровольной, учитывающей неизбежное стремление человека к сексуальной свободе, к возможности выбирать партнеров только по любви. Недобровольный евгенический подбор производителей Кольцов рассматривает только в таких сообществах где существовало рабство или, проводя мысленный эксперимент в стиле Г. Уэлса, в случае прилета на землю инопланетян, которые заведомо обладают более высокой степенью интеллектуального развития чем человек и начнут «одомашнивание» последнего, создавая полезные для себя породы.

Но основа представлений Кольцова та же, что и у большевистских конструкторов нового человека — вера в могущества человека. Причем могущества не того, которое через много лет человек приобретет в результате научно-технического прогресса, а могущества тех методов, которые у человека есть уже в руках. Это прежде всего метод искусственного отбора (подбора), основанного на дарвиновских и менделевских идеях. Первая треть XX в. просто охвачена опьянением от достигнутых научных знаний, разработанных технологий. Американские, немецкие, российские, французские, английские и иные биологи совершенно убеждены, что власть над жизнью в их руках. Пройдет сотня лет и эйфория ученых той эпохи будет с позиции науки начала XXI в. выглядеть ничем не обоснованной фантазией. Хотя для Кольцова и его современников истина дарвинизма и могущество искусственного отбора очевидны. Даже прилетевшие марсиане, на много опередившие человека в своем развитии, используют отбор как метод создания новых пород наиболее полезных для себя людей, среди которых наибольший интерес представляют рабочие и мастера. В то время как ученые интереса не представляют — своих мозгов более чем достаточно. В этом не трудно заметить намек на решающую роль пролетариата, «сознательность» которого в соответствии с большевистскими представлениями выражалась в отказе от сознания и свободной воли, в дисциплинированном выполнении приказов вождей. Как и марсеане последние практически не нуждались в старорежимной творческой интеллигенции. Стране нужны были дисциплинированные «винтики» для создания новой государственной машины.

Однако, несмотря на свои «буржуазные» предрассудки о свободной воле и достоинстве человека, не позволяющем проводить на нем недобровольные эксперименты, Кольцова объединяет с большевиками общая для эпохи иллюзия могущества. Кольцов подчеркивает: «Пусть нас

не смущает слишком далекий взлет нашей фантазии. Повторяю, для нашей утопии вместо того, чтобы выдумывать несуществующих марсиан, было бы достаточно предположить, что законы Менделя были бы открыты всего веком ранее: русские помещики и американские рабовладельцы, имевшие власть над браками своих крепостных и рабов, могли бы достигнуть, применяя учение о наследственности, очень крупных результатов по выведению специальных желательных пород людей ко времени освобождения крестьян и негров»¹. И далее он продолжает: «Я развернул эту фантастическую картину для того, чтобы показать, что, по убеждению современного биолога, разведение новой породы или пород человека подчиняется тем же законам наследственности, как и у других животных, и что единственным методом этого разведения может служить лишь подбор производителей, а отнюдь не воспитание людей в тех или иных условиях»².

Очевидные для эпохи евгенические представления собирался поставить на прямую службу большевизму один из ведущих генетиков той поры — Герман Меллер. В письме И. В. Сталину он отмечает, что вопрос об использовании евгеники для целей построения социализма «несомненно таков, что он должен быть изложен в первую очередь лично Вам. С одной стороны потому, что он заключает в себе безграничные возможности прогресса. А с другой стороны для суждения о нем необходима Ваша дальновидность, и Ваше умение реалистически применять диалектическую мысль.

Дело касается ни более ни менее как сознательного контроля над биологической эволюцией человека — то есть контроля человека над наследственным материалом, лежащим в основе жизни в самом человеке»³.

Хотелось бы и здесь обратить внимание, что речь идет в евгеническом плане создания нового человека о «сознательном контроле» над биологической эволюцией человека. Это *общее место* идеи власти, лежащей в основе любой формы проектов конструирования человека. Социализм с его диктатурой пролетариата и тотальным контролем предоставляет, по мнению Меллера, особо благоприятные условия для реализации евгенических программ.

«В противовес ... буржуазным извращениям, генетики, принадлежащие к левому крылу, признают, что только социалистическая экономи-

¹ Кольцов, Н. К. Улучшение человеческой природы. Петроград, 1923. URL: <http://oleg-devyatkin.livejournal.com/60218.html> (дата обращения 01.12.2016).

² Там же.

³ Письмо Германа Мёллера — И. В. Сталину. Публикация Ю. Н. Вавилова, предисловие к публикации И. А. Захарова. URL.: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/letters/meller.htm> (дата обращения 26.12.2016).

ческая система может дать материальную базу и социальные и идеологические условия, необходимые для действительно разумной политики в отношении генетики человека, для политики, которая будет руководить человеческой биологической эволюцией в социально-желательном направлении»¹.

Причем Меллер не ограничивается чисто биологическим изменением природы. Он настаивал на комплексном подходе к конструированию новой большевистской породы человека: «Человеческая порода не неизменна и не неспособна к улучшению и это так же справедливо в генетическом, как и в социальном смысле. Не пустая фантазия, что посредством сочетания благоприятного воспитания и общественных и материальных преимуществ, которые может дать социализм, с одной стороны, с научным применением генетики, освобожденной от буржуазных общественных и идеологических оков, с другой стороны — возможно будет в течение лишь нескольких поколений наделить даром даже так называемого «гения» практически каждого отдельного индивидуума — поднять фактически всю массу на уровень, на котором сейчас стоят наши, наиболее одаренные индивидуальности...»². Правда и Меллер, как и Н.К.Кольцов, несмотря на свой большевизм предпочитал использовать добровольные методы, к которым он относил и методы искусственной инсеминации для незамужних женщин, а так же замужних, но не желающих физически изменять своим мужьям. В результате планомерной работы советского государства: «Многие матери завтрашнего дня, освобожденные от оков религиозных предрассудков, будут горды смешать свою плазму с плазмой Ленина или Дарвина, и дать обществу ребенка, наследующего их биологические качества»³.

Так же как и Кольцов, Меллер, чисто по-буржуазному считал социально-желательными творческие способности человека. Как классово чуждый элемент он был не понят Вождем народов, которому нужны были не гении, а винтики для громадной машины тоталитарного государства. ГУЛАГ или макаренковская педагогика были куда более подходящими инструментами создания нового человека. Уничтожение советской генетики как буржуазной лже-науки естественно сделало неактуальными советские евгенические проекты создания нового человека... Однако, прошло сто лет и идеи управляемой эволюции, уже

¹ Письмо Германа Мёллера — И. В. Сталину. Публикация Ю. Н. Вавилова, предисловие к публикации И. А. Захарова. URL.: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/letters/meller.htm> (дата обращения 26.12.2016).

² Там же.

³ Там же.

не на основе искусственного подбора производителей, а на основе достижений кибернетической революции, вновь поставлены на повестку дня в проектах современного трансгуманизма...

Библиографический список

- Бабков, В. В. Заря генетики человека. М. : Прогресс-традиция. 2008. 816 с.
- Бухарин Николай Экономика переходного периода. Часть 1. Общая теория трансформационного процесса. М. : Гос. Изд-во, 1920.
- Кольцов, Н. К. Улучшение человеческой природы. Петроград, 1923. URL: <http://oleg-devyatkin.livejournal.com/60218.html> (дата обращения 01.12.2016).
- Михель, Д. Воплощенный человек. Западная культура, медицинский контроль и тело. Издательство Саратовского университета. 2000. 204 с.
- Письмо Германа Меллера И. В. Сталину. Публикация Ю. Н. Вавилова. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/letters/meller.htm> (дата обращения 02.12.2016)
- Тищенко, П. Д. Мир — машина: система и диастема // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7. Отв. ред. Ф. Г. Майленова. М. : ИФРАН. 2013. С. 190–209.
- Тищенко, П. Д. Экзистенциальный смысл биотехнологического конструирования человека (предисловие) // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 2015. С. 5–14.
- Троцкий, Л. Д. Литература и революция. М. : Гос. Изд-во, 1924 г. С. 193–194. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/letters/meller.htm> (дата обращения 02.12.2016)
- Хайдеггер, М. Европейский нигилизм. Пять главных рубрик в мысли Ницше / Время и бытие: Статьи и выступления. Пер. В. В. Бибихина. М. : Республика, 1993.
- Шелли, М. Франкенштейн, или Современный Прометей. Последний человек. Перевод З. Е. Александровой. Ладомир», «Наука», 2010. С. 38. URL: http://samlib.siwatcher.ru/m/merri_s/frankenshtejniliisowremennujprometejposlednijchelovek.shtml (дата обращения 1.12.2016)
- Шелли, М. Франкенштейн, или Современный Прометей. Последний человек. Там же. С. 13.
- Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека. Перевод Л. Брагиной / История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5 т., Т. 1. М. : Искусство. 1962. С. 5.
- STS RESEARCH PLATFORM. SOCIOTECHNICAL IMAGINARIES URL: <http://sts.hks.harvard.edu/research/platforms/imaginaries/> (дата обращения. 12.11.2016)
- Jasanoff, Sh., Kim, Sang-Hyun, Sperling, St. Sociotechnical Imaginaries and Science and Technology Policy: A Cross-National Comparison URL: <http://stsprogram.org/admin/files/imaginaries/NSF-imaginaries-proposal.pdf> (обращение 15.11.2016)

Когнитивное усовершенствование человека¹

О. В. Попова

Cognitive human enhancement

O. V. Popova

Аннотация. Статья раскрывает основные тенденции применения психостимуляторов в современном мире, демонстрирует разницу между терапевтической и косметической психофармакологии. Также в статье рассмотрены ключевые эτικο-антропологические проблемы использования когнитивных усилителей в целях оптимизации человеческого существования, улучшения.

Ключевые слова: когнитивное усовершенствование, нейротехнологии, психостимуляторы, синдром дефицита внимания и гиперактивности

Abstract. The article reveals the basic tendencies of the use of psychostimulants in the modern world, demonstrates the difference between therapeutic and cosmetic psychopharmacology. The article also examines the key ethical and anthropological problems of the use of cognitive enhancers in order to optimize human existence.

Keywords: cognitive improvement, neuroscience, psychostimulants, attention deficit hyperactivity disorder, ADHD

В последние годы тренд усиления человека в целом, и его когнитивных способностей, в частности, становится все более выраженным. Более того, как об этом свидетельствуют объем продаж различного рода фармакологических средств-усилителей концентрации внимания, памяти, работоспособности и когнитивных навыков, даже угрожающим.

Под когнитивным усовершенствованием человека понимается усиление или расширение ключевых свойств сознания (мощности интеллекта) путем совершенствования или увеличения внутренней или внешней системы обработки информации².

Спектр методов и технологий, обеспечивающих выраженный эффект когнитивного улучшения, предельно широк. Он включает в себя не только медицинские вмешательства, но и психологические вмешательства (например, использование техник гипноза и самогипноза), но также улучшение технологических и институциональных структур,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РФНФ, грант № 15–03–00818.

² Bostrom, Nick. Sandberg. Anders Cognitive Enhancement: Methods, Ethics, Regulatory Challenges [Electronic data] // Sci Eng Ethics. 2009. 15. P. 311–341. URL: <http://www.nickbostrom.com/cognitive.pdf> (Дата обращения 27.10.2016)

обеспечивающих полноценное развитие индивида. Вместе с тем, все чаще понятия когнитивного улучшения, усовершенствования, нейроусиления (нейрэнхансмент) используются в узком значении, подразумевающим использование фармацевтических средств в целях улучшения когнитивных функций у человека с когнитивными способностями, соответствующими среднестатистической норме.

«Умные лекарства» относятся к лекарственным препаратам, которые принимаются не для лечения конкретного заболевания, а для «повышения» когнитивных функций сверх того, что, как правило, считается нормальным у человека¹. «Умные лекарства» относят к области «косметической психофармакологии» (термин, введенный Петром Крамером)².

В отличие от терапевтической психофармакологии «косметическая психофармакология» направлена не столько на устранение патологий, боли, или уменьшение страданий, сколько на улучшение когнитивных свойств человека. То есть в этом случае терапия не носит такой необходимости, как в случае с действительно конкретными заболеваниями в организме.

Словосочетание «умные лекарства» помогает подчеркнуть, что это средство улучшения не включает в себя другие медицинские, нелекарственные технологии, улучшающие познавательные способности, например, обучение и питание, транскраниальную магнитную стимуляцию (ТМС), глубокую стимуляцию мозга (ГСМ), или интерфейсы мозг-компьютер (ИМК)³.

«Умные» лекарства и стратегии образования.

Развитие нейрофармакологии и пути оптимизации развития индивида

Следует отметить, что синдром дефицита внимания (ADD-attention deficit disorder) впервые как заболевание было упомянуто в 1980 году в руководстве американской ассоциации психиатров «Руководство по диагностике и статистике умственных расстройств». Однако впоследствии название синдрома было изменено. И в последнем издании «Руководства» оно уже звучало как «дефицит внимания — гиперактивность», где слово «гиперактивность» было добавлено как определяю-

¹ *Вуух, Аl. Smart Drugs: Ethical Issues / Handbook of Neuroethics. Springer : Science+Business : Media Dordrecht, 2015. P.1192.*

² *Kramer, P. D. Listening to Prozac: A psychiatrist explores antidepressant drugs and themaking of the self. New York : Viking, 1993.*

³ *Вуух, Аl. Smart Drugs: Ethical Issues / Handbook of Neuroethics. Springer : Science+Business : Media Dordrecht, 2015. P.1192.*

щая характеристика. Это очень показательно, поскольку демонстрирует определенную долю условности очертаний самого синдрома, зафиксированных уже в названии, с другой стороны, приставка гиперактивности значительно расширяет его содержательный диапазон. Историческая трансформация критериев синдрома «гиперактивности» отмечается в учебнике по психиатрии под ред. Р. Шейдера, где признается, что «диагностические критерии синдрома нарушения внимания с гиперактивностью с годами менялись»¹.

Некоторая произвольность в постановке диагноза отмечается в западной литературе достаточно часто. В частности, Ф. Фукуяма приводит позиции американских психиатров Э. Холчоуэлла и Д. Рейти, которые в своей книге «Вынужденные отвлекаться» утверждают: «Как только вы поймете, что это за синдром, вы тут же начнете видеть его повсюду»².

Неоднозначность критериев синдрома выявляется и в классических руководствах по психиатрии. В учебнике П. Уэндера и Р. Шейдера «Психиатрия» констатируется невозможность отделить биологические факторы риска синдрома нарушения внимания с гиперактивностью от семейных и социальных, кроме того, сами авторы подчеркивают, что даже полное обследование иногда не позволяет поставить окончательный диагноз.

Кроме того, немаловажную роль играет экономический фактор: затраты на создание среды, ориентированной на ребенка с особенностями развития несомненно, больше, чем затраты на лекарства для ребенка, адаптирующие его к любой среде. Этот факт также отмечается психиатрами: «к сожалению, возможностей для специализированного обучения неуспевающих становится все меньше, так как по экономическим и политическим причинам финансирование системы образования непрерывно сокращается»³. В таком случае, очевидной становится трансформация проблемы ответственности государства за создание благоприятных условий для раскрытия личности ребенка в проблему медикаментозную.

На Западе (США, Израиль) — нелеченный синдром нарушения внимания с гиперактивностью является распространенной причиной исключения ребенка из школы.

¹ *Уэндер, П., Шейдер, Р. Синдром нарушения внимания с гиперактивностью [Электронный ресурс] // Психиатрия. URL: <http://www.practica.ru/BK5/18.htm> (Дата обращения 27.10.2016)*

² *Цит. по: Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции [Электронный доступ] / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. М. Б. Левина. М. : ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. 349с. URL: <http://alt-future.narod.ru/Future/Fnpb/fukunpb.htm> (Дата обращения 27.10.2016)*

³ Там же.

Развитие нейрофармакологии, спроецированное на онтогенез ребенка, можно рассматривать как один из примеров создания медицинской технологии с интегрированной политической функцией. Повышенный интерес со стороны общества и властных структур к нейрорептикам и психостимуляторам обусловлен возможностью их использования в качестве средств для управления развитием личности и придания ей желательных черт, оптимизации развития индивида и развития у него когнитивных способностей.

Следует подчеркнуть, что развитие современной медицины имеет дело не только с данностью, но и с проективной заданностью, медицина всегда была ориентирована на некую утопию, мечту (победить болезни, продлить жизнь, избавиться от старения), которая стимулировала ее развитие. Сегодня утопические ожидания от медицины остались теми же и медицина во многом работает на мечту, миф. Вместе с тем на создание фармацевтических средств уходят значительные средства и огромные финансовые затраты, поэтому в целях компенсации этих затрат возможно создание некоего мифологического образа болезни или образа выздоровления, который будет связан не только с избавлением от страданий, но и с обретением неких предпочтений, способных сделать жизнь более счастливой, яркой гармоничной, успешной и т. д. Продавая фармацевтические средства, фармкомпании продают болезни¹. Многие нозологии были не известны до того момента, как был создан определенный препарат, оказывающий влияние на человека тем или иным образом. Они социально конструируются и впоследствии способны обнаруживаться у все большего количества людей, охватывать разные возрастные группы и т. д.

Например, в отношении риталина то, что раньше могло считаться нормой для маленького ребенка — его повышенная возбудимость, его подвижность и неусидчивость — в процессе медикализации, стимулируемой представителями фарминдустрии, становится заболеванием, все сильнее захватывающим детскую популяцию. «Действия, посредством которых компании активно помогают создавать новые категории заболеваний и продавать болезни, чтобы создавать новые рынки, известны как торговля болезнями»². Неотъемлемой частью торговли болезнями является расширение затрат на маркетинговые службы и отделы PR, фальсификация результатов исследования, в частности, утаивание информации о побочных эффектах.

¹ См.: Schermer, M. Ethics of Pharmacological Mood Enhancement // Handbook of Neuroethics. Springer Science+Business Media Dordrecht. 2015. P.1187.

² Там же.

Итак, принципиально то, что важным источником медикализации синдрома дефицита внимания с гиперактивностью (а, следовательно, исключения этого синдрома из области поведенческих расстройств, корректируемых педагогическими мерами и средствами психотерапии) является фармацевтическая промышленность. В частности, такая всемирно известная компания, как «Новартис», производящая риталин и его аналоги, осуществляет поддержку организаций пациентов, страдающих дефицитом внимания.

Цель применения нейротехнологий в широком общественно-политическом смысле оказывается связана с формированием желательных образцов поведения, обеспечивающих социальный конформизм и развитие в унисон с системой инфраструктур (образовательных, медицинских, политических). Индивиды, чье поведение совместимо со всей совокупностью инфраструктур, вписаны в категорию толерантных граждан наличного политически стабильного государства, удобны для общества и власти.

Уязвимость и зависимость детского населения может принимать ярко выраженные крайние формы — когда оно становится объектом эксплуатации со стороны мира взрослых — и менее заметные, но настолько же жесткие, когда ребенка подгоняют под те или иные образовательные и политические стандарты, за которыми стоит не столько потребность в развитии личности ребенка, сколько потребность в наличии устойчивого рынка сбыта, приносящего стабильный доход и работающего до тех пор, пока действуют механизмы медикализации социума.

Философские аспекты чрезмерного увлечения нейрофармакологией поднимают вопрос о том, что же такое человек и каковы существенные характеристики его развития. Онтологические характеристики детского периода онтогенеза связаны с его «конституциональной ненадежностью» (А.Гелен). В то же время социализация индивида, его развитие придают своего рода устойчивость его существованию. Человеческому существу в процессе его развития прививают способность к самодисциплине, которая задает ему меру моральности и является балансом между социальными требованиями к индивиду и его личными устремлениями к самоформированию. Исторически формирование самодисциплины у ребенка требовало усилий как со стороны общества, так предполагало активное участие в этом самого ребенка, соучастие и взаимное развитие.

Институты образования и здравоохранения, сопровождая и корректируя путь развития индивида, являются мощными детерминантами становления индивидуальности. Логически вероятно, что родители, поведение детей которых по своим поведенческим характеристикам

(с неразвитостью самодисциплины) не соотносится с нормами, принятыми в той или иной институциональной системе, будут вынуждены пойти по более легкому пути лекарственной терапии, с целью не лишить ребенка возможности институализированной социализации. Кроме того, со стороны педагогического персонала весьма вероятно высокая поддержка повального увлечения лекарственной терапией по причине облегчения процесса адаптации ребенка к системе институтов, фактически облегчения процесса обучения. На фоне ставших реальностью этих возможных тенденций в США возникло серьезное движение родителей против учителей, заставляющих принимать детей в школе психостимуляторы, и ряда учителей против психологов и психиатров, злоупотребляющих своей властью при постановке диагнозов.

Подобно современным средствам коммуникации, меняющим представление о времени и пространстве, преодолевающим расстояние за считанные секунды, современную психостимулирующую фармакологию можно рассматривать в контексте этого убыстряющегося темпа жизни как попытку преодолеть естественный и необходимый путь личностного развития и роста с помощью необоснованно прописываемой фармакотерапии. Попытка победить время исходя из познанных законов природы становится фактом для мира физических явлений. Гораздо труднее применить этот принцип к эмоциональной сфере, к сфере человеческих отношений или к характеру личности, поскольку в жизни каждого человека существуют последовательные стадии роста и развития, имеющие строго заданное временное измерение.

Упрощенное понимание ситуации развития будущей личности и одностороннее понимание его коррекции исключительно методами лекарственного воздействия (то есть без создания определенных условий для раскрытия его потенциала в той или иной среде) свидетельствует о примитивном понимании жизни личности и редуцировании ее к уровню человека-машины, механизма, который может быть механически, бездумно исправлен.

В психиатрии приходится констатировать не физическое нездоровье как таковое, а иметь дело с непроявленным концептом психического здоровья, к которому нельзя подойти, руководствуясь сугубо эмпирическими методами. Относительно психиатрии можно утверждать, что критерий здоровья здесь становится этическим, поскольку напрямую связан с правом на самодетерминацию личности.

Психиатрия, чем она, наверное, и отличается от других направлений медицины, не руководствуется среднестатистическим критерием нормы. Экспертная оценка зачастую носит конвенциональный харак-

тер. Психиатрия вынуждена быть и нормативной (ценностной) и естественнонаучной дисциплиной, поскольку действует не столько с большим организмом, с индивидуальностью, воплощенной в теле, сколько с личностью.

Новый расклад в (био)политических играх способствовал закреплению сословия психиатров как нового носителя истины. Здесь уместно будет вспомнить идею М. Фуко о том, что массовая востребованность психиатрии¹, объясняется тремя процессами генерализации: смычкой психиатрии и административной регуляции, семейным и политическими запросами к психиатрии. Ситуация, которая сложилась вокруг применения «умных» препаратов еще раз указывает на встроенность психиатрии в систему современных социальных институтов, систему ожиданий, поступающих от политических агентов, учителей, родителей, детей.

Современный этап развития психиатрии, с точки зрения Ф. Фукуямы, выявляет три сильных политических тренда, связанных с распространением в США психотропных средств. «Первый — это желание со стороны обыкновенных людей как можно больше вывести свое поведение в область медицины и тем самым снять с себя ответственность за свои действия. Второй — давление сильных экономических интересов, способствующее этому процессу. Среди носителей этих интересов — люди, оказывающие социальные услуги, например, учителя и врачи, которые всегда предпочитают прямой биологический путь сложным обходным путям воздействий на поведение, а также фармацевтические компании — изготовители этих лекарств. Третий тренд, возникающий из попыток все на свете отнести к медицине, — это тенденция расширять область применения лекарств на все большее число состояний»².

Необходимо также обратить внимание на экономическую составляющую синдрома гиперактивности и дефицита внимания. Вследствие взаимодействия экономики с общественными силами (когда, например, гранты на исследования синдрома гиперактивности выдаются фармацевтическими компаниями, а общественные организации также поддерживаются ими) может возникнуть интродуктивная лояльность к массовому распространению того или иного препарата и формирование завышенной потребности в лекарственном средстве, развитие лекарственной зависимости. Развитие подобных тенденций в медицине

¹ Фуко, М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году [Электронный ресурс]. СПб. : Наука, 2004. 432 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/foucault=les_anormaux=ann.htm (Дата обращения 27.10.2016)

² Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М. : ООО «Издательство АСТ». 2004. С. 82.

отодвигает интересы больного на периферию и способствует рассмотрению его в качестве средства, обеспечивающего приток денежных инвестиций. Это приводит к приспособлению имеющихся норм (как медицинских, так и социальных) под законы рынка. Нормы как социальные ценности в этом случае приобретают вполне очевидный финансовый эквивалент. Объективное исследование расстройств поведения в этом случае подменяется интересами финансовых групп.

Современное историческое смещение акцентов с развития у ребенка педагогическими средствами навыков самодисциплины на медикализацию всего образа жизни в совокупности со стремлением обратить детей и их родителей в целевую аудиторию маркетинговых стратегий фармацевтических компаний порождает риск гипердиагностики. В США наблюдается тенденция лоббирования синдрома дефицита внимания в качестве инвалидности. По словам Ф. Фукуямы, «Утилитаристы редко принимают в расчет пользу и вред более тонкой природы, которые не так легко измерить или последствия которых сказываются на душе, а не на теле. Легко построить обвинение против такого вещества, как никотин, который имеет ясно определяемые отдаленные последствия вроде рака или эмфиземы легких, но труднее выступить против прозака или риталина, которые сказываются на личности и характере»¹.

Исследования М. Фуко демонстрируют, что норма в психиатрии понимается как правило поведения, как абстрактный закон, как принцип сообразности, ей противостоят неправильность, беспорядок, чудачество, эксцентричность, несоответствие общему уровню. Но ее укоренение в органической или функциональной медицине, укоренение через неврологию, позволяет психиатрии присвоить норму и в другом смысле — как функциональную регулярность, как подобающий, слаженный принцип функционирования; это «нормальное», в отличие от патологии, болезни, дезорганизации, дисфункции². Ненормальное не просто осуждается как аморальное и подвергается коррекции педагогическими средствами, но требует медицинского вмешательства.

Стоит отметить, что борьба с непоседливыми, непослушными детьми, досаждающей многим семьям детской гиперактивностью, активно проникает в жизнь российских родителей. Ввиду запрета на риталин, нишу для борьбы занимают другие лекарственные средства. Так, в рос-

¹ Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции [Электронный ресурс]. М. : ООО «Издательство АСТ». 2004. URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/143497/20/Fukuyama_-_Nashe_postchelovecheskoe_budushchee.html (Дата обращения 27.10.2016)

² Там же.

сийской телевизионной рекламе лекарственного средства «Танакан» сделан акцент на той же проблеме, которая спровоцировала бум борьбы с синдромом дефицита внимания и гиперактивности в США, — проблеме развития и получения образования ребенком с данным синдромом. «Ребенок спокоен, на развитие настроен», — так звучит российская реклама, а вместе с ней мировоззренческий посыл, что нужно быть спокойным, уравновешенным, тихим, то есть удобным для семьи и общества, в целом.

«Умные» лекарства и трудовые отношения

Особая область применения «умных» лекарств связана со сферой занятости, с трудовыми отношениями, где зачастую возникают проблемы сложности индивида к тем или иным условиям, например, таким, как необходимость длительного физического и психического напряжения или многочасовая концентрация внимания.

Рассмотрим следующий случай, позволяющий дать представление о некоторых социально-этических проблемах применения «умных лекарств» в сфере труда.

Н. и К. претендуют на вакантную должность в престижной компании.

Во время беседы с работодателем сотрудникам задают вопросы, касающиеся их когнитивных способностей. В особенности работодателя интересует способность к длительной концентрации внимания в условиях длительной монотонной офисной работы и стрессоустойчивость. В процессе интервью с работодателем оба кандидата выглядят достойными, однако решающим аргументом в пользу К. оказывается его заявление о том, что он готов с первых же дней работы принимать особые препараты для увеличения производительности труда.

Ситуацию, описанную выше, нельзя рассматривать исключительно как плод фантазии автора. Уже сейчас несложно представить себе ряд профессий, (например, хирургов, проводящих многочасовые операции или профессию дальнобойщика), где усиление когнитивных способностей, будь-то с помощью препаратов, усиливающих концентрацию внимания и производящих тонизирующий эффект, или же с помощью каких-либо устройств, будет востребовано и скорее всего, оправдано обществом, как нашло себе оправдание употребление кофе, энергетических напитков и других стимуляторов. Использование нейростимуляторов (и мягких, и более сильных) и в образовании, и в трудовой сфере может рассматриваться не просто как момент адаптации к услови-

ям труда, но и как инструмент осуществления «проекта себя»¹, средство самореализации, улучшения карьерных возможностей и фактически формирования своего будущего.

Развитие технологий усовершенствования человека в области трудовых отношений должно проходить параллельно с учетом личного и общественного регулирования. В совместном докладе «Усовершенствование человека и будущее труда»², сделанном от лица британской Академии наук, Академии медицинских наук, Королевского общества и других учреждений рассматриваются два направления регулирования технологий усовершенствования человека: путь сверху-вниз, то есть регулирование на уровне правительства и путь снизу-вверх, то есть осуществление саморегулирования самими работниками. В отношении последнего направления возникает риск использования технологий улучшения вместо улучшения условий труда. Борьба со сложными условиями труда может оказаться задачей для самого работника. И осуществлять ее он будет не на рабочем пространстве и не правовыми методами или выражением протеста в той или иной форме, а путем модификации своего тела. Человек, напичканный лекарственными средствами, сможет воспринимать как норму все те условия труда, которые ранее вызывали бы острую реакцию раздражения, сонливость, депрессию, неврозы и т. д. Опосредованное социокультурное конструирование человеческого тела (направленное на формирование хабитуса встраивания в систему различных инфраструктур) будет дополняться прямым фармацевтическим воздействием на человеческое тело.

Например, дальнобойщикам может быть гораздо эффективнее и приятнее выпить соответствующее лекарство, усиливающее их способности концентрации на дороге, чем ждать от работодателя встречных шагов для облегчения своей работы. Работодатель может сознательно провоцировать такое поведение наемного рабочего, поскольку для выполнения определенных функций ему требуется не столько личность, сколько идеальный биоробот, полностью справляющийся со своими обязанностями³.

¹ Шевченко, С. Ю. Технологии улучшения как «технологии себя»: обучение и ноотропные препараты // Высшее образование для XXI века: XII Международная научная конференция. Москва, 3–5 декабря 2015 г.: Доклады и материалы. Симпозиум «Высшее образование и развитие человека» // отв. ред. Вал. А. Луков, Ч. К. Ламажаа. М.: Издательство Московского гуманитарного университета. 2015. С. 75–79.

² Human enhancement and the future of work (Report from a joint workshop hosted by the Academy of Medical Sciences, the British Academy, the Royal Academy of Engineering and the Royal Society). 2012.

³ Попова, О. В. Этические проблемы биотехнологического конструирования человека // Вестник российского университета дружбы народов, 2015. № 2.

На фоне этих процессов не будут ли лица дееспособного возраста, не использующие усилители, рассматриваться как в некотором роде «инвалиды», в связи с возможными отклонениями от новых норм трудовой деятельности? Возможно, нормой человеческого способа существования станет тотальная зависимость от когнитивных усилителей, предпосылки к этому активно развиваются уже в наши дни. Нацеленность медицины на усиление станет не менее важной ее нацеленности на восстановление.

В этой связи уместно обратить внимание на идею П. Вирилио, отметившего в работе «Открытые небеса», что наше состояние «не будет отличаться от того, в каком находится любой калека», которого можно назвать «моделью нового человека»¹, то есть речь идет о становлении модели человека-с-протезом, вне зависимости от того, какого рода и вида будет этот протез: иметь форму внешнего инструмента, усиливающего человеческие физические качества, форму лекарства, резко повышающего когнитивные свойства индивида, форму генетического допинга, повышающего выносливость и спортивные способности.

Современной системе инфраструктур будет проще иметь дело именно с таким «протезированным» индивидом, который будет успешно выполнять ее требования. Вместе с тем, подобное ультра-протезирование способно усилить социальную дискриминацию по отношению к тем, кто и так находится на периферии социальной жизни, тем, кто нуждается в «протезах» различного рода по медицинским показаниям, а не действует в режиме «Citius, Altius, Fortius» (Быстрее, выше, сильнее, а еще умнее). «Усиленная» нормальность вызовет процесс новой стратификации нормальных и ненормальных и, следовательно, сформирует новый запрос к психологии, психиатрии и фармакологии.

Контекст появления технологий улучшения человека, направленных на усиление его дееспособности можно исследовать совершенно в различных контекстах: политических, социальных, экономических. Значительный интерес представляло бы отдельное историко-философское исследование, посвященное пониманию мировоззренческого смысла труда в различные исторические периоды. Ниже я бы хотела привести некоторые соображения на эту тему, акцентировав внимание на ряде философских идей.

В концепции Х. Арендт, изложенной в ее работе «Vita activa, или о деятельной жизни» вводится различие между трудом (работой) и созданием (изготовлением). В тени этих понятий скрывается представление

¹ Булатов, Д. Киборг-букашечки и робо-козявочки [Электронный ресурс]. URL: <http://doktrina.ncca-kaliningrad.ru/?a=4> (Дата обращения 27.10.2016)

о том, что определение человека в качестве человека исторически соотносится с тем, какого рода деятельность он выполняет. При ответе, например, на вопрос «что значит быть человеком в Древней Греции в аспекте трудовой деятельности?» следует учитывать, что здесь институт рабства был «намеренной попыткой исключить труд из числа условий, на которых людям дана жизнь. То, что обще человеческой жизни с другими формами животной жизни, было сочтено не-человеческим. Это, естественно, также причина, почему люди могли считать что у рабов не-человеческая природа»¹. Подлинной деятельностью считалась деятельность политическая, поскольку именно она позволяла человеку проявить свои способности разума и выразить свое право голоса, показать себя как субъекта политической воли, как автора поступка. То есть полное подчинение необходимости, которое как раз и демонстрировал рабский труд, в древнегреческой культуре, характеризовало человека как недочеловека, как животное, исключенное из процесса коммуникации свободных граждан. «Если человека определяют как работающее животное, то он действительно не может быть ничем существенно другим, чем животное, в лучшем случае высшее из родов животных, населяющих землю»². Для Нового времени характерна трансформация отношения к труду: начинает цениться труд, данный в аспекте его производительности, труд, создающий не уникальные произведения, то есть не труд мастера, но труд *animal laborans*, осуществляемый работой не разума, но тела, являющий собой апофеоз физической силы. Это нашло отражение в формулировке Маркса о том, что труд сотворил человека.

На какое понимание труда ориентируются адепты технологий улучшения человеческих способностей в сфере занятости? На первый взгляд, уместным здесь кажется ответ, что речь идет о понимании трудовой деятельности по аналогии с пониманием, присущим античности. Так, избавляя человека от необходимости серьезно напрягаться физически или умственно с помощью биотехнологических средств, ему как бы дается шанс снять с себя идентичность подвергающегося эксплуатации рабочего, однако этот отказ от рабской, подчиненной роли не означает, что он автоматически станет разумным существом, обладающим широким, не автоматизированным мышлением и политической волей, которое имела в виду учитывающая древнегреческий контекст Ханна Арендт. Будет иметь место воспроизводство и усиление парадигмы тру-

¹ Арендт, Ханна. *Vita activa, или о деятельной жизни* [Электронный ресурс]. <http://www.fedy-diary.ru/html/012013/02012013-04a.html> (Дата обращения 27.10.2016)

² Там же.

довых отношений, сложившейся в Новое время. В эпоху развития технологий усовершенствования рабочий останется объектом эксплуатации. Возможность усиления концентрации внимания или физических возможностей не высвобождает энергию, например, для творческих видов деятельности, а предоставляет работодателю получить более высокую производительность труда. А также отбирать для себя персонал, способный, вследствие наличия определенных улучшенных качеств, работать более эффективно, более качественно, приносить прибыль компании, но не своему человеческому потенциалу.

Кроме того, технологии усовершенствования человека несут риски создания идеального рабочего, хабитус которого будет полностью соответствовать модели чистой эксплуатации, для которой не будут характерны ни отстаивание прав личности, ни желания по поводу смены рабочей атмосферы, ни какие-либо подобные иные факторы. Эта та модель идеального раба, поведение которого выстраивается не с точки зрения культуры, а с внутреннего «жеста» биотехнологии, предписывающего человеческому бытию способ бытия послушным животным. В этой связи вспоминается знаменитый вопрос Ф. Фукуямы: «если мы действительно сможем вывести две породы людей; одну — с седлами на спинах, а другую — со шпорами на сапогах?»¹. Изменится ли что-то в этом случае? Человеческая история будет твориться и дальше. Из материала первой породы целеполагающей активностью второй.

«Умные лекарства»

в одном российском трансгуманистическом сюжете

Темы, связанные с использованием чудо-эффектов «умных лекарств», активно используются современными трансгуманистами.

Например, с целью разрешить свободное обращение (вывести его из Списка психотропных веществ) популярного на Западе модафинила, активисты российского трансгуманистического движения создали петицию, наполненная пафосом борьбы с многочисленными ночными авариями и ночными травмами на производстве. Вот выдержка из нее: «Десятки тысяч людей ежегодно погибает в ДТП. Большая часть из них попадает в аварии из-за того, что они, вынужденные ехать ночью, просто засыпают за рулем. Смежил человек на несколько секунд веки — и все, его жизнь оборвалась. Еще больше людей остаются инвалидами после ночных аварий. А ведь если бы они перед дальней дорогой приня-

¹ Фукуяма, Ф. *Наше постчеловеческое будущее* [Электронный ресурс]. URL: <http://alt-future.narod.ru/Future/Fnpb/fukunpb2.htm#8c> (Дата обращения 27.10.2016)

ли 100 мг модафинила — возможно, всех этих смертей и не было бы... То же можно сказать и о травматизме на производстве в ночное время и многих других областях. Совершенно не случайно 20% зарубежных ученых и студентов за рубежом время от времени принимают модафинил (и другие похожие препараты) — они хотят больше узнать, больше успеть, больше открыть!»¹.

Примечательно, что авторы петиции используют знаковую фигуру российской рок-музыки В. Цоя, погибшего в аварии, и, по предположению, заснувшего за рулем, как бы заручаясь поддержкой его многочисленных фанатов, а также приводят пример активно употребляющих модафинил бодрых американских вертолетчиков, тем самым опираясь на представления о стратегических интересах России. В комментариях к этой трансгуманистической инициативе указывается, что модафинил в целях лечения СДВГ в скором времени сможет заменить широко распространенный риталин. Указываются и другие преимущества, создающие образ чудо-таблеток нового поколения, способных стать если и не панацеей от многих заболеваний, то лечить характерные для нашей цивилизации наиболее значимые недуги.

В этой связи отдельного внимания заслуживает акцент на «инновационной» составляющей модафинила. Модафинил фигурирует в петиции как средство, удовлетворяющее интересы и потребности государства, вступившего в эру инновационной экономики. Остановлюсь на инновационности более подробно, поскольку аналогичные тезисы характерны для многих проектов, представляющих различные варианты конструирования человека. Например, в российском проекте трансгуманистической направленности «Детство–2030» идея модификации человека (ребенка) сопряжена с необходимостью перехода России на инновационный путь развития и ее включение в мировую конкуренцию. Авторы трансгуманистического проекта «Россия–2045», выдвигая идею радикального преобразования человека и в потенциале достижения постчеловеческого состояния, также отталкиваются от инновационной социально-экономической составляющей, полагая, что новая общественная формация и инновационный технологический уклад определяют необходимость создания неочеловечества — сверхцивилизации неолюдей на базе интенсивного развития NBIC (нано-био-инфо-когно) и GNR (генетик-нано-роботикс) технологий². Необходимо подчеркнуть, что мотивы, которые

¹ Атака на модафинил — и на прогресс. Дадим отпор! [Электронный ресурс]. URL: <http://livingtomorrow.livejournal.com/188158.html?page=8> (Дата обращения 27.10.2016)

² Попова, О. В. Современная технократическая утопия: российский контекст // Человек, 2012. № 5. С. 54–62.

вступают в борьбу за право изменять человеческую природу, как правило, тесно связаны с финансовой составляющей, имеющей лишь косвенное отношение к установлению формата справедливых социальных отношений и еще менее чувствительных в отношении таких основополагающих этических понятий, как автономия или благо.

Инновационная составляющая требований трансгуманистов, касающаяся применения «умных лекарств» наподобие модафинила, — неизменный атрибут большинства трансгуманистических проектов. Субъект должен соответствовать системным требованиям инновационного социально-экономического развития. И он значим лишь как необходимый элемент успешного функционирования инновационного общества и в целом интересен не столько своими настоящими человеческими качествами, сколько будущими постчеловеческими, позволяющими этой системе успешно функционировать.

С другой стороны, безусловно, нельзя отгородиться и от голосов тех, для кого модафинил является лекарственным средством, обеспечивающим необходимое качество жизни. Так, на форуме, посвященной данной петиции раздаются голоса, подобные следующим: «Есть много людей, которым он (модафинил — прим. О.В. Поповой) необходим для более-менее нормального существования, раньше заказывали по почте из-за бугра, а теперь что делать? ... вот сижу — думаю... осталось 100 таблеток на 100 рабочих дней, после чего придется становиться безработным инвалидом либо самому ездить за ним за границу, за что сесть можно...»¹.

Конфликт терапевтического и нетерапевтического способов применения модафинила и риталина очередной раз заостряет проблему терапевтического и нетерапевтического использования тех или иных лекарственных средств. Что должно оправдывать применение той или иной «умной» таблетки: улучшение здоровья пациента или же этически релевантным является просто улучшение у пациентов качества жизни².

В книге Б. Брайсона «Я здесь чужой»³ показана разница в презентации лекарственных средств различными компаниями США и Великобритании. Например, в США лекарство от гриппа будет предлагаться как магическое средство, гарантирующее полное выздоровление, в то

¹ Атака на модафинил — и на прогресс. Дадим отпор! [Электронный ресурс]. URL: <http://livingtomorrow.livejournal.com/188158.html?page=8> (Дата обращения 27.10.2016)

² Sahakian, B.J. and LaBuzetta J.N. *Bad Moves*. How decision-making goes wrong and the ethics of smart drugs. Oxford University Press. 2013.

³ Bryson, B. *I'm a Stranger Here Myself*. 1999, New York : Broadway Books.

время как в Великобритании лекарство будет лишь облегчать состояние больного. Причины этого носят культурнообусловленный характер. Британцы не ожидают от лекарств, купленных без рецепта, быстрых изменений качества своей жизни, в то время как американцы хотят чувствовать себя более или менее отлично (совершенно) все время. Б. Брайсон задает резонный вопрос: что означает чувствовать себя более или менее отлично (совершенно)? И отвечая, связывает данное совершенство со способностью жить при ограниченном сне, концентрироваться в течение длительного периода времени, иметь улучшенную память.

В отношении использования когнитивных средств-усилителей российская ментальность во многом идентична западной. Она во многом технологична, настроена на достижение жизненно важных целей (получение образования или работы) кратчайшим путем. Расширение во всем мире рынков сбыта и сфер применения когнитивных усилителей свидетельствует не только о том, что появляются научно-технологические основания для трансформации человеческой природы, но не в меньшей степени о том, что сам человек уже внутренне готов, согласен с такой трансформацией. Его внутренний голос вытесняется ускоряющейся машинерией современной жизни. Его естественность и спонтанность подавляются технологически. На фоне этих процессов традиционная этика, требующая преодоления собственной природы собственными же волевыми усилиями, оказывается неуместна как неуместны оказываются этические суждения при оценке поведения механизма или вещи.

Библиографический список

- Bostrom, Nick Sandberg.* Anders Cognitive Enhancement: Methods, Ethics, Regulatory Challenges [Electronic data] // *Sci Eng Ethics*. 2009. 15. P. 311–341. URL: <http://www.nickbostrom.com/cognitive.pdf> (Дата обращения 27.10.2016)
- Bryson, B.* I'm a Stranger Here Myself. New York: Broadway Books, 1999.
- Buyx, Al.* Smart Drugs: Ethical Issues / *Handbook of Neuroethics*. Springer Science+Business Media Dordrecht. 2015. P. 1192.
- Human enhancement and the future of work (Report from a joint workshop hosted by the Academy of Medical Sciences, the British Academy, the Royal Academy of Engineering and the Royal Society). 2012.
- Kramer, P. D.* Listening to Prozac: A psychiatrist explores antidepressant drugs and the remaking of the self. New York: Viking, 1993.
- Sahakian, B. J.* and LaBuzetta, J. N. Bad Moves. How decision-making goes wrong and the ethics of smart drugs. Oxford University Press. 2013.
- Schermer, M.* Ethics of Pharmacological Mood Enhancement // *Handbook of Neuroethics*. Springer Science+Business Media Dordrecht. 2015. P. 1187.

Арендт, Ханна. Vita activa, или о деятельной жизни [Электронный ресурс] URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/012013/02012013-04a.html> (Дата обращения 27.10.2016)

Атака на модафинил — и на прогресс. Дадим отпор! [Электронный ресурс] URL: <http://livingtomorrow.livejournal.com/188158.html?page=8> (Дата обращения 27.10.2016)

Булатов, Д. Киборг-букашечки и робо-козявочки [Электронный ресурс]. URL: <http://doktrina.ncca-kaliningrad.ru/?a=4> (Дата обращения 27.10.2016)

Попова, О. В. Этические проблемы биотехнологического конструирования человека // *Вестник российского университета дружбы народов*, 2015. № 2.

Попова, О. В. Современная технократическая утопия: российский контекст // *Человек*, 2012. № 5. С. 54–62.

Тищенко, П. Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. М. : ИФ РАН, 2001.

Уэндер, П., Шейдер, Р. Синдром нарушения внимания с гиперактивностью [Электронный ресурс] // *Психиатрия*. URL: <http://www.practica.ru/BK5/18.htm> (Дата обращения 27.10.2016)

Фуко, М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974—1975 учебном году [Электронный ресурс]. СПб. : Наука, 2004. 432 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/foucault=les_anormaux=ann.htm (Дата обращения 27.10.2016)

Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции [Электронный ресурс] / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. МБ. Левина. М. : ООО “Издательство АСТ”: ОАО “ЛЮКС”, 2004. 349 с. URL: <http://alt-future.narod.ru/Future/Fnrb/fukunrb.htm> (Дата обращения 27.10.2016)

Шевченко, С. Ю. Технологии улучшения как «технологии себя»: обучение и ноотропные препараты // *Высшее образование для XXI века: XII Международная научная конференция*. Москва, 3–5 декабря 2015 г.: Доклады и материалы. Симпозиум «Высшее образование и развитие человека» // отв. ред. Вал. А. Луков, Ч. К. Ламажаа. М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 2015. С. 75–79.

Философия как экспертиза: где Родина виртуального человека?¹

М. А. Пронин

Philosophy as expertize: where Homeland of the virtual person?

М. А. Pronin

Аннотация. Виртуальный человек выходит на авансцену мира.

Природная виртуальность человека — способность человека переживать виртуальные состояния и ошибаться, — и возможности технологий виртуальной реальности (VR) вводить человека в обман — становятся фактором развития новой эволюции человека. Феномен неразличения — ошибок восприятия, — формирует новый тип отношений человека с миром. Технологии VR меняют способ производства и отношения человека с ними. Призрак Коммунизма вновь бродит по миру: К. Маркс и Ф. Энгельс не могли предполагать как и в каком виде сбудется пророчество их Манифеста. «Ассоциации индивидов» из Манифеста преодолевают границы стран и континентов.

История некоммунизма творится на наших глазах.

Виртуальные люди всех стран — объединяйтесь!

Ключевые слова: философия как экспертиза, антропология, экспертиза, гуманитарная экспертиза, биоэтика, человеко-ориентированные технологии, «улучшение» человека, виртуалистика, виртуальный человек, новый мир, технологии виртуальной реальности.

Abstract. The virtual person comes to a world proscenium.

Natural virtuality of the person — ability of the person to endure virtual states and to be mistaken, — and possibilities of technologies of virtual reality (VR) to enter the person into deception — become a factor of development of new evolution of the person. Not distinction phenomenon — perception errors, — forms new type of the relations of the person with the world. VR technologies change a way of production and the relation of the person with them. The spectre of communism wanders about the World again: K. Marx and F. Engels couldn't assume as well as in what look the prophecy of their Manifesto will come true. «Community of individuals» from the Manifesto overcome borders of the countries and continents.

¹ Полная версия статьи. Краткая публикация: Пронин, М. А. Где родина виртуального человека? [Электронный ресурс] // Roscongress.net (электронная версия журнала). URL: <http://www.roscongress.net/index.php/2016-05-25-12-59-16/2016-05-31-16-03-22>

The history of neocommunist is made before our eyes.

Virtualing Men of All Countries, Unite!

Keywords: philosophy as expertize, anthropology, humanitarian expertize, bioethics, human-oriented technology, human “enhancement”, virtualistics, virtual person, new world, technologies of virtual reality.

Призрак бродит по Миру — призрак Коммунизма. Виртуальные люди всех стран объединяются.

Homo virtualis (лат.), — новый человек эпохи управляемой виртуальной и дополненной реальностей (VR), новых интернет технологий типа Block chain, платформ совместной работы, компактных интеллектуальных производств в виртуальных промышленных корпорациях и пр., рождает новую структуру производительных сил. Новый способ производства порождает новый тип производственных отношений. Не за горами то время, когда политическая власть в собственном смысле слова — и в смысле «Манифеста коммунистической партии» (К. Маркс, Ф. Энгельс, 1848)¹, как организованное насилие одного класса для подавления другого, претерпит коренные преобразования во всех странах.

Логика истории некоммунизма творится на наших глазах. Нужно лишь приглядеться и сопоставить теорию научного коммунизма и то, что происходит. В теории — после ликвидации капиталистических отношений диктатура пролетариата исчерпает себя и должна будет уступить место «ассоциации индивидов». Сущность этой ассоциации, принципы ее организации и функционирования в Манифесте К. Марксом и Ф. Энгельсом не определяются. Немудрено. Способ производства, о котором они не могли даже помыслить, меняет Мир. Меняет его историю. Новейшая история развития хранилищ данных — дискеты, кассеты, DVD диски, механические дисководы, твердотельные накопители, облачные и т. д., — история смены экзистенциалов человеческого бытия, если взглянуть на нее через оптику философии, как экспертизы (термин Б. Г. Юдина).

Увидеть в «ассоциации индивидов» из Манифеста, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех, будущее виртуального человека сегодня — не просто.

Просмотрите еще раз «прогнозы» недавних дней — в фильме Роберта Земекиса «Back to the Future» (1985) нет интернета. Фильм Вима Вендерса «Room 666» (1982): размышления кинодеятелей, кото-

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифеста коммунистической партии, 1848.

рые в то время были в авангарде мирового кинопроцесса, о телевизоре — как главном источнике зла для кинематографа, — гораздо дальше от сегодняшней реальности, чем прогноз Манифеста об «ассоциации индивидов»...

В тот же период, в 1986 году, вышла работа Н. А. Носова (1952–2002) и О. И. Генисаретского о виртуальных состояниях в деятельности летчика-испытателя военных самолетов уже наших дней¹. Эксперименты с ошибками психологической природы у человека опасной профессии (феномен «неразличения выполненного и неволеного действия») позволили разработать концепт «виртуальный человек» (Н. А. Носов «Виртуальная психология», 2000²). Он оказался внутри себя дискретен: множество реальностей телесности, сознания, личности, воли и внутреннего человека. Сегодня полифонию своей внутренней партитуры игры своих внутренних реальностей (телесности, сознаний и т. д.) в иммерсионных средах VR (правильно говорить во множественном числе!) смогут испытать на себе уже все.

Технологии VR позволяют пока обманывать лишь мозг человека.

Философия, как экспертиза — ставит вопросы на этом пути. Самые радикальные, касающиеся самого человека — можно ли говорить о новом типе естественного отбора человека — «человека обманутого»? Бытовые примеры: человек обознался, описался, оговорился, а действует как будто все правильно. На сколько человек защищает самого себя своей природой — ведь обман и самообман для него смерть?

Где его дом — дом виртуального человека, — в котором он может распоряжаться укладами своей жизни? В чем его новые экзистенциалы бытийствования?

Переустройство мира слишком радикально, чтобы лишь наблюдать за тем, что приходит — где Родина виртуального человека? В какой стране, в какой земле, в какой реальности?

Где выход? «Человек — познай себя!» — из лозунга становится императивом мирового устойчивого развития. Опережающая апперцепция самого себя, взрослость и ответственность, как проявление его мировоззренческой зрелости — вот требования к виртуальности нового человека. Он вынужден работать с феноменами неразличения у самого себя³. Его не обманешь социальными мифами. Не получится.

¹ Носов, Н. А., Генисаретский, О. И. Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора // Тр. ГосНИИГА. Авиационная эргономика и подготовка летного состава. Вып. 253. М.: 1986. С. 147–155.

² Носов, Н. А. «Виртуальная психология», 2000.

³ См. Пронин, М. А. Виртуалистика в Институте человека РАН. — М.: ИФ РАН, 2015.

Оранжевые революции уйдут в прошлое, как и религиозный радикализм и другие социальные глупости.

Чтобы ответить на вызовы новых миров — требуется собрать единого виртуального человека.

Виртуальные люди всех стран — соединяйтесь!

* * *

Тезисы доклада / выступления

Вызовы природе человека в виртуальных мирах нового технологического уклада.

Виртуальный человек в лабиринтах идентичностей: «человек, обманутый» — миф и реальность.

Чувство Родины, чувство мета в жизни, «в строю» — где Родина виртуального человека?

Виртуальный человек — теоретический концепт и иллюстрации.

VR и новый способ производства — смена общественных отношений.

Философия как экспертиза: радикальные вопросы развития человека в новом мире новых технологий.

Библиографический список

Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест коммунистической партии. 1848.

Носов, Н. А., Генисаретский, О. И. Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора // Тр. ГосНИИГА. Авиационная эргономика и подготовка летного состава. Вып. 253. М.: 1986. С. 147–155.

Носов, Н. А. Виртуальная психология. М. 2000.

Пронин, М. А. Виртуалистика в Институте человека РАН. М.: ИФ РАН, 2015.

Идентичность и автономия в контексте генетического братства¹

Т. А. Сидорова

The identity and autonomy in the context of genetic brotherhood

T. A. Sidorova

Аннотация. В статье рассматривается современная тенденция в генетизации общества, которая связана со стиранием границ индивидуального распоряжения генетической информацией и утратой контроля над собственным генетическим материалом, что наиболее явно прослеживается в соединении персонализированной медицины и вспомогательной репродукции. Эта тенденция получает название генетического братства. В контексте генетического братства с позиции биоэтики доминируют проблемы самоидентичности и автономии. Делается вывод о том, что генетическое братство будет форсайт-проектом сложного сочетания конструирования собственной идентичности и последовательного развития социальных и нормативных практик обеспечения автономии пациента.

Ключевые слова: биоэтика, генетические технологии, вспомогательные репродуктивные технологии, генетизация общества, генетическое братство, предикативная, превентивная, персонализированная медицина (ПППМ).

Abstract. The article is focused on the current tendency in society genetization. It is connected with erasure borders of individual control of genetic information and personal genetic material, which is obviously traced in closing for predictive preventive and personalized medicine (PPPM) to assisted reproduction. Therefore, this trend is called genetic brotherhood. In its context of bioethics position, self-identity and autonomy problems domain. It is concluded that genetic brotherhood will be foresight project of complex combination of self-identity construction and consistent evolution of social and normative practice to ensure the patient's autonomy.

Key words: bioethics, genetic technology, assisted reproductive technologies, genetic society, genetic brotherhood, predictive preventive and personalized medicine (PPPM)

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанных РГНФ научного проекта №15-03-00822; научного проекта № 14-03-00173.

Не так давно одна популярная компания, которая занимается продажей авиабилетов в Интернете, распространила ролик социальной рекламы, весьма актуальной в ситуации возрастающей глобальной коммуникации и активизации миграционных процессов. Цель рекламы направлена на преодоление межнациональной розни. В ролике специалисты, изучающие межнациональные отношения, работают с довольно большой командой молодых людей из разных регионов мира, расспрашивая их о национальной идентичности. Респонденты демонстрируют уверенность в своей этнической принадлежности, рассказывают к каким народам у них неприязненное отношение, и тогда им предлагают провести тест на определение генетической родословной. Развязка интриги эффектно демонстрирует, что не стоит, например, чернокожему уроженцу Кубы, или юноше из Бангладеш думать, что они не имеют предков в Европе. У многих добровольцев генетические корни обнаружили в разных регионах мира, также была продемонстрирована реакция тех, кто неожиданно обнаружил среди своих генетических родственников представителей народов, к которым традиционно существовала антипатия. Ролик призывает отказаться от стереотипов и взглянуть на мир, на границы, которые разделяют народы новым взглядом генетического братства. В данном эксперименте привлекает внимание то, что генетические методы сегодня могут использоваться в самых разных областях, в том числе для решения социально-психологических и даже международных проблем. Использование генетики в политических целях имело известный печальный исторический прецедент, но сегодня вектор меняется на противоположный: генетика обосновывает не исключительность отдельных народов, а их единство. С другой стороны, можно увидеть тенденцию генетизации современного мира, которая прослеживается в нарастании генетического эссенциализма и в углублении медиализации. Очевидно, что самое широкое применение генетические технологии находят в медицине. Именно медицина является главным заказчиком и потребителем инноваций в области генетики. Несмотря на то, что результаты расшифровки генома человека, не дали в руки врачам панацею, тем не менее, дальнейшее развитие генетики, эпигенетики, протеомики, метаболомики и т. д. закономерно пополняет арсенал медицины новыми диагностическими и терапевтическими возможностями и постепенно формирует в ней современную персонализированную и предикативную парадигму. С точки зрения совершенствования методов, в медицине изменения происходят так быстро, что они становятся за-

метным явлением, определяющим инновационный облик общества. Как указывал Питер Конрад, сегодня медицина в значительной степени выражает уровень социального развития в целом, и медиализация обозначает, что человеческие проблемы оказываются в юрисдикции медицины, так что значительные фрагменты повседневной жизни попадают под ее контроль. По мнению ученого, ослабление значения религии в обществе, перераспределяет ее власть в пользу института медицины.¹ Власть медицины, вооруженная генетическими методами, по словам В. Лехциера, колонизирует жизненный мир, и «будет означать не только его новую (био)технизацию или усиливающуюся зависимость от научной рациональности и ее соответствующих представителей и институтов. Существенным обстоятельством, которое возникнет неизбежно, станет дальнейшая языковая, нарративная капитуляция повседневного языка перед сакральным языком науки».² Поскольку темпы трансформации социальных и антропологических структур не так динамичны, возникает необходимость адаптировать новые способы воздействия на жизнь и здоровье человека, т. е. привести в соответствие новациям, которые привносят в жизнь медицина и биотехнологии, элементы и механизмы социальной системы, индивидуальные и коллективные габитусы. Подобной формой адаптации выступает биоэтика. Выявление этических вопросов в процессе разработки, исследование условий применения и собственно процесса применения, например, генетических методов и технологий, устанавливает проблемные зоны и несоответствия существующим нормативным представлениям о нормальном и должном порядке. На повестку дня выходит вопрос о том, как генетизация социальных связей отразится на самопонимании человека и его автономии?

Актуализация вопроса о генетическом братстве имеет еще один источник во вспомогательной репродукции. Линии родства в обществе традиционно определялись генетической близостью, общей наследственностью. Методы ВРТ в хаосе репрогенетического родительства существенно меняют представление о родстве как общности по крови. Однако, возрастание роли генетической диагностики в рамках ПППМ

¹ Цит. по: Бердышева, Е. С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 1. С. 72.

² Лехциер В. Л. Медицина 4П и ситуация нового Эдипа: экзистенциальные эффекты биопредикции. / Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 21: Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ): сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М.: Издательство Московского гуманитарного университета. 2015. С. 155.

заставляет обратить внимание на подлинность данных о генетических предшественниках и общности распоряжения генетической информацией, поскольку круг заинтересованных в ней лиц постоянно расширяется. Данные о геноме человека, которые могут быть получены в связи с конкретной медицинской целью, так и могут быть выявлены непреднамеренно, будут оказывать на протяжении нескольких поколений влияние на семью, включая потомков, а в некоторых случаях — на целую группу, к которой относится соответствующее лицо. Не приведет ли персонализированная предикативная медицина в совокупности с генетизированной вспомогательной репродукцией к новым эписоциальным общностям, в которых основаниями для моральных обязательств будут служить данные о генетических дефектах? Предикативная медицина может сплачивать индивидов в соответствии с их индивидуальными, но сходными предрасположенностями к развитию заболеваний. Как будет пониматься солидарность в таких группах? Как следствие генетизации общества, стоит предполагать изменения характера социальных связей и таким образом, оснований самодетерминации и самоидентификации индивидов.

В теоретическом арсенале биоэтики вопрос об идентичности человека имеет важное значение.¹ Многие авторы проблематизацию идентичности человека в современную эпоху рассматривают в контексте вопросов, которые обсуждаются в биоэтике, подчеркивая, что меняется само понятие человека, условия формирования самоидентичности благодаря новым возможностям медицины и технологий. По словам П. С. Гуревича, вместо индивидуальности сегодня появляется дивидуум — человек делимый, когда человека можно сконструировать, собрав его из наличного материала, заменив без труда некоторые части его тела.² «Проблема идентичности кардинально изменила свой облик и содержание: она состоит не в столько в том, как обрести избранную идентичность, сколько в том какую идентичность выбрать, как ее сохранить как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее выбранная идентичность утрачена или потеряла свою ценность или привлекательность. ... По сути, появилась возможность не только проектирования идентичности по индиви-

¹ Тищенко, П. Д. Биотехнологии и проблема самоидентичности человека: Дис. ... доктора философских наук: 09.00.08 / Институт философии РАН. Москва. 2001. 221 с. Среди отечественных исследований данная работа имеет программный характер для изучения проблемы идентичности человека в контексте биоэтики.

² Гуревич, П. С. Феномен деантропологизации человека. // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 24.

дуальному выбору, но и ее перепроектирования».¹ Сфокусируем вопрос об идентичности и автономии в аспекте конвергенции генетических и репродуктивных технологий. Генетическое братство подразумевает тенденцию стирания границ индивидуального распоряжения генетической информацией и утраты контроля над собственным генетическим материалом. Особенно явно эта тенденция проявляется в связи с распространением практики отказа от анонимности донорства во вспомогательной репродукции, поскольку исследования показывают, что тайна анонимного донорства отравляет семейные отношения,² а в эпоху возрастания в медицине значимости генетической родословной, вообще теряет смысл. Представим, что пациентом ПППМ становится индивид, родившийся от трех генетических родителей в результате применения метода митохондриального трансфера. Геномный набор в этом случае будет известен уже при рождении, медицинская история, открытая в начале жизни, станет биографией. Сконструированный геном, в силу особенности своего «происхождения» будет привлекать внимание в генетической диагностике с предикативными целями, и пациенту будет понятно, с чем связано это внимание. Таким образом, в связи с развитием персонализированной медицины трудно будет, по крайней мере, скрывать факт рождения от донора, и это будет диктовать необходимость отказываться от анонимности, т.к. данный индивид и другие дети, рожденные с использованием генетического материала этого донора, будут выступать заинтересованными лицами. Также генетики формируют еще одну тенденцию во вспомогательной репродукции, свидетельствующую о расширении границ допустимых заимствований донорского материала: выбор в пользу «качественного» эмбриона, но генетически не родного. Они рассуждают так: риск появления мутаций и хромосомных нарушений у эмбриона при использовании «некачественных» гамет родителей, страдающих бесплодием неизмеримо высок. Поэтому эмбриологи могут создавать эмбрионы для данной пары. Им несомненно проще сконструировать эмбрион, используя «надежный» генетический материал, т. к. родительский уже находится под подозрением. С развитием генагностики шансов у родительских гамет все меньше, ведь они чаще всего оказываются несовершенны с точки зрения имеющихся в распоряжении методов.

¹ Горбулева, М. С., Мелик-Гайказян, И. В., Мещерякова, Т. В. Меч и скальпель семиотическая диагностика трансформации властных отношений как культурных детерминаций основных принципов биоэтики. Томск : Издательство ТПУ 201. С. 228–229

² Сидорова, Т. А. Антропологические риски суррогатного родительства при применении вспомогательных репродуктивных технологий. // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства / Сост. и отв. ред. В. А. Попов. — СПб. : МАЭ РАН, 2013. Вып. 14. С. 118.

Моральные ценности, являющиеся основаниями систем социального контроля в области репродукции, такие как сакральность брачных отношений, верность, семья как кровнородственное единство, материнская привязанность, открытость семейной генеалогии и др., трансформируются для удовлетворения желания иметь ребенка. Это желание легитимизируется концептом превентивности прав человека, в которых репродуктивные права интерпретируются как право пользоваться всевозможными достижениями репродуктивных технологий. ВРТ предоставляют возможность реализовать взаимоисключающие аспекты этого желания, например, всеми доступными способами обеспечить рождение собственного (т. е. генетически родственного) ребенка или во что бы то ни стало родить ребенка, выступая родителем-заказчиком, или только частично «участвуя» в его создании частью генетического материала.¹ Следствием этого является изменение социальных понятий: «собственный ребенок», «настоящая мать», «настоящий отец», родственники, семья. Что обозначает «собственный ребенок»? Генетически родной или неродной? Рожденный в данном браке? Рожденный с целью воспитания в данной семье? Рожденный таким, каким его задумали родители, т. е. с определенным полом и даже определенным набором генов? Обратим внимание на ассоциацию в переносе смысла «собственного» в идентификации ребенка на собственность, также как в связи слов наследственность и наследство. Если принять во внимание тот факт, что родителям приходится оплачивать услуги репродуктивных клиник, суррогатных заместителей и т. д., то «собственный» ребенок становится буквально «собственностью», ведь в его сотворение родители вложили средства и, согласно заключаемым договорам, имеют право собственности на конечный «продукт». При использовании заместительного вынашивания, например, генетическими родителями может быть поставлено под вопрос усыновление, в том случае, если ребенок родится с дефектами, и в этом будет виновата женщина, которая вынашивала ребенка. По крайней мере, существует право собственности в виде опеки, над заготовленными впрок и находящимися на хранении в репродуктивных клиниках, криоконсервированные человеческие эмбрионы. В языке слово наследственность понимается как багаж черт и признаков, который передается от родителей, предшественников, потомству. Не случайно, что и наследство в качестве совокупности материальных и символических ценностей, того, в чем предки опредмечивают свою деятельность по поддержанию рода, по-

¹ Сидорова, Т. А. Антропологические риски суррогатного родительства при применении вспомогательных репродуктивных технологий. // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства / Сост. и отв. ред. В. А. Попов. — СПб. : МАЭ РАН, 2013. Вып. 14. С. 107–108.

нимается как неотчуждаемая собственность, с помощью которой происходит родовая идентификация. Я принадлежу к тому или иному роду, семье, потому что я вступаю в распоряжение собственностью, которой меня наделяют предки. Собственностью такого рода является сегодня генетическая информация, особенно когда она принимает коммодифицированную форму, т. е. рассматривается как элемент обмена, распоряжения, превращается в товар. Термин «наследственность», как известно из истории науки, пришел в биологию из юриспруденции в XVII в. Сегодня биологическое содержание наследственности также подпадает под юридические определения. Прецеденты с патентованием генов свидетельствуют о попытках закрепить право собственности юридических лиц на расшифрованные нуклеотидные последовательности. Далек ли тот день, когда право собственности на свой геном необходимо будет физическому лицу, чтобы границы распоряжения генетическим материалом, находились под защитой закона?

В этом отношении показательна история с клеточной линией HeLa. Так назвали клетки раковой опухоли чернокожей американки Генриетты Лакс, которые убили ее в 1951 г., и которые оказались поразительно способными к воспроизводству, так что получили название «бессмертные», что позволило получать их в лабораториях в неограниченном количестве. За это время клетки HeLa стали предметом около 74 000 исследований и послужили более глубокому пониманию клеточной биологии, процессов оплодотворения, развития опухолей и разработки вакцин. Ученые из Европейской лаборатории молекулярной биологии расшифровали геном клетки линии HeLa, и сделали его общедоступным. Другое исследование, под эгидой NIH в Университете Вашингтона, было опубликовано в «Nature». О том, что клетки бабушки разбросаны по всему миру, стало известно внукам, поскольку к ним обратились с просьбой сделать анализ ДНК, с целью установления чистоты клеточной линии HeLa. Потомки инициировали судебный процесс, который завершился решением по финансовому возмещению в пользу истцов. Они заявляли о нарушении автономии, о том, что у семьи никто не получал согласия на использование клеток. Таким образом семья получила вознаграждение за использование клеточного материала спустя 62 года после смерти Г. Лакс. Директор исследовательского института д-р Фрэнсис С. Коллинз, признался в интервью, что за 20 лет работы в NIH, он не помнит ничего подобного. Самое большое беспокойство потомков вызывало нарушение их частной жизни, вопрос о том, какая информация о последовательностях в ДНК их бабушки, позволит, говорить также о геномах ее детей, внуков и т. д.¹

¹ Zimmeraug, C. A Family Consents to a Medical Gift, 62 Years Later. // New York Times. Aug. 7, 2013.

Казус потомков Г. Лакс демонстрирует еще одну сторону автономии. Последовательное отстаивание автономии, характерное для индивидуалистического общества, казалось, противоречит глобальному братству как генетической солидарности. С другой стороны, автономия, понимаемая как собственная независимость, обеспеченная правами, которые можно отстаивать, и которыми можно пользоваться, формулируя свои интересы в отношении Других (общества, государства, научных институций), последовательно приводит к тому, что тело и его части из неотчуждаемого блага, и терминальной ценности, превращается в предмет обмена, т. е. в товар. Специалисты, изучающие коммодификацию жизненно важных благ: тела, органов, тканей, клеток, в т. ч. гамет, генетической информации, указывают на то, что измеримость жизненных благ, т. е. определение их стоимости на рынке, угрожает идентичности, дисконтирует аспекты человеческой личности. Констатируется, что обменные отношения полным ходом проникают в эту сферу, «...хотя превращение чего-либо в товар, предназначенный для потребления, усиливает однородность стоимостей, а значит, грозит утратой понятия уникальности в обществе, в пределе — ощущения исключительности и, следовательно, бесценности человеческой жизни».¹

Когда генетическая информация рассматривается как элемент товарно-денежного обмена происходит унификация ее уникальности в целях контроля и распоряжения. Так, например, генетическая информация о развивающемся плоде в клинике ЭКО оценивается в преискурранте по-разному в зависимости от набора предлагаемых к выявлению мутаций. Выбору родителей-заказчиков преимплантационной или пренатальной генетической диагностики будет соответствовать уровень «качества» плода, выступающего конечным объектом отношений обмена в коммерциализированной репродукции. Поэтому сакрализация тела и его частей уходит в прошлое, открывая дорогу их коммодификации. Уникальность, данная индивиду от рождения в его генах, воплощенная в его теле, как основание автономии и идентичности нивелируется для обеспечения свободного распоряжения и обмена, которые будут приветствоваться в обществе генетического братства.

Если предположить, что в обществе возобладает генетический эссенциализм, что логично в парадигме ПППМ, то социальные значения в связях индивидов должны ослабевать, уступая доминантам биологи-

¹ Бердышева, Е. С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 1. С. 69.

ческого характера. Кровнородственная связь была основанием социальных связей в традиционных обществах. Сегодня, в обществе модерна и, особенно на современном постмодерновом этапе, ведущая роль стала принадлежать социальным по своему характеру связям. Для личности в обществе более существенным является не то, к какому роду он принадлежит, а социальные роли. Это предопределило тренды в социальном развитии, связанные с индивидуализацией и правами человека. В дискуссиях о моральных проблемах вспомогательной репродукции было показано, что разрыв между генетическим и социальным родительством, воспринимаемый как отрицательный момент современных репродуктивных технологий, всегда, в какой-то мере, существовал в истории человечества. Указание на адаптивную силу социализации репродуктивного хаоса снимает в значительной степени опасения по поводу трансформации семьи и родительства.¹ Однако, в перспективе ПППМ, и в целом тенденции генетизации жизни, с возможностью изменять геном, сами социальные механизмы будут трансформироваться в связи тем, что будет происходить дрейф ценностных координат, определявших границы самости и связи с другими. Х. Новотны и Дж. Теста ставят в связи с этим вопросы: действительно ли мы переступаем антропологический порог, к которому следовало бы подойти (если приближаться вообще) с большой осторожностью? На самом ли деле мы стоим на краю эпохального разрыва в истории человечества, некоей точке невозврата?²

Геном как основа уникальности индивида, фундамент его единичности и обособленности от других является биологическим субстратом в идентичности, понимаемой как самотождество. С другой стороны, генетика человека — есть одновременно и его связь с Другими, присутствие иного в нем самом. Телесная материя сегодня представляется более дифференцировано и структурировано. Геном выступает элементарной частью телесной морфологии, и может быть интерпретирован в ключе аристотелевых понятий, как пассивная первоматерия, как потенциальная возможность, которая разворачивается благодаря действующей, формальной и целевой причинам. Метафизические причины осуществляются в развитии и становлении индивида, где личность в сложности и богатстве ее душевно-духовной жизни и есть энтелехия тела. Что меняется в понимании собственной уникальности в слу-

¹ Курленкова, А. С. Когда язык имеет значение: от донорства яйцеклеток к рынкам ооцитов. // Социология власти. 2016. С. 107–140.

² Киященко, Л. П., Гребенщикова, Е. Г. Молекулярный век — «окраина вечности?» // Человек. 2014. №3. С. 127–137.

чае, если сама первоматерия становится конструируемой, как в случае применения метода собирания яйцеклетки из генетического материала двух женщин? Для индивида, появляющегося на свет, любой набор генов будет рассматриваться как данность, из которой развивается вся его дальнейшая телесная и личностная идентичность. Единство личностной и телесной идентичности формируется через осознание связи с Другим. Телесная феноменология так или иначе построена на принятии собственного тела как данного от рода — родительских генов, которые в свою очередь содержат послание от предыдущих поколений в родственной связи. То, что в феноменологии телесности было обозначено как «своенравность» тела, феномен, который содержит два измерения понятия контингенции — случайность и конечность, — в биомедицине теперь есть как раз то, что попадает под контроль технологии. Речь идет об уменьшении контингенции тела. Возможности современной генетики формируют представления о том, что тело дефективного ребенка, противоречащее понятию здорового тела, но и также нормализованному представлению о благе, вырастает в угрозу для родителей и формирует социальное поле, в котором оказывается легитимным родовое умерщвление. Преимплантационные способы предупреждения рождения такого ребенка появляются одновременно с возможностями удовлетворить желание бессмертного, вечно молодого тела и порождают ПППМ с ее генетическими, биохимическими, фармакологическими методами. Медицина заботится об этом индивидуальном, но социально опосредованном желании и, благодаря этому, повышает рейтинг собственного положения в обществе. Однако мотив исцеления здесь оказывается недостаточен для того, чтобы оправдать в технологии преимплантационной диагностики отбор эмбрионов с определенными генетическими признаками, которые ассоциируются с заболеванием. Мотивом культивирования признаков в выборе донора спермы с определенными свойствами в ин-витро оплодотворении, например, создание банка донорской спермы нобелевских лауреатов и ооцитов топ-моделей, выступает не потребность стать частью их рода, а быть с ними равными в социальных отношениях, где красота, ум, здоровье рассматриваются в качестве эквивалента универсального обмена стоимостью. Это желание превращается в культуре, которая использует технику и медицину как средства реализации этого желанного образа, в социально культивируемый фетиш. Фетишизирована именно телесная культура, которая воспринимает тело не как форму проявления индивидуальности и истории человека, а как инструмент власти, с которым дей-

ствуют и символизируют этим телом силу, эстетику, молодость, автономию, самодетерминацию. Здоровое, сильное, прекрасное тело придает своему носителю квазимагическую силу, которая отрицает свое рождение от конкретных родителей или конкретной матери, признание которого порождает зависимость от них в течение большого отрезка времени, родственную связь как выражение взаимной заботы, и противостоит смертности и конечности.

По мысли Х. Хакер, сегодня наибольший контроль над человеческим телом или наибольшие возможности его формирования лежат не на поверхности, не «на коже», а «под кожей», в специфическом изменении признаков при генетических вмешательствах. Выбор эмбриона по критерию качества спермы для других личностей и попытки клонирования человека, без сомнения, являются пионерами так называемой генетики предложения. Проблематично в этом не только оценка риска, который отступает на задний план перед достижением желаемого. Важнее кажется Х. Хакер специфический способ подхода к человеческому телу, которое также сегодня подвергается в геномном исследовании двойной редукции. Во-первых, тело не воспринимается как медиум самости, а напротив, лишает тело телесности, редуцируя его к материалу, к чистому *res extensa*. Во-вторых, биомедицина, особенно геномные исследования, занимается телом фрагментарно: органами, тканями, клетками, хромосомами, генами, т. е. именно частью вместо целого, функции которого должны быть поняты и изменены, но не с точки зрения целого.¹

В научном расщеплении тела ученый обращается с материальностью материала, с телом как формой проявления, но не как выражением самовосприятия и восприятия Другого, поскольку тело вырывается из жизненного контекста, из индивидуальной жизненной истории. Любая связь с телесностью, с «не-инструментальным отношением к собственному телу» и с телесным опытом с самого начала пресекается, духовность тела также не признается, как до этого не признавалась телесность духа. Таким образом, лежащая в основе геномных исследований модель дробления организма на мелкие части лишает тело целостности, а также не рассматривает тело как фактор самоидентичности человека.

В свою очередь, Х. Новотны и Дж. Теста, видят, что генетический эссенциализм проникает в общественный дискурс, в том, что геном интерпретируется в качестве светского эквивалента «души». Авторы приводят слова С. Гилберта, одного из основателей биологии развития, который

¹ *Haker, H. Prolegomena zum Selbst-Verhältnis zwischen Cyberspace und genetischer Kontrolle. / Biofakte Versuch über den menschen zwischen Artefakt und Lebenswesen. — Paderborn. 2003*

полушутя предложил, что отныне, знакомясь с человеком, вместо визитной карточки можно было бы достать из кармана компакт-диск с информацией о своем геноме.¹ А первооткрыватель структуры ДНК Джеймс Уотсон, судьбу, которую в социальной жизни понимали, как биографию человека в темпоральной организации личностной идентичности, свел к предопределению генами. «Раньше считали, что наша судьба написана на звездах. Сегодня мы точно знаем, что наша судьба написана в наших генах». Эссенциалистское отождествление геномной и личностной идентичности, сегодня вызывает озабоченность, поскольку связано с тем, что генетическую информацию мы делим с нашими родственниками и должны охранять неприкосновенность их и нашей частной жизни, если даже самому обладателю генома будет безразлично соблюдение конфиденциальности. Тем более, что в «партиципативной медицине» происходит расширение полномочий пациентов.² Пациенты становятся полноправными участниками научно-технологических проектов и таким образом последовательно решается проблема автономии: она актуальна до тех пор, пока не возникает более серьезного вызова виде борьбы со сложным заболеванием. «Можно говорить о том, что технологии становятся «интимными» и вместе с тем возникают новые зоны риска и ответственности. Прежде всего это проблемы защиты, передачи и использования информации, которую буквально с момента рождения и до смерти собирают о человеке всевозможные службы, а также он передает сам. Различные возможности идентификации человека приводят исследователей к утверждениям о «конце частной жизни», заставляя пересмотреть взаимоотношения пациентов и исследователей, доноров и реципиентов, специалистов в области ИТ и заинтересованных пользователей. Вместе с этим в сфере медицины возникают новые этические проблемы — проблемы доверия, информирования и т. п.»³

Вопрос об автономии и самоидентификации в биоэтическом ключе так или иначе связывается с информированием и конфиденциальностью. Генетическое братство предполагает открытость прозрачность. В ПППМ многое меняется в самой информации, в способах ее получения (самостоятельное решение или по направлению врача), интерпретации, т. е. кем и с какой целью проводится диагностика, кем и как

¹ *Киященко, Л. П., Гребенщикова, Е. Г. Молекулярный век — «окраина вечности?» // Человек. 2014. № 3. С. 127–137.*

² *Гребенщикова, Е. Г. Ответственные исследования и инновации в биотехнологии. // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 21: Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ): сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 13.*

³ Там же. С. 20.

будет использована информация о геноме пациента. Независимость в решении вопросов, связанных с жизнью и здоровьем, самоопределение, свобода выбора и распоряжение своими жизненными благами лежат в основании принципа автономии и конкретизируются в процедурных правилах биоэтики: неприкосновенности частной жизни, и конфиденциальности. Превентивный характер получения генетических данных открывает возможность их использования не только в целях клинической предикации, но и социальной. Отсюда границы, защищающие личностное пространство индивида должны быть пересмотрены. Мы получаем движение, направленное в обратную перспективу: открытие наследственной информации для индивида будет влиять на решение об индивидуальном здоровье, а далее автоматически будет продолжать действовать на выборы социального характера: прежде всего в сфере репродукции. Выбор преимплантационной и пренатальной генетической диагностики будет уже определяться не медицинской необходимостью, а обретет статус социального навыка, и далее логично распространится на брачный выбор, выбор социальной группы и т. д. «Родовые связи» в инструментальной обработке предикативной репродукции должны быть прозрачными также как обозримыми становятся процедуры зачатия и рождения ребенка с помощью ЭКО, поскольку они регулируются принципом автономии и сопровождаются полным информированием, что соответствует требованию социальной прозрачности в атомизированном до генетического уровня обществе. В таких тенденциях изменения современной репродуктивной культуры, как профессионализация, коммерциализация, медиализация, деинтимизация репродуктивного поведения; нарастание репрессивности в отношении фертильности, усиление государственного контроля в прокреационной сфере, видят свидетельство о том, что рождение детей из сакральной превратилось в обыденную и высокотехнологичную тему.¹

Так последовательная «генетизация» нашей жизни приучает к новым моральным порядкам. Р. А. Линдсей считает, что между генетическим вмешательством и основными правами и свободами человека не существует какого-либо противоречия. Когда человек изменяет самого себя посредством генетических технологий, меняются и его представления о справедливости². Постепенное изменение норм и ценностей в обще-

¹ Беляева, М. А. Трансляция репродуктивной культуры. // Педагогическое образование в России. 2014. № 4. С. 99.

² Прив. по: Летов, О. Б. Биоэтика и современная медицина. / РАН. ИНОН. Центр гуманитарных науч.-информ. исслед. Отдел философии. М. : 2009. с. 167.

стве под воздействием биотехнологий протекает в виде опривычивания, габитуализации нового морального опыта, который является результатом внедрения в повседневную жизнь индивидов новых понятий, новых социальных навыков и структур организации жизненного мира. В ситуации глобальной трансформации социальных практик представления о нормальном, о том, что принимать за норму изменяются с заметным ускорением. З. Бауман в своем труде «Текущая современность», представил современный социум как продолжающийся процесс сначала отказа от субстанциальности нормы, ее трансформации, а затем саморазрушения норм¹. Формирование новых норм — процесс длительный и чрезвычайно сложный. Сама динамика изменения норм является показателем состояния общества.

Выводы

Призыв к альтруизму без анонимности в донорстве гамет во вспомогательной репродукции напоминает идеологический лозунг Просвещения, в котором речь шла о братстве как форме социального равенства и солидарности в качестве условия достижения свободы и создания справедливого общества. Разнообразные лексические значения слова «братство», например, «монашеское братство» или «братство по духу», сохраняют его первичный смысл глубокой, до неразрывности, связи как это имеет место в кровном родстве. Однако, готовы ли члены общества генетической солидарности ограничить индивидуальные права и свободы, чтобы спаянность действительно имела взаимный характер? В условиях коммодификации тела, автономия и идентичность субъектов будет определяться условиями рыночного обмена, который раздвигает границы для продвижения товаров, и перераспределяет формы контроля от индивидуальных к социальным.

Генетическое братство будет форсайт-проектом сложного сочетания конструирования собственной идентичности и последовательного развития социальных и нормативных практик обеспечения автономии пациента. Неонатурализм социальных тенденций, связанных с генетизацией, по своему содержанию оказывается не возрождением родовых отношений, а даже, в каком-то смысле, противоположен им. Генетическое братство, основанное на автономии, предполагает текучую, постоянно обновляющуюся идентичность.

¹ Бауман, З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер. 2008. 240 с.

Следует предположить, что развитие генетики, в т. ч. в формах персонализированной предикативной медицины и репрогенетики, проникновение генетических знаний в структуры жизненного мира индивидов будут усиливать транс-этнические, транс-национальные, транс-культурные тренды глобального мира.

Библиографический список

Бауман, З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб. : Питер, 2008. 24 с.

Беляева, М. А. Трансляция репродуктивной культуры. // Педагогическое образование в России. 2014. № 4. С. 97–104.

Бердышева, Е. С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии. // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 1. С. 67–85.

Горбулева, М. С., Мелик-Гайказян, И. В., Мецеракова, Т. В. Меч и скальпель. Семиотическая диагностика трансформации властных отношений как культурных детерминаций основных принципов биоэтики. Томск. : Издательство ТПУ 201. 268 с.

Гребенщикова, Е. Г. Ответственные исследования и инновации в биотехнологии. // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 21: Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ): сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 2015. С. 10–22.

Гуревич, П. С. Феномен деантропологизации человека. // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 19 — 31.

Киященко, Л. П., Гребенщикова, Е. Г. Молекулярный век — «окраина вечности?» // Человек. 2014. № 3. С. 127–137.

Курленкова, А. С. Когда язык имеет значение: от донорства яйцеклеток к рынкам ооцитов. // Социология власти. 2016. С. 107–140.

Летов, О. Б. Биоэтика и современная медицина. / РАН. ИОН. Центр гуманитарных науч.-информ. исслед. Отдел философии. М. : 2009. 252 с.

Лехциер, В. Л. Медицина 4«П» и ситуация нового Эдипа: экзистенциальные эффекты биопредикции. / Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 21: Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ): сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. — М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 2015. — С. 137–171.

Сидорова, Т. А. Антропологические риски суррогатного родительства при применении вспомогательных репродуктивных технологий. // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства / Сост. и отв. ред. В. А. Попов. — СПб. : МАЭ РАН, 2013. Вып. 14. С. 104–120.

Тищенко, П. Д. Биотехнологии и проблема самоидентичности человека: автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.08 / Институт философии РАН. Москва, 2001. 42 с.

Haker, H. Prolegomena zum Selbst-Verhältnis zwischen Cyberspace und genetischer Kontrolle / Biofakte Versuch über den menschen zwieschen Artefakt und Lebenswesen. Paderborn. 2003.

Zimmeraug, C. A Family Consents to a Medical Gift, 62 Years Later. // New York Times. Aug. 7, 2013.

Авторы выпуска Authors

Белялетдинов Роман Рифатович — младший научный сотрудник Института философии РАН.

Belyaletdinov R. R. — junior research associate in the Institute of Philosophy RAS.
roman_rb@iph.ras.ru

Воронин Андрей Алексеевич — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук.

Voronin A. A. — leading researcher in the Institute of philosophy RAS, Doctor of Philosophy.
andvoronin@rambler.ru

Гребенщикова Елена Георгиевна — руководитель Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН, доктор философских наук

Grebenshchikova E. G. — director of the Center for Research and Information Studies on Science, Education and Technology, ISSS RAS, Doctor of Philosophy.
aika45@yandex.ru

Иванюшкин Александр Яковлевич — профессор кафедры философии МГПУ, доктор философских наук, кандидат медицинских наук
Ivanyushkin A. Y. — professor of Department of Philosophy, Moscow City Teacher Training University, Doctor of Philosophy, Ph.D. in Medicine.
a_ivanyushkin@mail.ru

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, доктор философских наук.

Lamazhaa C. K. — deputy director, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Full Member, International Academy of Science (Innsbruck, Austria), Doctor of Philosophy.
lamajaa@mail.ru

Луков Валерий Андреевич — профессор, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заместитель главного редактора журнала «Знание. Понимание. Умение», доктор философских наук.

Lukov Val. A. — professor, director of the Institute of Fundamental and Applied Studies of Moscow University for the Humanities, deputy chief editor of journal "Knowledge. Understanding. Skill", Doctor of Philosophy, *v-lukov@list.ru*

Майленова Фарида Габделхаковна — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук.

Maylenova F. G. — leading researcher in the Institute of Philosophy RAS, Doctor of Philosophy, *Farida.mailenova@mail.ru*

Максакова Ольга Арсеньевна — психотерапевт, канд. мед. наук, ведущий научный сотрудник Института нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко Минздрава РФ, Москва.

Maksakova O. A. — psychotherapist, PhD, leading researcher, Burdenko Neurosurgical Institute, *omaksakova@nsi.ru*

Меньшикова Мария Александровна — старшая лаборантка Института философии РАН, магистрантка философского факультета ГАУГН.

Menshikova M. A. — senior laboratory assistant in the Institute of Philosophy RAS, master student if Faculty of Philosophy in the State Academic University For The Humanities (SAUH).

1789maris@gmail.com

Мелик-Гайказян Ирина Вигеновна — зав. кафедрой Истории и философии науки, Томский государственный педагогический университет, профессор, доктор философских наук.

Melik-Gaykazyan I. V. — head of the Department History and Philosophy of Science, Tomsk State Pedagogical University, Professor, Doctor of Philosophy.

melik-irina@yandex.ru

Павлов Александр Викторович — студент Московского гуманитарного университета.

Pavlov A. V. — student of the Moscow Humanities University *pavlo1992v@icloud.com*

Попова Ольга Владимировна — старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук.

Popova O. V. — senior researcher in the Institute of Philosophy RAS, Ph.D. *j-9101980@yandex.ru*

Пронин Михаил Анатольевич — старший научный сотрудник Института философии РАН, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика», г. Москва, кандидат медицинских наук.

Pronin M. A. — senior researcher in the Institute of Philosophy RAS, head of research group «Virtualistika», *pronin@iph.ras.ru*

Сидорова Татьяна Александровна — доцент кафедры фундаментальной медицины, Новосибирский государственный университет, канд. философских наук.

Sidorova T. A. — associate professor of the chair of fundamental Medicine, Novosibirsk State University, Ph. D. *vasinatan@mail.ru*

Тищенко Павел Дмитриевич — руководитель Сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, доктор философских наук.

Tishchenko P. D. — department chief in the Institute of Philosophy RAS, Doctor of Philosophy. *pavel.tishchenko@yandex.ru*

Научное издание

Рабочие тетради по биоэтике

Выпуск 25

**Философский анализ проектов
конструирования человека:
идеалы и технологии**

Под редакцией доктора философских наук П. Д. Тищенко

Компьютерная верстка Г. Г. Кротовой

Подписано в печать 23.12.2016 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печ. л. 12.25 Тираж 500 экз.
Заказ № ____.

Издательство Московского гуманитарного университета
111395, Москва, ул. Юности, 5.